

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Научный рецензируемый журнал

«Издательский дом «Юр-ВАК»

ISSN 2658-4654 (print)

ISSN 2713-2579 (online)

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Том / Vol. 4. № 1. 2022

HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES

Publishing house «Yur-VAK»,
Москва / Moscow

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Научный рецензируемый журнал
Том 4, № 1, 2022 г.

ISSN 2658-4654 (print) ISSN 2713-2579 (online)

В журнале публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям:

5.6.0 Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки),
- 5.6.6. История науки и техники (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)

Концепция журнала

Журнал адресован историкам, политологам и всем, интересующимся прошлым, настоящим и будущим России и зарубежных государств. Цель журнала – публикация оригинальных научных результатов по проблемам формирования теорий истории, интерпретации исторических фактов, новым подходам к историческому источнику, анализу прошлого и настоящего, прогнозам будущего. Прошлое одно, а истории – истины, объясняющие прошлое, – разные. История многоконцептуальна. Только в диалоге представителей разных дисциплин и специализаций возможно выработать толерантный взгляд на сложные неоднозначные страницы истории и ее политической составляющей.

Журнал позиционирует себя как мультидисциплинарную площадку для обмена мнениями, публикаций статей, рецензий, интервью, размышлений по вышедшим материалам. Приветствуются исследования, которые содержат четко выраженный проблемно-постановочный фокус, аргументированы, с четкой авторской позицией и формулированием новых научных выводов. Принимаются работы не только на русском, но и на иностранных языках.

Научное цитирование журнала: Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef, DOAJ (Directory of Open Access Journals)

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных в Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) «Этические принципы научных публикаций».

Рецензирование: Все статьи, публикуемые в журнале, проходят двойное рецензирование, а также проверяются программой Антиплагиат по базам РИНЦ, РГБ. Подробные правила рецензирования представлены на сайте Издательского дома «Юр-ВАК» www.urvak.ru.

Главный редактор – Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Заслуженный работник Высшей школы РФ, действительный член Международной академии наук о природе и обществе, Военно-исторической Академии России, Академии инженерных наук, Почетный работник высшего профессионального образования, член Союза журналистов России; профессор кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета. ORCID: 0000-0002-3326-4796

Заместитель главного редактора – Ястребова Елена Владимировна, канд. физ.-мат. наук, член-корр. РАН, Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация

Компьютерная верстка номера – Юрасова О. А.

Перевод текста – Кожалиева А. Е.

Дизайн обложки – Кальнова К.

Журнал выпускается при участии: Института истории и археологии УрО РАН, Уральского университета – Уральского института экономики, управления и права, Мордовского Государственного университета им. Н.П. Огарева.

Наименование органа, зарегистрировавшего издание

Журнал издается с 2019 г.
Свидетельство о регистрации Средства массовой информации:
ПИ ФС77-74780 от 11 января 2019 года.

2658-4654 (print) 2713-2579 (online)

ISSN

Периодичность

4 раза в год

Учредитель и издатель

«Издательский дом «Юр-ВАК», г. Москва, Российская Федерация
ТИРАЖИ.RU г. Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 5, тел. (495) 585-08-95
<http://www.urvak.ru>

Типография

Сайт

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 23А/21

Адрес учредителя и издателя

E-mail

urvak@urvak.ru

Телефон редакции

8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

Подписка и распространение

Журнал распространяется **только по подписке**.
Индекс по каталогу агентства «Почта России»: **ПО572**
«История и современное мировоззрение». Свободная цена.
Агентство «Урал-Пресс», <http://www.ural-press.ru>

Тираж

500 экз. (1 завод 140 экз.) Формат 60х84 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1. Печ. л. 9,75

Подписано к печати

28.03.2022

HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES

Scientific peer-reviewed journal

Vol. 4, № 1, 2022

ISSN 2658-4654 (print) ISSN 2713-2579 (online)

The journal publishes peer-reviewed scientific articles on the following sciences:

5.6.0 Historical Sciences

- 5.6.1. National History
- 5.6.2. General History
- 5.6.3. Archeology
- 5.6.4. Ethnography, Ethnology and Anthropology
- 5.6.5. Historiography, Source Studies, and Methods of Historical Research
- 5.6.6. History of Science and Technology
- 5.6.7. History of Foreign Affairs and External Policy
- 5.6.8. Documentaries, Documentation, Archival Studies

Journal concept

The journal is addressed to historians, political scientists and everyone interested in the past, present and future of Russia and foreign countries. The purpose of the journal is to publish original scientific results on the formation of theories of history, interpretation of historical facts, new approaches to the historical source, analysis of the past and the present, and forecasts of the future. The past is one and only, but the stories, the truths that explain the past - are different. History is multiconceptual. Only in a dialogue between representatives of different disciplines and specializations is it possible to develop a tolerant view of the complex ambiguous pages of history and its political component.

The journal positions itself as a multidisciplinary platform for exchanging opinions, publishing articles, reviews, interviews, and reflections on published materials. Studies that contain a clearly defined problem-setting focus, are reasoned, with a clear author's position and the formulation of new scientific conclusions are welcome. Works are accepted not only in Russian, but also in foreign languages.

Scientific citation of the journal: Russian Science Citation Index (RSCI), East View Information Services, EBSCO, Ulrichsweb Global Periodicals Directory, CrossRef

The editorial policy of the "Yur-VAK" Publishing House is based on the principles formulated by the Association of Science Editors and Publishers (ASEP) Declaration "Ethical Principles of Scientific Publications".

Peer review

All articles published in the journal undergo double peer review, and are also checked by the Anti-Plagiarism program at the RSCI and RSL bases. Detailed review rules are presented on the website of the "Yur-VAK" Publishing House www.urvak.ru.

Editor-in-chief – Vladimir V. Zaparyi – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of Russian History, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Full Member of the International Academy of Sciences of Nature and Society, Military History Academy of Russia, Academy of Engineering Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education, Member of the Union of Journalists of Russia; professor at the Department of History and Social Technologies of the Ural Federal University. ORCID: 0000-0002-3326-4796

Deputy Editor-in-Chief – Elena V. Yastrebova, Cand. Sci. (Phys.–Math.), corresponding member RANS, "Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation
Computer layout of the number – Yurasova O.A.

Translator – Kozhalieva A.E.

Cover Design – Kalnova K.

The journal is published with the participation of: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ogarev Mordovia State University, Ural State University – Ural Institute of Economics.

Name of the authority that registered the publication

The publication is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).

Media Registration Certificate: PI No. FS 77-74780 dated 11.01.19.

2658-4654 (print) 2713-2579 (online)

4 times a year

"Yur-VAK" Publishing House, Moscow, Russian Federation

ТИРАЖИ.RU Moscow, Pravda str., 24, bld. 5, phone: (495) 585-08-95

<http://www.urvak.ru>

23A/21, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

urvak@urvak.ru

8-495-932-47-09, 8-916-577-94-06

The journal is distributed by subscription only.

Index according to the catalog of the "Pochta Rossii" agency: **PO 572**

"HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES". Free price.

"Ural-Press" agency, <http://www.ural-press.ru>

500 copies (1 plant 140 copies.) Format 60x84 1/8. Offset printing.

Offset paper No. 1. Pr. sh. 9,75

28.03.2022

ISSN

Publication Frequency

Founder

Printing House

Web-site

Postal address

E-Mail

Tel.

Subscription

Circulation

Signed for printing

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор журнала

Запарий Владимир Васильевич (специальность 07.00.10, 07.00.02) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Заслуженный работник Высшей школы РФ, действительный член Международной академии наук о природе и обществе, Военно-исторической Академии России, Академии инженерных наук, Почетный работник высшего профессионального образования, член Союза журналистов России; профессор кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета. ORCID: 0000-0002-3326-4796

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА:

Агапов Михаил Геннадьевич – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН, ORCID 0000-0002-3433-1516

Андреев Валерий Витальевич – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры Чувашской Республики, ректор Чебоксарского кооперативного института

Арсентьев Николай Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, профессор кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского Государственного Университета им Н.П. Огарева, директор Историко-социологического института, ORCID 0000-0003-4565-1360

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Заслуженный деятель науки и образования, член-корр. РАН, ORCID 0000-0002-6715-9185, Web of Science Researcher ID Y-6186-2018, Scopus 56357981400

Герасимов Григорий Иванович – доктор исторических наук, доцент; научный консультант Тульского государственного музея оружия ORCID 0000-00034479-2620, Researcher ID R-7767-2016

Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, декан Исторического факультета, Алтайский государственный университет, ORCID 0000-0002-6218-447X

Запарий Владимир Васильевич (специальность 07.00.10, 07.00.02) – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Заслуженный работник Высшей школы РФ, действительный член Международной академии наук о природе и обществе, Военно-исторической Академии России, Академии инженерных наук, Почетный работник высшего профессионального образования, член Союза журналистов России; профессор кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета. ORCID: 0000-0002-3326-4796

Илизаров Симон Семенович – доктор исторических наук, профессор; заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской Академии Наук (ИИЕТ РАН), ORCID 0000-0002-1502-2179

Камынин Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор; Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. ORCID 0000-0001-5564-4602

Кузьмин Вадим Александрович – доктор исторических наук, профессор; Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) департамента международных отношений Уральского гуманитарного института, ORCID 0000-0002-8935-3085

Литовский Владимир Васильевич – доктор географических наук, кандидат физико-математических наук; заведующий сектором размещения производительных сил и территориального планирования Института экономики УрО РАН

Миронов Виктор Владимирович (специальность 07.00.03, 07.00.09, 07.00.15) – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», кафедра истории и теории международных отношений, ORCID: 0000-0001-9341-8753

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Vladimir V. Zapariy – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of Russian History, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Full Member of the International Academy of Sciences of Nature and Society, Military History Academy of Russia, Academy of Engineering Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education, Member of the Union of Journalists of Russia; professor at the Department of History and Social Technologies of the Ural Federal University. ORCID: 0000-0002-3326-4796

EDITORIAL BOARD:

Mikhail G. Agapov – Dr. Sci. (Hist.); a leading researcher of Tyumen Research Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences, ORCID 0000-0002-3433-1516

Valerii V. Andreev – Dr. Sci. (Hist.), professor, Honoured Cultural Worker of the Chuvash Republic, rector of Cheboksary Cooperative Institute

Nikolai M. Arsentiev – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Economic History and Information Technologies of Ogarev Mordovia State University, Director of the Historical and Sociological Institute ORCID 0000-0003-4565-1360

Nadegda O. Bleykh – Dr. Sci. (Hist.), Professor of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Honored Worker of Science and Education, Corresponding member of the RAE, ORCID 0000-0002-6715-9185, Web of Science Researcher ID Y-6186-2018, Scopus 56357981400

Grigoriy I. Gerasimov – Doctor of Historical Sciences, an assistant professor; research advisor of Tula State Museum of Weapon, ORCID 0000-00034479-2620, Researcher ID R-7767-2016

Eugenia V. Demchik – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of Domestic History, Altay State University, ORCID 0000-0002-6218-447X

Vladimir V. Zapariy – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Department of Russian History, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Full Member of the International Academy of Sciences of Nature and Society, Military History Academy of Russia, Academy of Engineering Sciences, Honorary Worker of Higher Professional Education, Member of the Union of Journalists of Russia; professor at the Department of History and Social Technologies of the Ural Federal University. ORCID: 0000-0002-3326-4796

Simon S. Ilizarov – Dr. Sci. (Hist.), professor; head of the Department of Historiography and Source Studies of History of Science and Technology of Institute of History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov (Institute of History of Natural Science and Technology of Russian Academy of Science), ORCID 0000-0002-1502-2179

Vladimir D. Kamynin – Dr. Sci. (Hist.), Professor; Honored worker of higher school of Russia Humanities, Professor of the Department of Theory and History of International Relations Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University, ORCID 0000-0001-5564-4602

Vadim A. Kuzmin – Dr. Sci. (Hist.), Honored Worker of Higher School of the Russian Federation; Department of Oriental Studies of Ural Federal University (Yekaterinburg) Department of international relations of the Ural Institute of Humanities, ORCID 0000-0002-8935-3085

Vladimir V. Litovskiy – Dr. Sci. (Geogr.), Cand. Sci. (Phys.–Math.), Head of Sector of Productive Forces Distribution and Territorial Planning of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences Institute of Economics

Victor V. Mironov – Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of the History and Theory of International Relations, Omsk State University, Department of History and Theory of International Relations, ORCID: 0000-0001-9341-8753

Мокшина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», Researcher ID – AAG-6548-2020, ORCID 0000-0002-7069-6563

Мокшин Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, археологии и этнографии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Researcher ID – AAG-5289-2020, ORCID 0000-0001-5400-3854

Мосин Вадим Сергеевич – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник, директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, Scopus ID – 36473799800, Researcher ID – AAY-5157-2020, ORCID ID – 0000-0002-5936-3266

Нефедов Сергей Александрович – доктор исторических наук, канд. физ.-мат. наук, доцент; ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ORCID 0000-0003-0136-5020, Researcher ID: Q-1642-2015, Scopus ID: 40861593700

Побережников Игорь Васильевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и археологии УрО РАН

Румянцев Владимир Петрович – (специальность 07.00.03) – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения, Томский государственный университет, ORCID 0000-0003-0048-0545

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук; заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», ORCID 0000-0002-1872-7297

Сперанский Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН, действительный член Академии военно-исторических наук, член Союза журналистов России, Web of Science B-3998-2019, Scopus 57195632623

Сушкова Юлия Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международного и европейского права, декан юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, ORCID ID: 0000-0003-4388-0611

Шишкин Игорь Геннадьевич – доктор исторических наук, ректор Тюменского государственного института культуры, ORCID 0000-0001-8339-6167

Шорин Александр Федорович – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, ORCID 0000-0002-2353-6364

Юркин Игорь Николаевич – доктор исторических наук; главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

СОЦИОЛОГИЯ:

**23.00.05 – Политическая регионалистика.
Этнополитика (социологические науки)**

Бирюков Сергей Владимирович (специальность 23.00.02, 23.00.05) – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и технологий, Сибирский институт управления РАНХиГС (Новосибирск), ORCID 0000-0003-4071-0464

Володенков Сергей Владимирович (специальность 23.00.02, 23.00.05) – доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, профессор кафедры государственной политики, ORCID 0000-0003-2928-6068

Завершинский Константин Федорович (специальность 23.00.01, 23.00.05) – доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, профессор кафедры теории и философии политики, ORCID 0000-0003-2609-858X

Лагутина Мария Львовна (специальность 23.00.05) – доктор политических наук, профессор кафедры Мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, ORCID 0000-0001-6240-7488

Матвеева Елена Викторовна (спец. 23.00.02, 23.00.05) – докт. полит. наук, доцент, Кемеровский государственный университет, профессор кафедры философии и общественных наук, ORCID 0000-0002-7001-6935

Селезнева Антонина Владимировна (специальность 23.00.02, 23.00.05) – доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, ORCID 0000-0003-2500-6356

Elena N. Mokshina – Dr. Sci. (Hist.), professor of the Department of History of Russia, State Federal-Funded Educational Institution of Higher Professional Training «National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev», Researcher ID – AAG-6548-2020 ORCID 0000-0002-7069-6563

Nikolai F. Mokshin – Dr. Sci. (Hist.), professor, head of the Subdepartment of Pre-revolutionary National History, Archeology and Ethnography of Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Researcher ID – AAG-5289-2020 ORCID 0000-0001-5400-3854

Vadim S. Mosin – Dr. Sci. (Hist.); director of the South Ural branch of the Institute of History and Archeology of the Ural Department of Russian Academy of Science, Scopus ID – 36473799800, Researcher ID – AAY-5157-2020, ORCID ID – 0000-0002-5936-3266

Sergey A. Nefedov – Dr. Sci. (Hist.), Cand. Sci. (Phys.–Math.), associate professor; leading researcher of the Institute of History and Archeology of the Ural Department of Russian Academy of Sciences, ORCID 0000-0003-0136-5020, Researcher ID: Q-1642-2015, Scopus ID: 40861593700

Igor V. Poberezhnikov – Dr. Sci. (Hist.), Director of Institute of History and Archeology (Ural Branch of Russian Academy of Sciences)

Vladimir P. Rumyantsev – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Department of Oriental Studies of Tomsk State University, ORCID 0000-0003-0048-0545

Aleksey V. Sagimbaev – Dr. Sci. (Hist.); Head of the Subdepartment of the Global History and International Relations, «Bryansk State University named after academician I.G. Petrovskii», ORCID 0000-0002-1872-7297

Andrey V. Speransky – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of Political and Sociocultural History, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Academy of Military Historical Sciences, Member of the Union of Russian Journalists, Web of Science B-3998-2019, Scopus 57195632623

Yuliya N. Sushkova – Dr. Sci. (Hist.), professor, Head of the subdepartment of International and European Law, a dean of the Law Department of Mordovian State University named after N.P. Ogarev, ORCID ID: 0000-0003-4388-0611

Igor G. Shishkin – Doct. of Sci. (Hist), rector of the Tyumen State Institute of Cultur, ORCID 0000-0001-8339-6167

Aleksandr F. Shorin – Dr. Sci. (Hist.), professor; a leading researcher of the Institute of History and Archeology of the Ural Department of Russian Academy of Sciences, ORCID 0000-0002-2353-6364

Igor N. Yurkin – Dr. Sci. (Hist.); a leading researcher of the Institute of History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Science

SOCIOLOGY:

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Sergey V. Biryukov – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Professor of the Department of Political Sciences and Technology, Siberian Institute of Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk), ORCID 0000-0003-4071-0464

Sergey V. Volodenkov – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science, professor at the Department of Public Policy, ORCID 0000-0003-2928-6068

Konstantin F. Zavershinskiy – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Saint Petersburg State University, faculty of political science, professor of the department of theory and philosophy of politics, ORCID 0000-0003-2609-858X

Maria L. Lagutina – Dr. Sci. (Polit), professor of the Department of World Politics, St. Petersburg State University, ORCID 0000-0001-6240-7488

Elena V. Matveeva – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Kemerovo State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, ORCID 0000-0002-7001-6935

Antonina V. Selezneva – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Sciences, Department of Political Sociology and Psychology, ORCID 0000-0003-2500-6356

Чаиркина Наталия Михайловна – доктор исторических наук; заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии УрО РАН, ORCID 0000-0003-2909-623X

Шашкова Ярослава Юрьевна (специальность 23.00.02, 23.00.03, 23.00.05) – докт. полит. наук, доцент, Алтайский государственный университет, зав. кафедрой политологии ORCID 0000-0002-6126-7097

Щербинин Алексей Игнатьевич (специальность 23.00.02, 23.00.05) – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, (г. Томск) ORCID 0000-0001-7290-8622

Шэнь Ин (Китай) – доктор политических наук, декан факультета международных отношений, доцент Сычуаньского ун-та (г. Чэнду, Китай)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Пьетро Нелье (Италия) – DoS, профессор современной истории и европейской истории Университет Триеста (Università degli Studi di Trieste or UniTS)

Пиецонка Х. (Германия) – профессор, DoS, Альбрехтс Университет г. Киль Институт доисторической и раннеисторической археологии, ORCID 0000-0002-5854-1323

Торвальдсен Гуннар (Норвегия) – доктор исторических наук, заслуженный профессор Арктического университета Норвегии – Университета г. Тромсё, ORCID 0000-0002-9462-7589

Кожевников Алексей Борисович (Канада) – кандидат физико-математических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Университета Британской Колумбии, Ванкувер, Канада

Минасян Эдик Гарегинович (Армения) – доктор исторических наук, декан исторического факультета Ереванского Государственного Университета, профессор кафедры истории Армении

Абытов Байболот Капарович (Кыргызская Республика) – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Проректор по науке и международным связям Ошского государственного юридического института Кыргызской Республики

Севиндж Алиева (Азербайджан) – докт. ист. наук, доцент, зав. кафедрой Всеобщей истории и преподавания истории, Азербайджанский Государственный педагогический университет (г. Баку, Азербайджан)

Мехмет Али Бейхан (Турция) – докт. ист. наук, проф. истории, руководитель Научно-исследовательского центра им. Ататюрка (г. Анкара, Турция)

Йешилбурса Бехчет Кемаль (Турция) – докт. ист. наук, профессор истории, Улудагский университет, исторический факультет (г. Бурса, Турция)

Квициани Джони Джокиевич (Грузия) – доктор исторических наук, профессор Института кавказоведения факультета гуманитарных наук, Тбилисский государственный университет (Грузия, Тбилиси)

Полетаева Наталья Ивановна (Республика Беларусь) – докт. ист. наук, доцент, зав. кафедрой экономической истории Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Аяган Буркитбай Гелманович (Казахстан) – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Нур-Султан, Казахстан)

Сюй Цзиньцю (Китай) – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и культуры при Институте Северо-Восточной Азии Цзиньского университета Китая

Шэнь Ин (Китай) – доктор политич. наук, декан факультета международных отношений, доцент Сычуаньского ун-та (г. Чэнду, Китай), ORCID 0000-0003-1962-0181

Стоян Попов (Болгария) – доктор исторических наук, доцент, Пловдивский университет «Паисий Хилендарски», Философско-исторически факультет, кафедра «История и археология» (г. Пловдив, Болгария, ORCID 0000-0002-1872-7297

Nataliya M. Chairkina – Dr. Sci. (Hist.); deputy director on scientific matters of Institute of Archeology and History of Ural Department of Russian Academy of Science, ORCID 0000-0003-2909-623X

Yaroslava Yu. Shashkova – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of Political Science Department, Altai State University, Barnaul, Russia ORCID 0000-0002-6126-7097

Alexey I. Shcherbinin – Dr. Sci. (Polit.), Professor, head of the Department of Political science, National Research Tomsk State University, ORCID 0000-0001-7290-8622

Shen Ying (China) – Dr. Sci. (Polit.), Dean of Faculty of International Policy, Institute of International Relations, Sichuan University of China, Chendu, China

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Pietro Neglie (Italy) – Prof., Dr. Sci., The University of Trieste (Università degli Studi di Trieste or UniTS), researcher of history Italian fascism and communism, comparative analysis of ideologies, modern and European history

Piezonka Henny (Germany) – Professor, Dr. Sci., Christian Albrechts University Kiel Institute of Prehistoric and Protohistoric Archaeology, ORCID 0000-0002-5854-1323

Thorvaldsen Gunnar (Norway) – Dr. Sci. (Hist.), professor emeritus Arctic University of Norway–Tromsø University, ORCID 0000-0002-9462-7589

Alexei B. Kojevnikov (Canada) – Cand. Sci. (Phys.-Math.), Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor (Russian History and History of Science), Department of History, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Edik G. Minasyan (Armenia) – Dr. Sci. (Hist.), Dean of the Faculty of History of Yerevan State University, Professor of the Department of History of Armenia

Baibolot K. Abytov (Kyrgyz Republic) – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Vice-Rector for Science and International Relations of the Osh State Legal Institute of the Kyrgyz Republic

Sevinj Aliyeva (Azerbaijan) – Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Department of General History and History Teaching, Azerbaijan State Pedagogical University

Mehmet Ali Beihan (Turkey) – Dr. Sci. (Hist.), Professor of History, Head of Atatürk Research Center (Ankara, Turkey)

Yeşilbursa Behçet Kemal (Turkey) – Dr. Sci. (Hist.), Professor of History, University of Uludağ, Faculty of History (Bursa, Turkey)

Kwitiani Joni Djokievich (Georgia) – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Institute of Caucasus Studies, Faculty of Humanities, Tbilisi State University (Georgia, Tbilisi)

Natalia I. Poletayeva (Belarus) – Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Department of Economic History of the Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus)

Burkitbay Gelmanovich Ayagan (Kazakhstan) – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of the Institute of State History of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Xu Jinqiu (China) – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of History and Culture at the Institute of Northeast Asia of Jilin University of China

Shen Ying (China) – Doct. Sci (Polit.), Dean of Faculty of International Policy, Institute of International Relations, Sichuan University of China, Chendu, China, ORCID 0000-0003-1962-0181

Stoyan Popov (Bulgaria) – Dr. Sci. (Hist.), assoc. prof., Plovdiv University «Paisii Hilendarski», faculty of Philosophy and History, department of History and Archaeology (Plovdiv, Bulgaria), ORCID 0000-0002-1872-7297

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- СЕМЬ НЕИЗВЕСТНЫХ. ОПЫТ АТРИБУЦИИ ЛИЧНОСТЕЙ
И РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИЙ ОФИЦЕРОВ, ИЗОБРАЖЁННЫХ
НА ФОТОГРАФИИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 9
Емельянов А. В., Сильченко И. С., канди. ист. наук

- ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ НАГРАЖДЕНИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ
ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1922-1933 ГГ.) 15
Запарий В. В., докт. ист. наук, профессор, Шуняков Д. В.

- КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА США:
ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ 24
Ковалев Ю. Ю., канд. геогр. наук

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

- МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЭВОЛЮЦИИ
ОБРАЗА ПРОШЛОГО (XIX–XXI ВВ.) 33
Герасимов Г. И., докт. ист. наук, доцент

- РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ МОРДОВСКОГО НАРОДА:
ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ 41
Мокшина Е. Н., докт. ист. наук, доцент, Нарватова М. А.

- РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ КАНСИ И ПЕТРА I) 46
Сунь Чандэ (Китай)

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- ВУЗОВСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕСЯТИЛЕТИЙ:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МАГНИТОГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Г.И. НОСОВА 51
Запарий В. В., докт. ист. наук, профессор

- ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (НА МАТЕРИАЛАХ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А.М. ГОРЬКОГО) 58
Камынин В. Д., докт. ист. наук, профессор

- РАСШИРЕНИЕ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ И ИЗМЕНЕНИЕ
СТРУКТУРЫ ПОСЕВОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСТАНОВЛЕНИЙ СНК СССР) 67
Мотревич В. П., докт. ист. наук, профессор

РЕЦЕНЗИИ

- «ХЛЕБ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ...» (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: МОТРЕВИЧ В.П.
ВКЛАД В ПОБЕДУ: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ. — ЕКАТЕРИНБУРГ: АЛЬФА ПРИНТ, 2021. — 700 С. — ISBN 978-5-907502-20-8) 73
Запарий В. В., докт. ист. наук, профессор

CONTENTS

DEBATING ISSUES OF GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

- THE SEVEN UNKNOWN. EXPERIENCE OF PERSONALITY ATTRIBUTION
AND RECONSTRUCTION OF BIOGRAPHIES OF OFFICERS SHOWN
ON PHOTOGRAPHS OF THE PERIOD OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA..... 9
A. V. Emelyanov, I. S. Silchenko, Cand. Sci. (Hist.)

- CENTRALIZATION OF MILITARY AWARDS THE RED ARMY
AFTER THE END OF THE CIVIL WAR (1922–1933) 15
V. V. Zapariy, Dr. Sci. (Hist.), Professor, D. V. Shunyakov

- CLIMATE POLICY OF THE UNITED STATES:
FEATURES OF EVOLUTION AND THE CURRENT STATE 24
Yu. Yu. Kovalev, Cand. Sci. (Geograph.), Associate Professor

SOCIOCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE PAST AND PRESENT

- WORLDVIEW REASONS FOR THE EVOLUTION
OF THE IMAGE OF THE PAST (XIX–XXI CENTURIES) 33
G. I. Gerasimov, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor

- BIRTHING RITES AND TRADITIONS
OF THE MORDOVIAN PEOPLE: PAST AND PRESENT 41
E. N. Mokshina, Dr. Sci. (Hist.), M. A. Narvatova

- THE ROLE OF A PERSON IN HISTORY
(ON THE EXAMPLE OF KANGXI AND PETER I) 46
Sun Changde (China)

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- UNIVERSITY EDUCATION THROUGH THE PRISM OF DECADES:
THE EXPERIENCE OF STUDYING HISTORY
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY 51
V. V. Zapariy, Dr. Sci. (Hist.), Professor

- HISTORICAL EDUCATION IN RUSSIA AT THE TURNING
POINT OF EPOCHS (BASED ON THE MATERIALS
OF THE GORKY URAL STATE UNIVERSITY) 58
V. D. Kamynin, Dr. Sci. (Hist.), Professor

- EXPANSION OF SOWING AREA AND CHANGE IN THE STRUCTURE
OF CROPS IN THE INITIAL PERIOD GREAT PATRIOTIC WAR
(BY THE MATERIALS OF THE DECISIONS OF THE SNK OF THE USSR) 67
V. P. Motrevich, Dr. Sci. (Hist.), Professor

REVIEWS

- «BREAD AT ANY PRICE ...» (BOOK REVIEW: MOTREVICH V. P. CONTRIBUTION TO VICTORY:
AGRICULTURE OF THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR. — YEKATERINBURG:
ALFA PRINT, 2021. — 700 P. — ISBN 978-5-907502-20-8) 73
V. V. Zapariy, Dr. Sci. (Hist.), Professor

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DEBATING ISSUES OF GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

5.6.5.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES,
AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-1-9-14

Семь неизвестных. Опыт атрибуции личностей и реконструкции биографий офицеров, изображённых на фотографии периода Гражданской войны в России

©Александр Вячеславович Емельянов^{1,a}, ©Иван Сергеевич Сильченко^{2,b}

¹Частное учреждение культуры «Музейный комплекс», г. Верхняя Пышма, Российская Федерация

²Негосударственное частное учреждение высшего образования «Технический университет УГМК»,
г. Верхняя Пышма, Российская Федерация

^ae-mail: t-35@mail.ru

^be-mail: +7(902)2777814@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования. Статья посвящена процессу определения личностей, изображённых на общей фотографии членов «Алапаевской следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков». Фотодокумент, хранящийся в фондах Нижнетагильского городского исторического архива, датируется осенью 1918 г. и имеет сопроводительную подпись, требующую верификации. Выводы. Привлекая документы, представленные в отечественных центральных и региональных архивах, материалы североамериканских архивохранилищ, а также работы исследователей, авторы последовательно анализируют биографические данные офицеров, изображенных на фото. Соотнесение совокупности биографических данных с униформологическими и фалеристическими особенностями, позволяет точно атрибутировать лица и персонифицировать фотодокумент.

Ключевые слова: Гражданская война, русская эмиграция, антибольшевистские силы, фалеристика, униформология.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Емельянов А. В., Сильченко И. С. Семь неизвестных. Опыт атрибуции личностей и реконструкции биографий офицеров, изображённых на фотографии периода Гражданской войны в России // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 9-14. DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-1-9-14

The Seven Unknown. Experience of Personality Attribution and Reconstruction of Biographies of Officers Shown on Photographs of the Period of the Civil War in Russia

©Alexandr V. Emelyanov^{1,a}, ©Ivan S. Silchenko^{2,b}

¹Private cultural institution Museum complex, Verkhnyaya Pishma, Russian Federation

²Non-governmental private institution of higher education «UMMC Technical University», Verkhnyaya Pishma, Russian Federation

^ae-mail: t-35@mail.ru

^be-mail: +7(902)2777814@yandex.ru

Abstract. The purpose. The article is devoted to the process of determining the personalities depicted in the general photo of the members of the «Alapayev Investigative Commission to investigate the atrocities of the Bolsheviks». The photo document stored in the funds of the Nizhny Tagil City Historical Archive dates back to the autumn of 1918 and has an accompanying signature requiring verification. Conclusions. Using the documents presented in the national central and regional archives, materials from North American archives, as well as the work of researchers, the authors consistently analyze the biographical data of the officers depicted in the photo. The correlation of a set of biographical data with uniformological and floral features allows you to accurately attribute faces and personify a photo document.

Key words: Russian Civil war, Russian emigration, anti-Bolshevik forces, phaleristics, uniformology.

FOR CITATION: Emelyanov A. V., Silchenko I. S. The Seven Unknown. Experience of Personality Attribution and Reconstruction of Biographies of Officers Shown on Photographs of the Period of the Civil War in Russia // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 9-14. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2022-4-1-9-14

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время относительно малоизученными источниками, с помощью которых возможно персонифицировать историю Гражданской войны, являются фотографии. При наличии достаточно большого количества фотодокументов, отражающих события с разных сторон, личностные привязки зачастую отсутствуют, что не позволяет воспринимать историю в персональной, «человеческой» плоскости.

В фондах Нижнетагильского городского исторического музея хранится групповой портрет, на котором изображены семь офицеров (см. фото 1). Под фотографией имеется подпись: «Белогвардейские палачи г. Алапаевск в 1918–1919 г. 1 Суворов — член следственной комиссии, 2. Парфенов — б. штабс-капитан. 3. Ляховский — б. председатель следственной комиссии». На оборотной стороне фотографии также присутствует пометка: «Период гражданской войны — кто в чем, полная разношерстность в армии. Слева двое с полковыми знаками: первый со знаком 17-го драгунского нижегородского полка, второй со знаком Павловского училища — юбилейного выпуска». Предварительный анализ фотографии, основанный на деталях униформы и географической привязке, помог ограничить хронологические рамки исследуемого документа осенью 1919 г. — ранней зимой 1919 г.

Фото 1. Исходный групповой портрет неизвестных офицеров.

В качестве исходных данных для определения были использованы фамилии, указанные в подписи, при этом текстовые данные требовали дополнительной верификации.

Первоначальный анализ опубликованных материалов¹ дал основания утверждать, что на групповом фото изображены члены Алапаевской следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Комиссия была создана антибольшевистской властью, в ее задачи входила организация следственных мероприятий, а также уничтожение скрытых очагов сопротивления. В частности, члены комиссии принимали участие в расследовании обстоятельств убийства членов царской семьи под Алапаевском.

Определение лиц на фото было решено начать с поиска дополнительной информации. В материалах совместной выставки музея Военной техники УГМК и Управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области демонстрировалась фотография, на которой были изображены интересующие нас субъекты. (см. фото 2.). При этом подписи в отношении определения личностей А. А. Суворова и М.А. Ляховского на исходной фотографии и документе, представленном на выставке, совпадали.

Фото 2. Из материалов совместной выставки Музея УГМК и Управления ФСБ России по Свердловской области.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Для определения биографических данных указанных на фотографии лиц нами применялся широкий круг источников и исследований. Так, среди неопубликованных источников использовались документы Российского государственного военно-исторического архива, а также материалы архивов США, полученные с применением электронной базы ancestry.com. Документы не только позволили определить возможную комбинацию визуальных военно-исторических особенностей изучаемых лиц на момент создания фото, но и более подробно изучить биографические данные отдельных участников белого движения на востоке России.

Владимир Александрович Парфенов родился 28 марта 1884 г. в г. Томск. Обучался в Тюменском реальном училище (полный курс не был окончен), после чего поступил в Иркутское пехотное юнкерское училище. В 1906 г. — подпоручик, в 1914 г. — штабс-капитан. Участник Первой Мировой вой-

ны в составе 40-го Сибирского стрелкового полка. В 1915 г. был ранен², награжден орденами Св. Екатерины 3 степени³ 3 и Св. Станислава 3 степени⁴ [4]. В годы Первой Мировой войны был контужен и трижды ранен⁵. После развала армии, вернулся в Тюмень. Летом 1919 г. мобилизован в Сибирскую армию. Назначен начальником дивизионной учебной команды 4-го Сибирского стрелкового полка⁶. В Алапаевске организовал фотографирование тел Великих Князей и их погребение⁷. Осенью 1919 г. — подполковник⁸. С июля 1919 г. — командир 72-го Сибирского стрелкового полка. В январе 1920 г. перешел на сторону Красной Армии. Дальнейшая судьба неизвестна⁹.

При увеличении исходной фотографии на погонах офицера, сидящего третьим справа в первом ряду, отчетливо виднеются два «просвета» и три звезды, что соответствует званию подполковника. Сказанное выше дает основания утверждать, что данный офицер является В. А. Парфеновым.

Другой офицер, чье имя указано на фото — Алексей Александрович Суворов родился 28 июля 1896 г. в г. Алапаевск¹⁰. Отец — Александр Евграфович Суворов к началу Первой Мировой войны занимал должность управляющего Алапаевской узкоколейной железной дороги¹¹. В феврале 1917 г. А. А. Суворов окончил Казанскую школу прапорщиков¹², а летом 1917 г. был выбран в число военных присяжных Казанского военно-окружного суда¹³. С августа 1918 г. А. А. Суворов являлся офицером конной разведки Омского партизанского отряда, с 3 октября 1918 г. — начальником Алапаевской контрразведки¹⁴.

А. А. Суворов являлся одним из организаторов уничтожения большевистского подполья в окрестностях Алапаевска. Во время перестрелки в Кукайском ельнике был легко ранен в голову¹⁵. В феврале 1919 г. имел звание штабс-капитана и являлся председателем Кушвинской военно-следственной комиссии¹⁶. Деятельность А. А. Суворова в Кушве оценивалась негативно. «Следственную комиссию одинаково боялись люди как причастные к большевизму, так и непричастные. Этот сходный с советским террор, наведенный

² РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 797. Л. 3.

³ РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14847. Л. 26.

⁴ РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14811. Л. 22.

⁵ Алапаевский городской архив. Ф. 116. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.

⁶ Там же.

⁷ Смолин И. С. «Первопоходник». Лос-Анджелес (Калифорния). 1972. № 8. С. 9.

⁸ Алапаевский городской архив. Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁹ Алапаевский городской архив. Ф. 116. Оп. 1. Д. 7. Л. 53.

¹⁰ U.S., World War II Draft Registration Cards, 1942. URL: https://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=1002&h=7183511&tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&usePUB=true&phsrc=nPG198&_phstart=succesSource/ (accessed 03.05.2021).

¹¹ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1916 г. Пермь. Типография Губернского Правления. 1916. С. 49.

¹² Приказы по Армии и Флоту. Февраля 1-го дня 1917 года — февраля 14-го дня 1917 года. URL: <http://elb.shpl.ru/ru/nodes/53694?query=Высочайшие+приказы+о+чинах+военных+1916+суворов#mode/inspect/page/93/> (дата доступа 18.02.2022).

¹³ Приказы и объявления по Казанскому военному округу. 1917 Июль. URL: <http://elb.shpl.ru/ru/nodes/53691?query=Высочайшие+приказы+о+чинах+военных+1916+суворов#mode/inspect/page/71/> (дата доступа 18.02.2022).

¹⁴ Сайт историка С. В. Волкова. Вторая база данных «Участники белого движения в России». URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (дата доступа 18.02.2022).

¹⁵ Смолин И. С. «Первопоходник». Лос-Анджелес (Калифорния). 1972. № 8. С. 9.

¹⁶ НТГИА Ф. 405 Оп. 1. Д. 18. Л. 35.

¹ Дмитриев Н., Немытов О. Белый Алапаевск. Очерки истории города и района периода Гражданской войны. 1918–1919. Екатеринбург 2012 г. 312 с.

на некоторую часть населения Кушвы, мог внести долю разочарования, а главным образом, дать повод к подпольной работе большевиков¹⁷.

С 1922 г. в эмиграции в Харбине. 24 сентября 1923 г. на корабле «Президент Мэдисон» прибыл в США¹⁸. Первоначально проживал в г. Хокуам и работал водителем, позже переехал в Калифорнию.

5 августа 1929 г. федеральный суд северного округа шт. Калифорния удовлетворил петицию А. А. Суворова о получении гражданства путем натурализации. При получении американских документов его имя было официально изменено на Алексис Александр Старк¹⁹.

В 1932 г. в США из японского порта Йокогама прибыл отец А. А. Суворова — Александр Евграфович с женой²⁰.

В 1939 г. Алексей Александрович работал чертежником, по материалам федеральной переписи населения 1940 г. известно, что он числился маляром на судоремонтном заводе. В 1945–1948 гг. он служил сторожем в гостинице «Hotel Mark Hopkins», затем помощником шерифа г. Сан-Франциско²¹.

А. А. Суворов умер 13 октября 1953 г. в 13:10 от рака бронха, которым страдал 6 месяцев²². 16 октября его отпели в кафедральном соборе Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости. Погребение состоялось на Сербском кладбище г. Сан-Франциско²³.

Можно утверждать, что на исследуемом фото, сидящим первым слева офицером, является А. А. Суворов. На рукаве френча видны нашивки за два ранения, на левом кармане — знак за окончание Казанской школы прапорщиков позднего типа. В дополнение хочется отметить, что осенью 1918 г. А. А. Суворов имел звание «подпоручик»²⁴. Никто из офицеров, представленных на изучаемой фотографии, не имеет подобного звания. Погоня офицера, сидящего первым слева не видна, что дополнительно конкретизирует поиски.

Михаил Александрович Ляховский (на фото-стоит второй слева). Родился в 1893 г. После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. В 1916 г. окончил курсы Алексеевского военного училища и получил звание прапорщика. В 1918 г. занимал судебные должности в г. Тавда. Осенью 1918 г. мобилизован в Сибирскую армию. Занимал должности председателя Алапаевской и Горноблагодатской военно-следственных комиссий. В 1920 г. проживал в г. Омск и находился на должности следовате-

ля губернского военкомата²⁵. 7 октября 1920 г. расстрелян за контрреволюционную деятельность²⁶.

Личность офицера установлена путем сравнения исходного документа с фотографией из личного дела студента юридического факультета Московского университета М. А. Ляховского (см. фото 3)²⁷.

Фото 3. М. А. Ляховский - студент Московского университета.

Василий Михайлович Путилин (сидит на фото вторым справа) родился 20 марта 1895 г. в Санкт-Петербурге²⁸. Отец, Михаил Исидорович Путилин переехал на Урал, служил в Ирбитском уездном полицейском управлении, а позже семья переехала в г. Соликамск²⁹. В. М. Путилин окончил 3 класса Соликамского духовного училища, в 1914 г. числился в качестве вольнонаемного писаря Алапаевского казначейства³⁰. В 1916 г. окончил 6-ю Московскую школу прапорщиков³¹. С 10 августа 1918 г. — в отряде конных разведчиков Омского офицерского отряда³². С 28 сентября 1918 г. — член Алапаевской следственной комиссии, штабс-капитан³³. Летом 1919 г. вместе с женой эвакуировался из Алапаевска. В 1920 г. эмигрировал в Манчжурию. В начале 1930-х гг. переехал в США.

¹⁷ НТГИА Ф. 405. Оп. 1. Д. 29. Л. 125.

¹⁸ Washington, U.S., Arriving and Departing Passenger and Crew Lists, 1882–1965 URL: [https://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=8945&h=5489188&tid=&pid=&queryId=17f24fe3cb8be0b2c0530d85443dd040&usePUB=true&_phsrc=nPG199&_phstart=successSource/\(accessed 12.05.2021\)](https://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=8945&h=5489188&tid=&pid=&queryId=17f24fe3cb8be0b2c0530d85443dd040&usePUB=true&_phsrc=nPG199&_phstart=successSource/(accessed 12.05.2021)).

¹⁹ U. S., Naturalization Record Indexes, 1791–1992 URL: [https://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=1629&h=5665206&tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&usePUB=true&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/\(accessed 12.05.2021\)](https://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=1629&h=5665206&tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&usePUB=true&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/(accessed 12.05.2021)).

²⁰ Ibid.

²¹ United States Federal Census. URL: [https://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/71291822:2442?tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/\(accessed 12.05.2021\)](https://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/71291822:2442?tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/(accessed 12.05.2021)).

²² U.S., San Francisco Area Funeral Home Records, 1895–1985. URL: [https://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/397461:2118/\(accessed 12.05.2021\)](https://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/397461:2118/(accessed 12.05.2021)).

²³ The San Francisco Examiner; Publication Date: 15 Oct 1953. Publication Place: San Francisco, California, USA. URL: [https://www.newspapers.com/image/459055614/?article=3785bffa-faa0-4c49-a73d/\(accessed 12.05.2021\)](https://www.newspapers.com/image/459055614/?article=3785bffa-faa0-4c49-a73d/(accessed 12.05.2021)).

²⁴ Алапаевский городской архив. Ф. 116. Оп.1. Д. 7. Л. 54.

²⁵ Дмитриев Н., Немытов О. Белый Алапаевск. Очерки истории города и района периода Гражданской войны. 1918–1919. Екатеринбург 2012 г. с. 264.

²⁶ Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/1667435/> (дата доступа 18.02.2022).

²⁷ ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 77. Д. 210. Л.2.

²⁸ 1930 United States Federal Census. URL: [https://www.ancestry.com/imageviewer/collections/6224/images/4607706_00260?usePUB=true&_phsrc=nPG184&_phstart=successSource&usePUBJs=true&pId=734624/\(accessed 12.05.2021\)](https://www.ancestry.com/imageviewer/collections/6224/images/4607706_00260?usePUB=true&_phsrc=nPG184&_phstart=successSource&usePUBJs=true&pId=734624/(accessed 12.05.2021)).

²⁹ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 г. Пермь. Типография Губернского Правления. 1907 г. С. 49.

³⁰ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1914 г. Пермь. Типография Губернского Правления. 1914 г. С. 415.

³¹ Высочайшие приказы о чинах военных. 1 июня — 30 июня 1916 года. URL: <https://gwar.mil.ru/books/105501282/> (дата доступа 18.02.2022).

³² Алапаевский городской архив. Ф. 116. Оп.1. Д. 1. Л. 14.

³³ Там же. Л. 15.

По федеральной переписи населения США 1930 г. В. М. Путилин проживал в г. Вустер (шт. Массачусетс)³⁴, работал Василий Михайлович автомобильным механиком³⁵. В 1940 г. В. М. Путилин являлся гражданином США (гражданство получено путем натурализации). В годы Второй Мировой войны В. М. Путилин служил в военно-морском резерве США в должности механика 1-го класса³⁶. Умер В. М. Путилин 29 июня 1944 г., похоронен на участке военных летчиков кладбища Вудлон г. Эверетт (шт. Массачусетс)³⁷.

³⁴ United States Federal Census. URL: http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/71291822:2442?tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).

³⁵ Ibid.

³⁶ U.S., Headstone Applications for Military Veterans, 1925–1970. URL: http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/870949:2375?tid=&pid=&queryId=d99ae153374bfc64454059e7b85bad80&_phsrc=nPG186&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).

³⁷ Ibid.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алапаевский городской архив. Ф. 116. Оп.1. Д. 1.
2. Алапаевский городской архив. Ф. 116. Оп.1. Д. 7.
3. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 г. Пермь. Типография Губернского Правления. 1907 г. 409 С.
4. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 г. Пермь. Типография Губернского Правления. 1914 г. 415 С.
5. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1916 г. Пермь. Типография Губернского Правления. 1916. 350 С.
6. Высочайшие приказы о чинах военных. 1 июня–30 июня 1916 года. URL: <http://gwar.mil.ru/books/105501282/> (дата доступа 18.02.2022).
7. Дмитриев Н., Немытов О. Белый Алапаевск. Очерки истории города и района периода Гражданской войны. 1918–1919. Екатеринбург 2012 г. 312 с.
8. Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/person/show/1667435/> (дата доступа 18.02.2022)
9. НТГИА Ф. 405. Оп. 1. Д. 18.
10. НТГИА Ф. 405. Оп. 1. Д. 29.
11. Приказы по Армии и Флоту. Февраля 1-го дня 1917 года – февраля 14-го дня 1917 года. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/53694?query=Высочайшие+приказы+о+чинах+военных+1916+суворов#mode/inspect/page/93/> (дата доступа 18.02.2022)
12. Приказы и объявления по Казанскому военному округу. 1917 Июль. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/53691?query=Высочайшие+приказы+о+чинах+военных+1916+суворов#mode/inspect/page/71/> (дата доступа 18.02.2022).
13. РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 797.
14. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14847.
15. РГВИА. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14811.
16. Сайт историка С. В. Волкова. Вторая база данных «Участники белого движения в России». URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (дата доступа 18.02.2022).
17. Смоллин И. С. «Первопоходник». Лос-Анджелес (Калифорния). 1972. № 8. С.3–13.
18. ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 77. Д. 210.
19. 1930 United States Federal Census. URL: https://www.ancestry.com/imageviewer/collections/6224/images/4607706_00260?usePUB=true&_phsrc=nPG184&_phstart=successSource&usePUBJs=true&pid=734624/ (accessed 12.05.2021).
20. The San Francisco Examiner; Publication Date: 15 Oct 1953. Publication Place: San Francisco, California, USA. URL: <https://www.newspapers.com/image/459055614/?article=3785bffa-faa0-4c49-a73d/> (accessed 12.05.2021).
21. U. S., Naturalization Record Indexes, 1791–1992 URL: https://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=1629&h=5665206&tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&usePUB=true&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).
22. U.S., World War II Draft Registration Cards, 1942. URL: https://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=1002&h=7183511&tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&usePUB=true&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/ (accessed 03.05.2021).

Верность определения личности В. М. Путилина на фото подтверждается наличием погон, соответствующих званию штабс-капитана (звание «штабс-капитан» имеет единственный офицер на фотографии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из семи неизвестных офицеров, изображенных на групповой фотографии членов Алапаевской следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, сформированной осенью 1918 г., удалось с точностью определить четверых. Слева-направо сидят: подпоручик А. А. Суворов, штабс-капитан В. М. Путилин, подполковник В. А. Парфенов; в центре стоит прапорщик М. А. Ляховский. Атрибуция лиц стала возможной благодаря восстановлению жизненного пути офицеров, а также проведению анализа, базирующегося на сопоставлении биографических данных с униформологическими и фалеристическими особенностями.

REFERENCES:

1. Alapaevsky city archive. F. 116. Op.1. d. 1.
2. Alapaevsky city archive. F. 116. Op.1. D. 7.
3. Address-calendar and commemorative book of Perm province for 1907 Perm. Printing House of the Provincial Government. 1907 409 p.
4. Address-calendar and commemorative book of Perm province for 1907 Perm. Printing House of the Provincial Government. 1914, 415 p.
5. Address-calendar and commemorative book of Perm province for 1916 Perm. Printing House of the Provincial Government. 1916. 350 P.
6. The highest orders on the ranks of the military. June 1–June 30, 1916. URL: <http://gwar.mil.ru/books/105501282/> (accessed 18.02.2022).
7. Dmitriev N., Nemytov O. Bely Alapaevsk. Essays on the history of the city and the district during the Civil War. 1918–1919. Yekaterinburg 2012 312 p.
8. Victims of political terror in the USSR. URL: <https://base.memo.ru/person/show/1667435/> (access date 02/18/2022).
9. NTGIA F. 405. Op. 1. d. 18.
10. NTGIA F. 405. Op. 1. D. 29.
11. Orders for the Army and Navy. February 1st day 1917 – February 14th day 1917. URL: <http://elb.shpl.ru/ru/nodes/53694?query=The highest+orders+about+rank+military+1916+suvorov#mode/inspect/page/93/> (accessed 02/18/2022)
12. Orders and announcements for the Kazan Military District. July 1917. URL: <http://elb.shpl.ru/ru/nodes/53691?query=The highest+orders+about+rank+military+1916+suvorov#mode/inspect/page/71/> (accessed 18.02.2022).
13. RGVA. F. 16196. Op. 1. D. 797.
14. RGVA. F. Printed publications. Op. Printed publications. d. 14847.
15. RGVA. F. Printed publications. Op. Printed publications. d. 14811.
16. Website of historian S. V. Volkov. The second database is «Participants of the White movement in Russia». URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-01.htm (accessed on 02/18/2022).
17. Smolin I. S. «Pervopohodnik». Los Angeles (California). 1972. No. 8. p.3–13.
18. TSGAM. F. 418. Op. 77. d. 210.
19. Federal Census of the United States of 1930. URL: https://www.ancestry.com/imageviewer/collections/6224/images/4607706_00260?usePUB=true&_phsrc=nPG184&_phstart=successSource&usePUBJs=true&pid=734624/ (accessed 12.05.2021).
20. The San Francisco Examiner; Publication date: October 15, 1953. Place of publication: San Francisco, California, USA. URL: <https://www.newspapers.com/image/459055614/?article=3785bffa-faa0-4c49-a73d/> (accessed 12.05.2021).
21. USA, Naturalization Registration Indexes, 1791–1992 URL: https://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=1629&h=5665206&tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&usePUB=true&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).
22. USA, Registration cards of conscripts of the Second World War, 1942. URL: https://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=1002&h=7183511&tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&usePUB=true&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/ (accessed 03.05.2021).

23. United States Federal Census. URL: http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/71291822:2442?tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).
24. U.S., San Francisco Area Funeral Home Records, 1895–1985. URL: <http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/397461:2118/> (accessed 12.05.2021).
25. United States Federal Census. URL: http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/71291822:2442?tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&_phsrc=nPG198&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).
26. U.S., Headstone Applications for Military Veterans, 1925–1970. URL: http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/870949:2375?tid=&pid=&queryId=d99ae153374bfc64454059e7b85bad80&_phsrc=nPG186&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).
27. Washington, U.S., Arriving and Departing Passenger and Crew Lists, 1882–1965 URL: http://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=8945&h=5489188&tid=&pid=&queryId=17f24fe3cb8be0b2c0530d85443dd040&usePUB=true&_phsrc=nPG199&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).
23. Federal Census of the United States. URL: http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/71291822:2442?tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&_phsrc=npg198&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).
24. USA, Records of a funeral home in the San Francisco area, 1895–1985. URL: <http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/397461:2118/> (accessed 12.05.2021).
25. Federal Census of the United States. URL: http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/71291822:2442?tid=&pid=&queryId=f8ef3386c415501712e1023b7c44e0b4&_phsrc=npg198&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).
26. USA, Applications for tombstones for war veterans, 1925–1970. URL: http://www.ancestry.com/discoveryui-content/view/870949:2375?tid=&pid=&queryId=d99ae153374bfc64454059e7b85bad80&_phsrc=NPG186&_phstart=successSource/ (accessed 12.05.2021).
27. Washington, USA, Lists of arriving and departing passengers and crew members, 1882–1965 URL: http://search.ancestry.com/cgi-bin/sse.dll?indiv=1&dbid=8945&h=5489188&tid=&pid=&queryId=17f24fe3cb8be0b2c0530d85443dd040&usePUB=true&_phsrc=nPG199&_phstart=successSource/ (access date 12.05.2021).

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 86,9%.

Рецензент: Запарий В.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022, принята к публикации 23.02.2022
The article was received on 02.02.2022, accepted for publication 23.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Емельянов Александр Вячеславович, магистр истории, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация; эксперт по музейной деятельности ЧУК «Музейный комплекс», г. Верхняя Пышма, Российская Федерация, e-mail: t-35@mail.ru

Сильченко Иван Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Негосударственное частное учреждение высшего образования «Технический университет УГМК», г. Верхняя Пышма, Российская Федерация, e-mail: +7(902)2777814@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexandr V. Emelyanov, Master of History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (UrFU), Yekaterinburg, Russian Federation; Museum expert in Private cultural institution Museum complex, Verkhnyaya Pishma, Russian Federation, e-mail: t-35@mail.ru

Ivan S. Silchenko, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences. Non-governmental private institution of higher education «UMMC Technical University», Verkhnyaya Pishma, Russian Federation, e-mail: +7(902)2777814@yandex.ru

5.6.1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
NATIONAL HISTORY

УДК 94(470)

Централизация награждения военнослужащих Красной армии после окончания Гражданской войны (1922-1933 гг.)

©Владимир Васильевич Запарий^а, ©Дмитрий Викторович Шуныков^б

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация

^аe-mail: vvzap@mail.ru

^бe-mail: d.v.shuniakov@urfu.ru

Аннотация. Цель статьи — анализ процесса формирования и централизации системы награждения военнослужащих Красной армии с момента образования Советского Союза в 1922 г. до отмены республиканских наград в 1933 г. Материалом для исследования послужили исследования В. А. Дурова, Н. Н. Стрекалова «Орден Красного знамени» и А. Н. Куценко, Ю. Д. Смирнова «Ордена Советских республик». Авторами были использованы методы историзма, объективности и системности. Необходимость обработки количественных данных обусловило использование статистического метода. Указанный период авторами делится на два этапа. В ходе первого этапа, 1922-1924 гг. функционировала наградная система республик, созданная в ходе Гражданской войны. Награждение республиканскими наградами производилось по следующим причинам: отсутствие наградной системы СССР и разнополярные мнения относительно тенденций ее развития; продолжающиеся вооруженные столкновения, особенно на национальных окраинах, что требовало награждения отличившихся военнослужащих; наличие в республиках всех элементов наградной системы (нормативно-правовой базы, республиканских органов власти и орденов). В 1924 г. учреждается первая общесоюзная награда, формируется союзная вертикаль награждения. Одновременно в союзных республиках, образовавшихся при административно-территориальном межевании СССР учреждаются собственные награды. Таким образом, одновременно функционировали и осуществляли награждение союзная и республиканские ветви наградной системы. Награды союзные и республиканские были схожи по названию, значению, композиционному оформлению, предоставляемым льготам. Для обеспечения награждения военнослужащих и воинских коллективов в мирное время были переработаны наградные положения орденов. После становления союзной наградной системы, в 1933 г. республиканские награды были отменены. Правом учреждать награды и производить награждение ими был наделен высший государственный орган — ЦИК СССР. Республиканские ЦИК имели право лишь ходатайствовать о награждении союзными наградами. Таким образом, рассматриваемый период является переходным от республиканских наградных систем к общесоюзной.

Ключевые слова: СССР, Советская республика, Гражданская война, Красная армия, наградная система, орден.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Запарий В. В., Шуныков Д. В. Централизация награждения военнослужащих Красной армии после окончания Гражданской войны (1922–1933 гг.) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 15-23.

Centralization of Military Awards the Red Army after the End of the Civil War (1922–1933)

©Vladimir V. Zapary^а, ©Dmitry V. Shunyakov^б

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

^аe-mail: vvzap@mail.ru

^бe-mail: d.v.shuniakov@urfu.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the process of formation and centralization of the awarding system of the Red Army from the moment the Soviet Union was formed in 1922 until the abolition of republican awards in 1933. The material for the study was the research of V. A. Durov, N. N. Strekalov «Order of the Red Banner» and A. N. Kutsenko, Yu. D. Smirnov «Orders of the Union Republics».

The authors used the methods of historicism, objectivity and systemicity. The need to process quantitative data led to the use of the statistical method. The authors divide this period into two stages. During the first stage, 1922–1924. The award system of the republics created during the Civil War functioned. The awarding of republican awards was made for the following reasons: the lack of an award system of the USSR and diverse opinions regarding the trends in its development; ongoing armed clashes, especially in the national outskirts, which required the awarding of distinguished soldiers; the presence in the republics of all elements of the award system (regulatory and legal base, republican authorities and orders). In 1924, the first all-Union hail was established, an allied award vertical was formed. At the same time, in the union republics formed during the administrative-territorial land survey of the USSR, their own awards are established. Thus, the Union and republican branches of the award system simultaneously functioned and carried out awarding. Union and republican awards were similar in name, meaning, compositional design, and benefits. To ensure the awarding of military personnel and military teams in peacetime, the award provisions of the orders were revised. After the formation of the union award system, in 1933 the republican awards were canceled. The highest state body, the Central Executive Committee (CEC) of the USSR, was vested with the right to establish awards and award them. Republican CECs had the right only to petition for citizenship with union awards. Thus, the period under consideration is a transition from the republican award systems to the all-union.

Key words: USSR, Soviet Republic, Civil War, Red Army, award system, order.

FOR CITATION: Zapary V. V., Shunyakov D. V. Centralization of Military Awards the Red Army after the End of the Civil War (1922–1933) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 15–23. (in Russ.)

Советский Союз образован 30 декабря 1922 г. объединением Российской, Украинской, Белорусской и Закавказской республик [Советские конституции, ч. 2, с. 14]. На момент вхождения в состав СССР в каждой из республик существовали свои Вооруженные силы и наградные системы созданный в годы Гражданской войны, включавшие боевые и трудовые ордена. Образцом выступала РСФСР, первая учредившая ордена Красного знамени 16 сентября 1918 г. [Дуров В. А., Стрекалов Н. Н., с. 6–11] и Трудового Красного знамени 28 декабря 1920 г. [Декреты Советской власти, т. 12, с. 72] По ее примеру свои «боевые» ордена учреждали другие республики: Азербайджанская (13 июня 1920 г.), Грузинская (1921 г.), Армянская (1 сентября 1921 г.), Хорезмская (30 декабря 1921 г.) и Бухарская (17 ноября 1921 г.) [Куценко А. Н., Смирнов Ю. Д., с. 68, 132, 166, 196, 234]. После учреждения в РСФСР трудовой награды, по аналогии свои «трудовые» ордена учредили: Украинская (2 марта 1921 г.), Азербайджанская (июнь 1921 г.) и Хорезмская (15 февраля 1922 г.) [Там же, с. 84, 106, 218].

Все награды имели много общего:

- индивидуально / коллективный статус;
- наличие одной степени;
- возможность многократного награждения лица / коллектива;
- возможность награждения военнослужащего трудовыми наградами за не боевые заслуги;
- всесословность и демократичность.

Исключение составлял орден Красной звезды (Красного полумесяца) Бухарской республики, имевший три степени [Там же, с. 235–236]. Для оптимизации наградного процесса военнослужащие подразделялись на четыре категории, право награждения имели (в зависимости от категории награждаемых) Реввоенсоветы республики, фронтов и армий [Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919. с. 138–139].

Наградные системы наплаивались и пересекались друг с другом, что создавало определенные проблемы. Вооруженные силы всех республик 1 июня 1919 г. были объединены и централизовано подчинены РВСР [Там же, с. 242]. Воинские формирования и военнослужащие стали одновременно награждаться наградами разных республик. Азербайджанская, Армянская и Грузинская республики в момент вхождения в Закавказскую ССР 12 марта 1922 г. имели свои награды и оставляли за собой право применять их в дальнейшем по своему усмотрению [Куценко А. Н., Смирнов Ю. Д., с. 72].

Страна вышла из Гражданской войны в полной экономической разрухе. В сложившихся условиях необходимо было, с одной стороны, вести боевые действия (пусть и в меньшем масштабе), поскольку вооруженные столкновения продолжались, скажем в Средней Азии басмачество были ликвидировано только к концу 1920-х гг. С другой стороны, необходимо было перевести Красную армию на положение мирного времени, сократить ее численность и перенаправить высвобожденные средства на хозяйственно-экономические нужды государства. В короткие сроки численность армии была уменьшена в 10 раз, с 5,3 млн чел. в декабре 1920 г. до 562 тыс. чел. в конце 1924 г. Организационно Вооруженные силы перешли на смешанную (кадровую и территориальную) систему строительства [История военной стратегии России. с. 204].

Параллельно с реформированием Вооруженных сил строилась наградная система СССР, опиравшаяся на опыт Гражданской войны. Задачи, решаемые при становлении общесоюзной наградной системы:

- обеспечение награждения отличившихся военнослужащих в ходе продолжавшихся вооруженных столкновений;
- формирование общесоюзных органов государственного и военного управления, определение тенденций развития союзной наградной системы применительно к награждению военнослужащих и воинских коллективов;
- распределение наградных функций между союзными и республиканскими органами власти и военным ведомством;
- разработка новых наград и корректировка наградных положений уже существующих, применительно к мирному периоду строительства Вооруженных сил.

В первые послевоенные годы происходило переосмысление вклада отдельных военнослужащих или воинских формирований в события Гражданской войны, а также вручение наград отличившимся в боевых столкновениях. Связи с отсутствием общесоюзных наград продолжалось вручение ордена Красного знамени РСФСР. После официального окончания войны состоялось 5322 награждения (36% от общего количества врученных орденов за события Гражданской войны — всего 14 639 награждений) [Вестник архива Президента РФ. 1998. № 3. с. 132–157; Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным рев. оружием. с. 3–303]. Так, из трех четырежды кавалеров ордена Красное знамя за Гражданскую войну лишь один — Я. Ф. Фабрициус был награжден непосредственно в годы войны, двое других

— С. С. Вострецов и И. Ф. Федько половину своих наград получили, соответственно, в 1923 и 1924 гг. [Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным рев. оружием. с. 46, 254, 256]. Награждение орденом Красного знамени за события Гражданской войны прекращено постановлением ЦИК СССР от 26 сентября 1924 г. [Дуров В. А., Стрекалов Н. Н., с. 174]

Естественным ходом событий являлся переход на общесоюзную наградную систему, однако этот процесс затянулся на много лет из-за противоположных взглядов союзных и республиканских органов власти. Эти разногласия отчетливо проявились при учреждении ордена Красного знамени СССР. При обсуждении в феврале 1924 г. порядка награждения орденом РСФСР считала это прерогативой исключительно ЦИК СССР. Закавказская республика требовала предоставления республиканским властям права награждения наравне с союзными. Украинская республика настаивала на необходимости общесоюзных и республиканских наград. В финальном компромиссном варианте, опубликованном в постановлении Президиума ЦИК СССР 1 августа 1924 г. правом присуждения ордена Красное знамя СССР обладает общесоюзный орган власти, в исключительных случаях это право предоставлялось республиканским ЦИК, а военное время — РВС СССР [Там же, с. 81–82].

В соответствии с первой конституцией СССР 1924 г. в компетенцию высшего государственного органа — Центрального исполнительного комитета входило, кроме всего прочего, правовое регулирование государственной символики, в т. ч. и наград. Президиум ЦИК издавал акты, касающиеся общесоюзной наградной системы, а также утверждал наградные постановления СНК СССР, отдельных ведомств (в т. ч. Реввоенсовета СССР) и ЦИК республик [Советские конституции, ч. 2, с. 16]. Для решения союзно-республиканских противоречий в наградной сфере постановлением Президиума ЦИК от 14 августа 1925 г. создается специальная комиссия. Впоследствии она превратится в комиссию по рассмотрению представлений о награждении орденами СССР при Президиуме ЦИК [Иванов С. А., с. 46–47].

После образования Советского Союза происходило кардинальное административно-территориальное размежевание для повышения эффективности политического и экономического управления. В рамках этой политики в составе СССР выделялись национальные и экономические единицы (республики, автономные ССР и края и пр.). В результате во многих субъектах были приняты республиканские (союзные или автономные) конституции. Суверенитет республик был ограничен в пределах Конституции СССР, вне этих ограничений, республики осуществляли свою государственную власть самостоятельно [Советские конституции, ч. 2, с. 8].

Следствием широкой автономии стало активное республиканское «наградотворчество». В связи с окончанием войны и курс на хозяйственно-экономическое развитие страны учреждались «трудовые» награды. Всего было учреждено девять орденов Трудового Красного знамени (орденов Труда): Армянской (2 июля 1923 г.), Белорусской (10 октября 1924 г.), Абхазской (20 октября 1924 г.), Хорезмской (1924 г.), Узбекской (30 декабря 1925 г.), Туркменской (24 февраля 1926 г.), Таджикской (16 апреля 1930 г.), Грузинской (31 декабря 1931 г.), Закавказской (17 марта 1932 г.) ССР [Куценко А. Н., Смирнов Ю. Д., с. 85, 150, 218, 244, 262, 278, 310, 326, 344, 392]. Особые права и льготы кавалерам наград обеспечивались законодательством союзных республик [Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства за 1930 год. с. 502–503].

Одновременно развивалась и союзная ветвь наградной системы. В исследуемый период были учреждены следующие награды. «Боевые» ордена: Ленина (6 апреля 1930 г.), Красного знамени (1 августа 1924 г.), Красной звезды (6 апреля 1930 г.). «Трудовые» ордена: Трудового Красного знамени (7 сентября 1928 г.), Знак Почета (25 ноября 1935 г.) [Колесников Г. А. Рожков А. М., с. 15, 18, 23, 26, 31, 48]. Таким образом, вместе с наградами, учрежденными в годы Гражданской войны, союзный уровень наградной системы составлял два звания, три «боевых» и два «трудовых» ордена. Республиканский уровень включал пять «боевых» и одиннадцать «трудовых» орденов.

Функционирование Красной армии адаптировалось к условиям мирного времени. В первые послевоенные годы награждение военнослужащих осуществлялось по нормативной базе Гражданской войны (описана выше). Приказ Наркомвоенмора СССР № 731 от 13 июня 1924 г. отменил право самостоятельного награждения командующих округами, фронтами и армиями орденом Красного знамени. Данный приказ поставил наградное производство Вооруженных сил в подчиненное положение органам государственного управления СССР. Система награждений военнослужащих включала: нормативно-правовую базу регламентирующую наградную практику (порядок представления, награждения, вручения и лишения наград); органы военного наградного производства, обеспечивающих процесс подготовки (согласования, утверждения) наградного материала и вручения наград; наградные знаки и документы. Кадровые органы воинских частей готовили наградной материал, который после прохождения ряда согласований в вышестоящих наградных инстанциях оказывался в наградной комиссии НКВМД СССР. После рассмотрения и утверждения представления Наркомвоенмора СССР наградные листы поступали в Президиум ЦИК СССР. В случае положительного решения выходило постановление ЦИК о награждении и вручение в Москве награды военнослужащему [Иванов С. А., с. 50–52].

При награждении военнослужащих и воинских коллективов применялись все ордена союзного и республиканского уровня. Для этого в статуты союзных «боевых» орденов добавлены положения, позволяющие производить награждения в мирное время. Например, орден Красной звезды мог вручаться отличившимся: «как в военное, так и в мирное время». Аналогично этому, «трудовые» награды могли вручаться за повышение обороноспособности страны [Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства за 1930 год. с. 503, 505].

По причине наличия во многих республиках только трудовых наград, их активно использовали для поощрения военной деятельности. Так, Всеукраинский ЦИК наградил 1-ю Запорожскую имени Французской компартии кавалерийскую дивизию орденом Трудового Красного знамени УССР за заслуги в Гражданской войне [Первая червоная (1917–1929 гг.). с. 120]. Орденом Трудового Красного знамени ГССР 24 февраля 1928 г. был награжден 21-й отдельный саперный батальон Краснознаменной Кавказской армии за: «Редкое упорство в борьбе с встречающимися на пути препятствиями» [Куценко А. Н., Смирнов Ю. Д., с. 244].

По мере формирования общесоюзной наградной системы необходимость существования орденов в республиках стало ставиться под сомнение. Упразднение республиканского наградного производства происходило постепенно. Впервые ограничения появились в положении «Об орденах СССР», утвержденном постановлением ЦИК СССР от 30 апреля 1930 г. В данном документе сохранялось право ЦИК республик учреждения республиканских орденов, но при согласии

на это ЦИК СССР. В уточняющем постановлении от 5 мая 1930 г. «О применении общего положения об орденах Союза ССР» ЦИК СССР ограничил реализацию льгот только на союзные награды, по своим наградам республики льготы выполняли самостоятельно [Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства за 1930 год. с. 500, 503]. Запрет на учреждение республиканских наград и награждение ими был наложен постановлением ЦИК СССР от 23 апреля 1933 г. «Об орденах Союза СССР и союзных республик и о нагрудных значках». За республиканскими ЦИК осталось лишь право ходатайствования о награждении союзными наградами в ЦИК СССР [Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства за 1933 год. с. 296]. Принятая 5 декабря 1936 г. новая «Сталинская» Конституция СССР окончательно закрепила право учреждения наград и награждение ими только за Президиумом Верховного совета СССР [Советские конституции, ч. 3, с. 17].

Таким образом, в течении десяти лет после образования Советского Союза параллельно существовали два уровня наградной системы: союзный и республиканский. Оба уровня включали: нормативно-правовую базу (союзную и республиканскую), регламентирующую порядок учреждения, представления, утверждения, награждения и лишения наград; органы государственной (республиканской) власти и военного управления, обеспечивающие наградное производство в отношении военнослужащих и воинских коллективов; орденские знаки (боевые и трудовые), а также наградные документы (книжки и грамоты). Республиканский уровень наградной системы сыграл важную роль в первые годы СССР, когда союзный уровень только формировался. Особенно большое значение республиканские ордена сыграли на национальных окраинах, где противники советской власти вели активную вооруженную борьбу длительное время. После формирования союзной наградной системы и спада активности вооруженной борьбы, республиканские ордена были отменены.

Все республиканские ордена (за исключением Красной звезды (Красного полумесяца) Бухарской республики) были схожи по замыслу, названию, способу ношения (слева на груди на штифте с винтом), композиционному оформлению, норма-

тивно-правовой базе и, поэтому, легко были заменены общесоюзными аналогами [Куценко А. Н., Смирнов Ю. Д., с. 166].

По мнению авторов учреждение республиканских наград явилось следствием следующих причин: отсутствие общесоюзных наград в момент образования СССР; награды являются неотъемлемым атрибутом государственности¹ Их учреждение являлось вопросом престижа, мнимой республиканской независимости, авторитетность наград поддерживалась награждением высших лиц государства, таких как В. И. Ленин, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и др.; возможностью мобилизации общества, направление социального потенциала лица (коллектива) на полезные для республики действия [Малинкин А. Н. с. 156], пропаганды ценностей советского строя; возможностью самостоятельного награждения без обращения в общесоюзные наградные инстанции.

Военное наградное производство находилось в подчиненном положении к государственному. На первом этапе, в 1922–1924 гг., награждение осуществлялось в порядке, установленном в годы Гражданской войны. В 1924 г. Реввоенсоветы фронтов, округов и армий лишились права самостоятельного награждения. По законодательной базе награждение военнослужащих союзными наградами замыкалось на высшие органы государственной власти. Правом награждения «боевыми» орденами Реввоенсовет СССР получал только в военное время.

Для награждения военнослужащих в мирное время в статуты орденом были внесены изменения. В соответствии с ними, «боевые» награды могли вручать за отличие в военных действиях, или за заслуги в укреплении обороноспособности государства в мирное время. В статуты «трудовых» наград были добавлены положения о «военном» строительстве. Таким образом, «трудовые» ордена играли роль современных ведомственных наград Министерства обороны за отличие по службе, добросовестного исполнения служебных обязанностей.

¹ См. подробнее статья о наградной системе: Запарий В. В., Шуняков Д. В. Награды и наградная система: определения и характеристики // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: в 2-х т. — Екатеринбург: УрО-РАН, 2018. Т.1. С. 333–345.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Боевые ордена советских республик из собрания Государственного исторического музея

а

б

в

Г

Д

Е

Ж

З

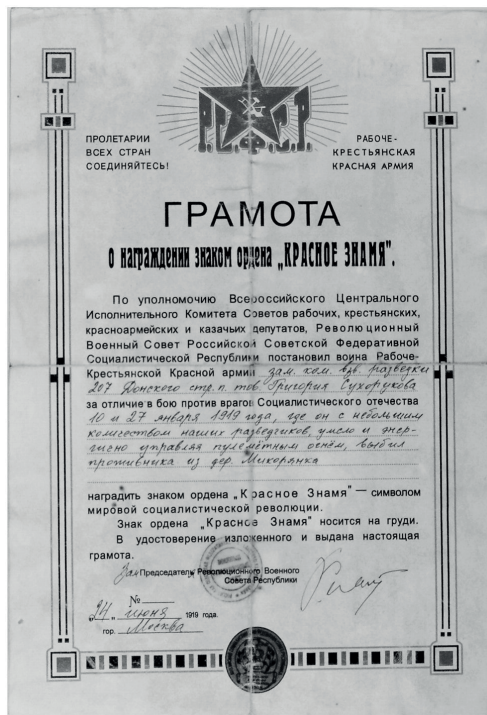

И

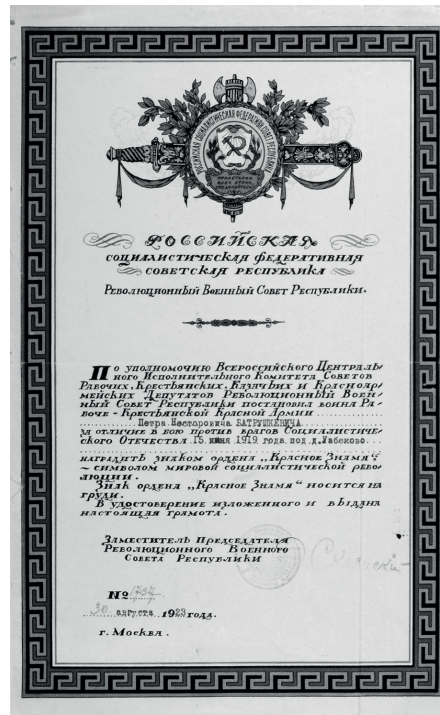
Боевые ордена советских республик, учрежденные в годы Гражданской войны:

а — орден Красного знамени РСФСР № 10596. Инв. №. КР 1621657. ГИМ; б — орден Красного знамени РСФСР повторного награждения № 268. Инв. №. 105575/Оп №18. ГИМ; в — орден Красного Знамени ГССР № 1. Инв. №. КР 1644283. ГИМ; г — орден Красного Знамени АзССР. Инв. №. 98516/Оп № 8. ГИМ; д — орден Красного Знамени АССР №88. Инв. №. КР 1517920. ГИМ; е — красный военный орден ХНСР №1. Инв. №. КР 1644256. ГИМ; ж — орден Красного Знамени ХССР. Инв. №. 105028/Оп №35. ГИМ; з — орден Красной звезды/ Красного Полумесяца БНСР. 2 степень. Инв. №. КР 1502541. ГИМ; и — орден Красной звезды/ Красного Полумесяца БНСР. 3 степень. Инв. №. КР 1517572. ГИМ

Наградные документы к боевым орденам советских республик

Грамота о награждении знаком ордена Красное знамя, выданная 24 июня 1919 г. заместителю командира взвода разведки 207-го Донского стрелкового полка Г. Сухорукову. Москва. Аукционный дом «The New York Sale», каталог нумизматического аукциона №33. URL: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=605&lot=2091> (дата обращения: 22.04.2020)

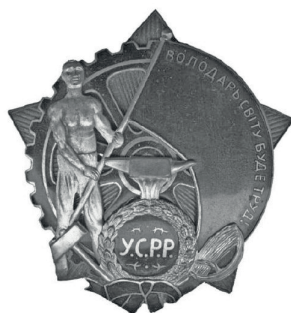

Грамота о награждении знаком ордена Красное знамя, выданная 30 августа 1923 г. П.Н. Батрушкевичу за отличия в бою 15 июня 1919 г. под д. Узбеково. Москва. Аукционный дом «The New York Sale», каталог нумизматического аукциона №33. URL: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=605&lot=2095> (дата обращения: 27.11.2021)

**Трудовые ордена советских республик из собрания
Государственного исторического музея (начало)**

а

б

в

г

д

е

ж

з

и

Трудовые ордена советских республик:

а — орден Трудового Красного знамени РСФСР. Инв. №. КР 1580344. ГИМ; б — орден Трудового Красного Знамени УССР № 367. Инв. №. КР 1599002. ГИМ; в — орден Трудового Красного знамени ГССР № 113, тип 2. Инв. №. КР 1663181. ГИМ; г — орден Трудового Красного знамени ГССР № 20, тип 1. Инв. №. КР 1673824. ГИМ; д — орден Трудового Красного знамени АзССР № 46, тип 1. Инв. №. 104908/Оп № 499. ГИМ; е — орден Трудового Красного знамени АзССР № 46, тип 2. Инв. №. КР 1621663. ГИМ; ж — орден Трудового Красного знамени АрмССР № 47, тип 1. Инв. №. КР 1491135. ГИМ; з — орден Трудового Красного знамени АрмССР, тип 2. Инв. №. КР 1517922. ГИМ; и — орден Трудового Красного знамени БССР №128. Инв. №. КР ОН 1503204. ГИМ

Трудовые ордена советских республик из собрания
Государственного исторического музея (окончание)

к

л

м

н

о

п

р

с

т

Трудовые ордена советских республик:

к — орден Трудового Красного знамени ТаджССР. Инв. №. КР 1581365. ГИМ; л — орден Трудового Красного знамени УзССР №119, тип 1. Инв. №. 107990/Оп №11. ГИМ; м — орден Трудового Красного знамени ТуркмССР. Инв. №. 105028/Оп №108. ГИМ; н — орден Труда ХНСР. Инв. №. КР 1599067. ГИМ; о — орден Трудового Красного знамени ХССР. Инв. №. 107809/Оп №86. ГИМ; п — орден Республики ТАР №160, 1 тип. Инв. №. КР 1591206. ГИМ; р — орден Республики ТАР №39, 2 тип. Инв. №. 106730/Оп №81. ГИМ; о — орден Труда ТАР №73. Инв. №. 106730/Оп №80. ГИМ; т — орден Красного знамени ЗСФСР №18. Инв. №. 106113/Оп №183. ГИМ.

Награжденные орденами союзных республик

а

б

в

г

Награжденные орденами союзных республик:

а — Я.Ф. Фабрициус, командир 48-й стрелковой бригады, награжденный четырьмя (на момент фотографии — тремя) орденами Красного знамени РСФСР (1919; 13.10.1920; 23.03.1921; 31.12.1921). Инв. №. ФМЛ ФОЛ-10546. ГИМ; б — И. И. Тимотиевич, награжденный орденом Красного Знамени АрмССР №24 (4.4. 1921). Инв. №. И IX 8481. ГИМ; в — В.И. Шорин, командующий войсками Туркестанского фронта, награжденный орденами РСФСР (пр. РВСР №12 за 1919 г.) и Красной звезды/ Красного Полумесяца БНСР 1-й степени (приказ по войскам Туркфронта № 1256 от 11.9.1922 г.). Инв. №. ИФ XX 7121/12. ГИМ; г — неизвестный кавалер ордена Красного знамени ХССР. Аукционный дом «VITBER art & antiques», каталог нумизматического аукциона №42. URL: <https://www.vitber.com/lot/11374> (дата обращения: 22.11.2021)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919. М.: Русский мир, 1997. 640 с.
2. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год. М.: Советское законодательство, 1931. 575 с.
3. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1933 год. М.: Управление делами Совета министров СССР, 1948. 937 с.
4. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. М.: Госвоениздат, 1926. 303 с.
5. Иванов С. А. Развитие системы награждений орденами и медалями военнослужащих Красной армии (1918–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук М.: 2009. 254 с.

REFERENCES:

1. Revolutionary Military Council of the Republic. Protocols. 1918–1919. Moscow: Russian world. 640 p.
2. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1930. Moscow: Soviet legislation. 575 p.
3. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1933. Moscow: Administration of the Council of Ministers of the USSR. 937 p.
4. Collection of persons awarded the Order of the Red Banner and honorary revolutionary weapons. Moscow: State Military Building. 303 p.
5. *Ivanov, S. A. (2009). Development of the system of awards with orders and medals of military employees of the Red Army (1918-1945): dis... candidate of Sciences. Moscow: 254 p.*

6. Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Политиздат, 1957–1997.
7. Советские конституции. Хрестоматия: в 4 ч. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во Благовещенского гос. пед. ун-та, 2015.
8. Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918-1964 гг. // Вестник архива Президента РФ. 1998. № 3. С. 132–157.
9. Запарий В. В., Шуныков Д. В. Награды и наградная система: определения и характеристики // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18-19 октября 2018 г.: в 2-х т. Екатеринбург: УрО-РАН, 2018. Т.1. С. 333–345.
10. Дуров В.А., Стрекалов Н. Н. Орден Красного Знамени. М.: Collector's Book, 2005. 224 с.
11. История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 592 с.
12. Колесников Г.А., Рожков А. М. Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1983. 302 с.
13. Куценко А.Н., Смирнов Ю. Д. Ордена Советских республик. Донецк: Ред.-изд. предприятие «Лебедь», 1996. 400 с.
14. Малинкин А.Н. Награда как социальный феномен. СПб; М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 324 с.
15. Первая червонная (1917–1929 гг.) / под ред. И. Дубинского и Н. Савко. М.: Госвоениздат, 1931. 191 с.
6. Decrees of Soviet power: in 18 tons. Moscow: Politizdat.
7. Soviet constitutions. Chrestomatia: at 4 h. / Comp. D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Publishing House of the Annunciation state pedagogical university. 2015.
8. Data on the number of awards with orders and medals of the USSR for the period 1918-1964. Vestnik arhiva Prezidenta RF, 3, 132-157.
9. Zapariy V.V., Shunyakov D.V. (2018). Awards and award system: definitions and characteristics. Ural industrial'nyj: Bakuninskie chteniya. Ekaterinburg, T.1, 333–345.
10. Durov V.A., Strekalov N. N. (2005). Order of the Red Banner. Moscow: Collector's Book. 224 p.
11. History of the military strategy of Russia / ed. V.A. Zolotarev. Moscow: Kuchkovo field; Polygraphic resources. 592 p.
12. Kolesnikov G. A., Rozhkov A. M. (1983). Order and medals of the USSR. Moscow: Military building. 302 p.
13. Kutsenko A. N., Smirnov Yu. D. (1996). Order of the Soviet Republics. Donetsk: Ed. enterprise «Swan». 400 p.
14. Malinkin A. N. (2013). Award as a social phenomenon. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives. 324 p.
15. The first worm (1917–1929) /edited by I. Dubinsky and N. Savko. 1931. Moscow: State Military Building. 191 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 97,3%.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022, принята к публикации 27.02.2022
The article was received on 06.02.2022, accepted for publication 27.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Российская Федерация, Autor ID 5942-3942, e-mail: vvzap@mail.ru

Шуныков Дмитрий Викторович, магистрант кафедры Отечественной истории Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: d.v.shuniakov@urfu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vasilii V. Zapariy, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, Autor ID 5942-3942, e-mail: vvzap@mail.ru

Dmitry V. Shunyakov, Department of undergraduates of the Domestic Institute of the Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, e-mail: d.v.shuniakov@urfu.ru

5.6.7.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) HISTORY OF FOREIGN AFFAIRS AND EXTERNAL POLICY

Климатическая политика США: особенности эволюции и современное состояние

©Юрий Юрьевич Ковалев

Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета
им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: ykowaljaw@gmail.com

Аннотация. Цель данной статьи — проанализировать особенности становления и эволюцию климатической политики США, оценить влияние внутренних и внешних факторов на ее формирование и эволюцию. США являются одним из главных игроков мировой климатической политики. За последние 30 лет они занимали особую позицию на переговорном процессе в рамках конференций сторон по климату (COP). Эта позиция характеризуется защитой своих национальных интересов, использованием рыночных инструментов и билатеральных отношений в борьбе с глобальным изменением климата. США настаивали и настаивают на принятии добровольных обязательств всеми странами мира по сокращению выбросов CO₂. Кроме того, позиция США по вопросам борьбы с глобальным изменением климата имеет циклический характер: при правлении президентов от демократической партии принимаются более амбициозные программы, чем при республиканских. Решения, принимаемые президентом страны, имеют низкий юридический статус и могут быстро быть изменены по пришествию нового президента. В настоящее время США занимают позицию мирового лидера в борьбе с климатическими изменениями. Президент Дж. Байден указал на цели достижения углеродной нейтральности США к 2050 г., широко проводит политику экологической трансформации национального хозяйства, защиты экосистем и биоразнообразия. Однако данная политика может быть легко перечеркнута его приемником, как это уже случилось в 2017 г. при правлении президента Д. Трампа.

Ключевые слова: глобальное изменение климата, США, экологическая трансформация, Киотский протокол, Парижское соглашение, углеродная нейтральность.

Для цитирования: Ковалев Ю. Ю. Климатическая политика США: особенности эволюции и современное состояние // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 24-32.

Climate Policy of the United States: Features of Evolution and the Current State

©Yuri Yu. Kovalev

Ural Federal University named after First President
of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: ykowaljaw@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to analyze the features of the formation and evolution of the US climate policy, the influence of internal and external factors on its formation and evolution. The United States is one of the main players in global climate policy. Over the past 30 years, they have held a special position in the negotiation process within the framework of the Climate Conferences of the Parties (COP). This position is characterized: the protection of their national interests, the use of market instruments and bilateral relations in the fight against global climate change. The United States insisted and continues to insist on the acceptance of voluntary commitments by all countries of the world to reduce CO₂ emissions. In addition, the US position against global climate change is cyclical: under the presidency of the Democratic Party, more ambitious programs are adopted than under the Republican ones. Decisions made by the president of the country have a low legal status and can be quickly changed after the arrival of a new president. The United States is currently the world leader in the fight against climate change. President J. Biden pointed to the goals of achieving carbon neutrality in the United States by 2050 and is widely pursuing a policy of ecological transformation of the national economy, protection of ecosystems and biodiversity. However, this policy can be easily crossed out by his successor, as it already happened in 2017 during the reign of President D. Trump.

Key words: global climate change, USA, ecological transformation, Kyoto Protocol, Paris Agreement, carbon neutrality.

FOR CITATION: Kovalev Yu. Yu. Climate Policy of the United States: Features of Evolution and the Current State // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 24-32. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

США — один из центральных игроков в глобальной климатической политике и мировой лидер по выбросам парниковых газов (далее — ПГ) в исторической ретроспективе. На протяжении всего XX в. они были главными производителями антропогенного CO₂ в мире. Их доля аккумулированного в атмосфере диоксида углерода колеблется от 25 до 30%. В середине прошлого века на Соединенные Штаты приходилось более 50% всех мировых выбросов². Одновременно США первыми из индустриально развитых государств начали проводить климатическую политику, приняв еще в начале 1960-х гг. законы, регулирующие выбросы вредных веществ в атмосферу (Clean Air Act, 1963). Сегодня (январь 2022 года) Соединенные Штаты занимают по выбросам парниковых газов второе место в мире (порядка 6,5 млрд т).

Учитывая историческую ответственность Соединенных Штатов за глобальное изменение климата и раннее инициирование мероприятий по охране климата внутри страны, следовало бы ожидать от них решительных действий в борьбе против глобального потепления на международной арене. Однако, напротив, международную климатическую политику США за период с момента подписания Рамочной конвенции ООН по климату (1992 г.) можно охарактеризовать как непоследовательную и малорезультативную. Периоды политической активности в области защиты климата (во время президентства Б. Клинтона, Б. Обамы, Дж. Байдена) чередуются годами фактически игнорирования данной проблемы (Дж. Буш-младший) и даже проведением радикальной «антиклиматической» политики (Д. Трамп). Затягивание переговорного процесса, его безрезультативность, многочисленные блокады решений, принимаемых сторонами (parties) на конференциях — на счету этой страны. Цель данной статьи — охарактеризовать основные этапы развития климатической политики США, определить ее национальные особенности, а также факторы, влияющие на климатическую политику страны, показать роль и значение различных политических акторов в ее формировании.

Изучение международной и национальной климатической политики ведется сравнительно недавно. На сегодняшний день достаточно детально исследованы этапы эволюции международной климатической политики (Gupta, 2014; Edenhofer, 2017; Simonis, 2017; G. Macdonald и др.). Менее полно представлены работы по анализу климатической политики отдельных стран мира. Среди исследований американской климатической политики можно выделить работы В. Арройо (Arroyo, 2010), Р. Г. Харриса (P. G. Harris, 2016), К.И. Бейли (C.J. Baily 2015), К.С. Галагхера (K.S. Gallagher 2018). Изучение климатической политики, процессов экологической модернизации в отдельных странах мира, выявление национальных стратегий в борьбе с глобальным изменением климата, а также факторов, оказывающих влияние на формирование и вектор развития данного политического поля, представляется актуальной областью исследования политических наук. США как один из крупнейших мировых производителей ПГ и важнейший политический актор в борьбе с глобальным изменением климата заслуживают особого внимания, т.к. от политических действий именно этой державы в области «зеленой» трансформации страны и ее поведения на международной арене во многом зависит достижение целей Парижского соглашения по климату, а значит, и будущее всей нашей планеты.

² United States: What share of global CO₂ emissions are emitted by the country?/URL: <https://ourworldindata.org/co2/country/united-states?country=~USA>(accessed: 11.12.2021)

ТЕОРИИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическую основу данного исследования образуют теория «коллективных благ» американского экономиста М. Олсона. М. Олсон в своей работе «Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп» объясняет поведение акторов по отношению к «коллективным благам», которым является в нашем исследовании атмосфера Земли [Олсон, 1995]. Сокращение выбросов ПГ за счет проведения экологической модернизации экономики становится важными факторами сохранения этого коллективного блага. Однако, т.к. некоторые субъекты международных отношений склонны потреблять коллективное благо без желания оплачивать собственную, дорогостоящую экологическую модернизацию — по М. Олсану, они действуют как «безбилетники». Тогда усилия стран по стабилизации климата будут тщетны, если другие страны не будут осуществлять подобные мероприятия. Это создает недоверие и делает переговорный процесс по формированию международного климатического режима чрезвычайно сложным. Каждая страна пытается получить для себя наибольшее преимущество с экономической точки зрения. Создание глобальных механизмов всеобщей ответственности воздействует на «климатическое» поведение отдельных стран. Также налаживание системы международной торговли квотами на выбросы ПГ и требования обязательств на их сокращения для всех стран мира стали важными шагами в правильном направлении.

Поведение США на переговорах по климату и варьирование внутренней климатической политики прекрасно объясняется данной теорией. Политика США в этой области отражает страхи политической элиты, быть в числе «проигравших стран» при реализации климатических целей. Развивающиеся страны и, прежде всего страны БРИКС, видятся американским истеблишментом как «безбилетники», которые наращивают свою экономическую и политическую мощь, отстаивая их право на «развитие». США за все время существования климатической дипломатии настаивали на принятии всеми странами мира климатических обязательств. Парижское соглашение по содержанию и форме, определяющий мировой климатический режим до 2100 г. во многом включает в себя позицию США на международных переговорах.

Методологическую основу данной статьи образует структурно-аналитический подход. Анализ позиции США, отраженные в законодательных национальных актах, декларациях климатических конференций (КС), национальных климатических стратегиях и национальной статистике позволяет определить характер, направления и достижения климатической политики США, оценить влияние тех или иных факторов (внешних и внутренних) на процессы ее формирования и развития.

Основными источниками, на которых основывались положения и выводы данной публикации явились данные международных и национальных статистических служб, декларации климатических конференций (Конференции Сторон), национальные документы в области климатической политики, аналитические публикации в этой области.

ЭМИССИИ ПАРНИКОВЫХ ГАЗОВ (ПГ) И СЕКТОРАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕКАРБОНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ США

В 2022 г. США остаются одним из главных мировых источников выбросов ПГ. На них приходится 13,4% всех глобальных выбросов парниковых газов, что делает их вторым

крупнейшим эмитентом ПГ в мире (1-е место — КНР). Выбросы ПГ в стране по итогам 2019 года составили порядка 6,5 млрд т¹. При этом на CO₂ как главный компонент ПГ приходилось более 5,1 млрд т. По сравнению с 1990 г. выбросы ПГ США не только не уменьшились, но даже выросли на 1,5%². В период 1990–2005 гг. наблюдалось континуальное повышение выбросов парниковых газов. Своего максимума они достигли в 2005 г. и составили более 7,4 млрд т (см. рис. 1). С 2006 г. стало заметно снижение выбросов. Особенно значительное падение произошло в период до 2010 г. За это время выбросы сократились на 8,3%. В период 2010–2019 г. — на 3,8%. Однако, по сравнению со странами ЕС, сокращение эмиссий ПГ было не континуально, циклично и в целом темпы декарбонизации крайне незначительны. За 2020 г. сокращение ПГ составило более 1,8%, что связано со снижением деловой активности во время пандемии.

США — одна из ведущих держав мира по выбросам CO₂ в расчете на жителя страны. В 2019 г. этот показатель составлял 15 т/чел, что было в два раза выше уровня ЕС. Только одна страна в Европе имеет показатели выше американских — Люксембург (16 т/чел). Однако необходимо отметить, что душевые показатели выбросов в США сократились в период 1990–2019 более чем на 4 тонны³.

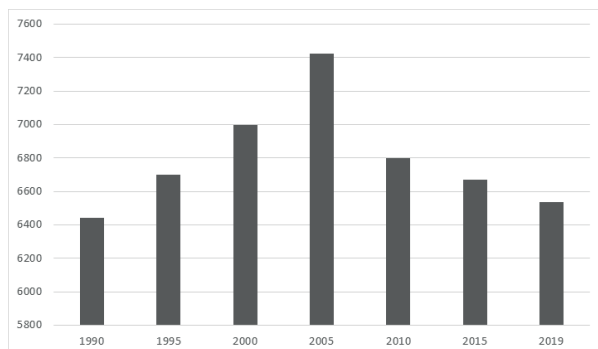

Рис. 1. Динамика выбросов парниковых газов в США в период 1990–2019 гг. (млн т. эквивалент CO₂)

Fig.1. Dynamics of greenhouse gas emissions in the United States in the period 1990–2019 (million tons CO₂ equivalent)

Источник: Inventory of U.S. Greenhouse Gas Emissions and Sinks: 1990–2019

Анализ секторальных выбросов ПГ показывает существенные отличия от аналогичных секторальных выбросов ЕС. В Соединенных Штатах главным источником эмиссий ПГ является сектор транспорта. На него приходилось порядка 30% всей национальной эмиссии (или 1961 млн т эквивалента CO₂). Такая высокая доля автотранспорта в выбросах ПГ объясняется национальным «культу» автомобиля, плохим развитием системы общественных перевозок, отсутствием альтернатив. Общеизвестно тяготение американцев к большому, тяжелому, мощным персональным автомобилям, какими являются внедорожники. В 2018 г. на данный класс приходилось 50% всех проданных в США автомобилей. Именно внедорожник — одна из главных причин увеличения выбросов ПГ в транспортном секторе⁴. На этот тип автомобилей прихо-

дится больше выбросов CO₂, чем на всю мировую авиацию и даже всю тяжелую промышленность мира⁵. Неудивительно, что президент Дж. Байден в своей инфраструктурной программе уделяет особое внимание модернизации этого сектора.

Вторым по объему выбросов ПГ в США является сектор энергетики. На него приходилось 25% всех выбросов (1635 млн т.). «Озеленение» энергетического сектора образует «ядро» всей климатической политики страны. Его реорганизация, реформирование и обновление было в числе приоритетных направлений климатической политики Б. Обамы. Действующий сегодня президент Дж. Байден также поставил развитие «чистой» энергетики в центр своей климатической политики, невзирая на наличие в США существенных запасов нефти, газа и угля⁶. Этот шаг фактически расколол американскую элиту и общество. Ведь большинство республиканцев предпочитают остаться в рамках традиционной энергетической парадигмы, базирующейся на использовании ископаемого топлива. Демократы сделали ставку на развитие страны без опоры на углеродное топливо, держа в голове серьезные климатические риски, с которыми она может столкнуться.

На сегодняшний день структура энергопотребления США мало чем отличается от большинства развитых стран мира. В ней доминирует ископаемое топливо. На него в 2020 г. приходилось 79% всего энергопотребления США. Другие 21% составляли атомная, гидроэнергетика и возобновляемые источники энергии. Среди ископаемых энергоносителей в потреблении энергоресурсов лидировали нефть (34,5%), природный газ (34%), уголь (9,7%). Возобновляемые источники энергии (ВИЭ) представлены ветровой (3,2%), биоэнергией (4,8%), солнечной (1,2%), гидроэнергией (2,6%) и геотермальной (0,2%). В период 1990–2019 гг. доля ВИЭ в энергопотреблении заметно возросла. Если в 1990 г. их доля составляла 4,1%, то к 2020 г. она увеличилась до 9,4% (без гидроэнергетики)⁷. Одновременно уменьшилась доля ископаемых энергоносителей. Согласно представленному административной Дж. Байдена климатической стратегии, США обязуются достичь нулевых выбросов из сектора производства электроэнергии до 2035 г.⁸ Задача поистине грандиозна, если учесть, что США занимают третье место в мире по числу угольных электростанций (263), уступая в этом только Китаю (1077) и Индии (281)⁹.

Американский сектор промышленности, строительство, а также все инфраструктурные объекты страны формируют более 36% национальных выбросов. По сравнению с 1990 г. эмиссии диоксида углерода в производственном секторе сократились на 17%, но одновременно выросли в строительстве и инфраструктуре на 4%¹⁰. Здесь нужно сделать отступление и сказать, что американская промышленность и инфраструктура характеризуются невысокой энергоэффективностью

⁵ Там же.

⁶ President Biden's Bipartisan Infrastructure Law//The white House//URL: <https://www.whitehouse.gov/bipartisan-infrastructure-law/> (accessed: 03.12.2021).

⁷ ABL 1.3 PRIMARY ENERGY CONSUMPTION BY SOURCE// URL: <https://www.eia.gov/totalenergy/data/browser/index.php?tbl=T01.03#/?f=A&start=1949&end=2020&charted=4-1> (accessed: 04.12.2021).

⁸ The United States of America Nationally Determined Contribution// URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/United%20States%20of%20America%20First/United%20States%20NDC%20April%2021%202021%20Final.pdf> 3 (accessed: 11.12.2021).

⁹ 2/3 aller Kohlekraftwerke stehen in China, Indien und den USA//Statista//URL: <https://de.statista.com/infografik/22439/anzahl-der-aktiven-kohlekraftwerke-weltweit/> (accessed: 05.12.2021).

¹⁰ Crippa, M., Guizzardi, D., Muntean, M., Schaaf, E., Solazzo, E., Monforti-Ferrario, F., Olivier, J.G.J., Vignati, E., Fossil CO₂ emissions of all world countries — 2020 Report, EUR 30358 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2020 p. 222.

¹ Inventory of U.S. Greenhouse Gas Emissions and Sinks: 1990–2019 p. 36// EPA// URL: <https://www.epa.gov/climate-indicators/climate-change-indicators-us-greenhouse-gas-emissions> <https://www.epa.gov/climate-indicators/climate-change-indicators-us-greenhouse-gas-emissions> (accessed: 02.12.2021).

² Там же p. 3.

³ Там же p. 37.

⁴ Klimakiller SUV-Boom: Studie malt drastisches Zukunftsszenario// URL: <https://www.fr.de/wirtschaft/suv-trend-klimakiller-ica-studie-zeigt-drastische-folgen-13139502.html> (accessed: 03.12.2021).

и уступают по этому показателю многим другим развитым государствам. США по душевым показателям потребления энергоресурсов в нефтяном эквиваленте (6,8 т/чел) входят в первую десятку стран мира, уступая лишь нефти экспортирующим государствам Персидского залива (Катару, ОАЭ, Кувейту) и глобальным центрам переработки нефти (Тринидад-и-Тобаго, Кюрасао)¹¹. Снижение показателя энергопотребления и повышение производственной и инфраструктурной эффективности является одной из центральных задач национальной климатической политики США.

На сельское хозяйство США приходится порядка 10% всех национальных выбросов ПГ. Вместе с лесными территориями и населенными пунктами, которые включены в сектор «Землепользование, изменение землепользования, леса», его доля повышается до 12%. Сельское хозяйство — главный производитель такого парникового газа, как метан (на американское животноводство приходится 27% всех эмиссий CH₄ США) и оксида азота (75% всех выбросов)¹². Однако сектор сельского хозяйства — это не только производитель парниковых газов, с позиций национальной климатической политики требующий конкретных нововведений по их сокращению, но также важнейший источник альтернативной энергетики. Животноводство и растениеводство создают порядка 5% энергетических ресурсов, использующихся в электроэнергетике, производстве тепла и транспорте. Луга, пастбища и пашни, кроме того, играют роль естественных поглотителей ПГ. Поэтому экологизация сельскохозяйственной деятельности, адаптация ее к национальным климатическим целям неизбежны. Также охрана, расширение площадей других естественных поглотителей (прежде всего лесных угодий) является одной из важнейших целей политики президента Дж. Байдена¹³. Однако успех мероприятий по декарбонизации экономики США зависит от многих политических факторов, главным из которых является создание консенсуса в этой области между основными политическими институтами США — представительной властью в виде администрации президента США, законодательной (верхней и нижней палатой) и судебной властью. Отношения между этими инстанциями комплексны и зависят от расстановки политических сил, преследуемых интересов, давления со стороны лоббистских организаций, политической ситуации в мире и т.д. Очевидное противостояние демократической и республиканской партий приводит к взаимным блокадам по вопросам климатической политики, что часто наблюдалось в ее историческом развитии.

ЭВОЛЮЦИЯ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США

Климатическая политика США до 1990 г.

Среди исследователей климатической политики США нет единого мнения в вопросе о дате рождения данного политического поля в стране. У разных авторов фигурируют данные о 1960-х, 1970-х и 1980-х гг. Исследователь климатической политики США К. Бейли утверждает, что ее истоки положены

в середине 1970-х гг. Администрацией президента Р. Никсона [Bailey, 2016 p.6]. Более ранний срок указывает Ф. Маульсхаген и связывает его с деятельностью президентской Администрации Л. Джонсона [Mauelshagen, 2021, p. 25]. Действительно, в 1965 г. в послании к Конгрессу США он первым из президентов США признает опасность увеличения выбросов CO₂ для будущих поколений¹⁴. Три месяца спустя (ноябрь 1965 г.) Научно-консультативный совет при президенте Л. Джонсоне опубликовал доклад «Восстановление качества окружающей среды», в котором тема антропогенных эмиссий диоксида углерода в атмосферу заняла одно из центральных мест¹⁵. В докладе указывается на рост концентрации CO₂ в атмосфере (на основании данных Килинга на Мауна-Лоа) и возможные негативные последствия данного явления для окружающей среды (таяние полярных льдов, нагревание океанов, подъем уровня моря) [Restoring; 1965, pp.112–131].

В 1970-х гг. тема парникового нагревания атмосферы усиливает свои позиции в политическом дискурсе США. В 1978 г. президентом Д. Картером был подписан закон о «Национальной климатической программе», разработанный еще при Администрации Р. Никсона. Закон институционализировал климатическую политику и придал ей важный статус. При этом, как отмечает Г. Хендерсон, в то время царил редкий межпартийный консенсус в отношении нагревания атмосферы. Как демократы, так и республиканцы признавали всю серьезность роста температур воздуха и требовали усиления национальных мер по адаптации к климатическому стрессу [Henderson, 2016, 212]. Однако межпартийный консенсус наблюдался также в том, что в программе отсутствовали положения по мероприятиям, ограничивающим выбросы CO₂ или сдерживающим деятельность нефтегазовой или угольной промышленности США. Данные ограничения негативно повлияли бы на национальную безопасность и противоречили «американскому образу жизни» [Mauelshagen, 2021].

Пришедший к власти в 1981 г. Р. Рейган относился к проблеме нагревания атмосферы и глобального изменения климата очень скептически. Приоритеты его политики лежали в преодолении энергетического кризиса и борьбе с инфляцией. Любые ограничения экономической деятельности с позиции проводимой его Администрацией политики неолитерализма считались неприемлемыми. В это время наблюдается резкое сокращение финансирования исследований в области изменения климата. Урезанию финансовых средств подвергается Институт исследований космоса им. Годдарда (GISS) под руководством Дж. Хансена и метеостанция на Мауна-Лоа, измеряющая концентрацию углекислого газа в атмосфере [Oresces, 2008].

Второй период правления Администрации Р. Рейгана (1985–1989) отмечался кардинальным изменением позиции в отношении феномена глобального изменения климата и климатической политики. Перед лицом неоспоримых доказательств роста температур и перемещения данной проблемы в центр международных переговоров Администрация Р. Рейгана поняла, что дальнейшее отрицание очевидных фактов может привести к маргинализации США на международной арене и потере контроля над принимаемыми по линии ООН решениями. Тем самым национальные интересы — а именно: защита интересов крупного капитала, компаний, ведущих

¹¹ Energy use (kg of oil equivalent per capita) //World Bank Data. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=EG.USE.PCAP.KG.OE&country>(accessed: 06.12.2021)

¹² Inventory of U.S. Greenhouse Gas Emissions and Sinks: 1990–2019//EPA// URL:<https://www.epa.gov/sites/production/files/2021-04/documents/us-ghg-inventory-2021-main-text.pdf#page=393&zoom=100,92,276P.36-37>(accessed: 06.12.2021).

¹³ The United States of America Nationally Determined Contribution// URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/United%20States%20of%20America%20First/United%20States%20NDC%20April%2021%202021%20Final.pdf>(accessed: 07.12.2021).

¹⁴ Special Message to the Congress on Conservation and Restoration of Natural Beauty. 8.08.1965 // The American Presidency Project// URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-conservation-and-restoration-natural-beauty> (accessed: 07.12.2021).

¹⁵ Restoring the Quality of Our Environment.Report of the Environment Pollution Panel President's Science Advisory Committee. The White House. November 1965//URL: <https://www.climatefiles.com/climate-change-evidence/presidents-report-atmospher-carbon-dioxide>(accessed: 10.12.2021).

свою деятельность как на территории США, так и за ее пределами — стали решающими факторами, определившими такой поворот. Однако и реальные заботы членов кабинета о последствиях изменений в атмосфере также оказали определенное влияние на изменение курса США¹⁶. В 1987 г. США подписали Монреальский протокол по защите озонового слоя и поддержали создание при ООН Межправительственной группы экспертов по изучению глобального изменения климата (МГЭИК) в 1988 г. В том же году вице-президент администрации Дж. Н. Буш на Парижском экономическом саммите выступал в роли мирового лидера в вопросах защиты окружающей среды [Mauelshagen, 2021, p. 28].

Вступивший в должность президента Дж. Буш-старший продолжил курс своего предшественника. В 1990 г. он подписал изменения в законе об охране воздуха (Clean Air Act), которые улучшили процессы мониторинга загрязнений и создали для бизнеса экономические стимулы к сокращению выбросов. Во время подготовки рамочной конвенции ООН по изменению климата Администрация Дж. Буша-старшего отклонила предложение европейских и развивающихся стран по принятию США конкретных обязательств по сокращению выбросов. Вместо этого США согласились остановить выбросы ПГ к 2000 г. на уровне таковых 1990 года, что и было отражено в окончательном варианте конвенции ООН (РКИК, статья 4, 2а)¹⁷. Президент и одновременно Сенат США поддержали данную конвенцию в таком ее содержании. Как отмечает исследователь климатической политики США В. Арройо, Рамочная конвенция ООН была первым и последним соглашением по климату, получившим широкую политическую поддержку в США [Arroyo, 2010 p. 267].

Климатическая политика США в 1992–2009 гг.

В период 1992–1997 г. США принимали участие в разработке всеобъемлющего международного климатического договора, определявшего конкретные цели, обязательства стран по сокращению выбросов ПГ. Находящийся тогда у власти президент Б. Клинтон и его Администрация были заинтересованы в заключении такого договора. Климатическая политика стала одним из важнейших направлений политики США. Однако перед самым началом конференции сторон в Киото 6.12.1997 г. американский сенат единогласно принял резолюцию (95:0), известную под названием «Резолюция Берда-Хейгеля»¹⁸. Она обязывала делегацию США не подписывать какое-либо соглашение, которое не гарантирует одновременных действий со стороны развивающихся стран (прежде всего Китая, Индии, Бразилии). Невключение этих государств в список стран с обязательными целями рассматривалась как угроза глобальной конкурентоспособности США. Тем самым резолюция сигнализировала, что Сенат США не ратифицирует соглашение, подобное Киотскому протоколу, если оно не будет соответствовать ее требованиям.

В декабре 1997 г. делегацией США был подписан Киотский протокол, обязывающий США сократить на 7% уровень

выбросов ПГ в период 2008–2012 г. по сравнению с базовым 1990-м годом¹⁹. Развивающиеся страны, в том числе такие крупные как Индия, Китай, Бразилия, Мексика, были освобождены от конкретных обязательств. Президент Б. Клинтон подписал Киотский протокол 12 ноября 1998 г., но не представил его в Конгресс для ратификации, поскольку знал, что он там не будет принят.

Этот факт борьбы ветвей власти, содействия соглашению и даже его подписание президентом США при очевидности его непринятия со стороны законодательной власти ставит вопрос о мотивах таких действий. Как отмечает Г. Симонис со ссылкой на американских исследователей, такое поведение американского правительства не является единичным [Simonis, 2017, 340]. Администрация США подписывала многие природоохранные соглашения, которые позже не были представлены в Сенат на ратификацию. Это объясняется, во-первых, желанием Администрации США представить себя на международной арене как заинтересованного в решении глобальной проблемы игрока, во-вторых, бессилием реализации данных соглашений внутри страны, при отсутствии большинства представителей партии президента в Сенате и Конгрессе [там же, 340]. «Разделенная власть» считается одним из «тормозов» прогрессивных преобразований в стране. Правление президента Б. Клинтона характеризовалось ситуацией «разделенного правительства», в которой республиканцы имели большинство в обеих палатах. Джордж Буш-младший (2001–2009 гг.) должен был править только с оппозиционным большинством в Палате представителей в последние два года своего правления (110-й Конгресс). Б. Обама (2009–2017 г.) не имел большинства в Палате представителей. Предпоследний президент Д. Трамп имел большинство только в Сенате. Дж. Байден в 2021 г., имея большинство в Палате представителей, уступает республиканцам в Сенате²⁰.

Подписав Киотский протокол, Б. Клинтон надеялся, что будущие партийные констелляции в Конгрессе и Сенате будут благоприятны для ратификации этого договора. Однако этого не произошло. Пришедший к власти в 2001 г. Дж. Буш-младший полностью отменил Киотский протокол и в течение последующих восьми лет своего правления подавлял любые законодательные или административные инициативы, требующие сокращения выбросов парниковых газов [Baily, 2015 p. 7].

Американский исследователь М. Лисовский объясняет позицию американской Администрации тремя очень важными причинами [Lisowski, 2002]:

- трудовая деятельность Дж. Буша в нефтяной отрасли (ArbustoEnergy — компания семьи Буш) в течение 11 лет;
- вице-президент США Д. Чейни занимал пост директора крупнейшей американской фирмы по разведке нефти Халлибертон (Halliburton) и
- реализация концепции «Америка прежде всего» (America first), которую затем успешно подхватил 47-й президент США Д. Трамп.

Администрация Буша проводила новую энергетическую политику, основанную на развитии внутренней нефтегазовой промышленности с целью снижения растущей зависимости США от импорта нефти, а также для превращения страны в важного игрока на мировом рынке нефти и газа. США вышли из договора, но участвовали в работе КС РКИК в качестве

¹⁶ Wampler R.A. U.S. Climate Change Policy in the 1980s// National Security Archive//URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB536-Reagan-Bush-Recognized-Need-for-US-Leadership-on-Climate-Change-in-1980s/> (accessed: 11.12.2021).

¹⁷ Доклад Межправительственного комитета по ведению переговоров по Рамочной конвенции об изменении климата //ООН/URL:https://unfccc.int/files/essential_background/publications_htmlpdf/application/pdf/convru.pdf (дата обращения: 11.12.2021).

¹⁸ A resolution expressing the sense of the Senate regarding the conditions for the United States becoming a signatory to any international agreement on greenhouse gas emissions under the United Nations Framework Convention on Climate Change//Congress USA// URL: <https://www.congress.gov/bills/105/congress/senate-resolution/98>(accessed: 15.12.2021).

¹⁹ Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата//ООН/URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml(дата обращения: 15.12.2021).

²⁰ Current Legislative Activities. 117th Congress (2021–2022)//Congress USA//URL:<https://www.congress.gov>(accessed: 16.12.2021).

блокатора многих предложений. Кроме того, в 2007 г. США создали международную экономическую платформу по энергетической безопасности и изменению климата (Major Economies Meeting on Energy Security and Climate Change). Ее целью стал поиск «рыночных» путей редукции ПГ без замедления экономического роста²¹. Немецкий исследователь Симонис Г. выделяет не менее 4 крупных соглашений в области климатической политики (как мульти-, так и билатеральных), заключенных Администрацией Дж. Буша в период его президентства с другими странами вне рамок ООН (например, Глобальная инициатива по метану, включающая в себя более 40 стран) [Simonis, 2017]. Тем самым Дж. Буш хотел снизить роль ООН как главного международного института в борьбе с глобальным изменением климата.

Выход США из Киотского протокола и снижение их активности на международной арене повлекло за собой смещение центра борьбы с глобальным изменением климата в зал заседаний обеих палат Конгресса США, в столицы федеральных штатов и суды, где рассматривались иски и жалобы общественных организаций. В августе 2001 г. два сенатора Д. Маккейн и Д. Либерман инициировали законопроект, который предусматривал сокращение выбросов ПГ в стране к 2010 г. (Закон об охране климата)²². Хотя этот законопроект не был одобрен большинством голосов, он получил значительную поддержку при голосовании в 2003 г. (55 «против» и 43 «за»). В 2005 г. по инициативе того же сенатора Д. Маккейна Верхней палатой был принят закон об «управлении климатом и инновациях»²³. Закон стимулировал мероприятия по декарбонизации экономики США за счет использования торговых квот на выбросы ПГ. Он предполагал, что организации с высокими эмиссиями ПГ должны располагать квотами на выбросы и участвовать в торговле, обмене, списании или использовании иным образом разрешенных для торговли квот в соответствии с законом. Кроме этого, он предусматривал:

- учреждение стипендии Национального научного фонда для аспирантов в области исследований изменения климата;
- формирование отчета о влиянии Киотского протокола на Соединенные Штаты;
- исследование последствий резких изменений климата;
- изучение воздействия изменения климата на группы населения с низкими доходами во всем мире и
- создание образовательных и информационно-просветительских программ по изменению климата для сельскохозяйственных организаций и индивидуальных фермеров²⁴.

«Климатические» инициативы формируются также в ряде штатов США. В отдельных из них разрабатываются конкретные планы по сокращению выбросов ПГ в различных секторах и устанавливаются конкретные цели редукции ПГ. В 2002 г. Калифорния стала первым штатом США, который принял закон об ужесточении выбросов CO₂ автомобильным транспортом. Согласно этому закону, штат должен разрешать эксплуатацию автомобилей только с низким выбросом газов. А с 2009 г. планировалось государственная поддержка покупки автомобилей с нулевым выбросом ПГ. В 2018 г. число таких автомобилей составило в штате 4,5%. К 2045 году Ка-

лифорния планирует довести их долю до 85%²⁵. В 2010 году 15 штатов США имели сходный с калифорнийским закон. Кроме того, группа Северо-Восточных и Среднеатлантических штатов учредила Региональную инициативу по контролю над выбросами парниковых газов (RGGI), которая установила предельные квоты на выбросы в энергетическом секторе и потребовала от предприятий покупать разрешения у государства в случае их превышения [Argo, 2010 p. 269].

Таким образом, американская климатическая политика характеризовалась в исследуемый период цикличностью и находилась под влиянием противостояния республиканских и демократических партийных сил. Несмотря на различные взгляды республиканцев и демократов в отношении целей и инструментов реализации климатической политики, международной роли страны, оба партийных лагеря подчеркивали значение экономической целесообразности, гибкости, независимости, свободы действий американской политики в этих вопросах.

Климатическая политика президента Б. Обамы

Выборы Барака Обамы в ноябре 2008 года принесли в климатическую политику США радикальные изменения. Во время предвыборной кампании он поставил борьбу с глобальным изменением климата в приоритетные задачи своего президентства. Климатическая политика нового президента включала в себя коренные преобразования в экономике (широкое внедрение ВИЭ, повышение энерго- и ресурсоэффективности производства, расширение рынков торговли углеродом и др.), снижение зависимости от энергоресурсов из стран Ближнего Востока (American Clean Energy and Security Act, 2009). Планы Б. Обамы осложнились наступившим мировым финансовым кризисом и наступлением рецессии в США. Принятый Конгрессом план помощи экономике в размере 700 млрд долл. включал в себя 80 млрд долл. инвестиций в область чистой энергетики и повышения энергоэффективности.

Одновременно США усилили свою активность и на международной арене климатической политики. В этом они не отходили от своей традиционной линии — оказание давления на развивающиеся страны, чтобы они приняли на себя обязательства по сокращению выбросов. Конференция в Копенгагене (КС 15) в 2009 г., которую отдельные исследователи считают «провальной» в истории международной климатической политики, стала для США важным, успешным этапом реализации этой политики. Копенгагенское соглашение, которое было официально подтверждено на последующей конференции по климату в Канкуне 2010 (КС 16), предусматривает, что уже в промежуточный этап (2013–2020 гг.), вплоть до нового, согласованного на международном уровне климатического режима, как развивающиеся, так и промышленно развитые страны принимают на себя добровольные обязательства по сокращению выбросов ПГ. Кроме того, целевой показатель 2°C признан всеми государствами мира как верхний предел глобального потепления. В 2009 г. Б. Обама обещал, что к 2020 году Америка сократит свои выбросы ПГ на 20% [H.R. 2998, 2009 p. 525]. Благодаря своей внешней климатической политике США смогли гарантировать, что, во-первых, группа развивающихся стран, особенно Китай и Индия, после 2012 года возьмут на себя обязательства по сокращению выбросов, и, во-вторых, что суверенитет США в этой области будет гарантирован, поскольку «цели» являются обязательными, но,

²¹ President Bush's Invitation to Major Economies Meeting on Energy Security and Climate Change//URL: <https://2001-2009.state.gov/g/oes/rfs/or/92160.htm>(accessed: 16.12.2021)

²² US-SENATOREN WOLLEN GESETZENTWURF ZUM KLIMASCHUTZ EINBRINGEN//URL: <https://www.energate-messenger.de/news/17712/us-senatoren-wollen-gesetzentwurf-zum-klimaschutz-einbringen> (accessed: 17.12.2021).

²³ Climate Stewardship and Innovation Act of 2005//Congress USA// URL:<https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/1151> (accessed: 16.12.2021).

²⁴ Там же.

²⁵ 2020 Mobile Source Strategy// California Air Resources Board// URL:https://ww2.arb.ca.gov/sites/default/files/2021-12/2020_Mobile_Source_Strategy.pdf(accessed: 05.01.2022).

одновременно, добровольными и США не могут быть привлечены к судебной ответственности или санкциям на международном уровне.

В этой модели США оставались независимыми от контроля со стороны международных структур, которого они как глобальная супердержава всегда старались избежать (политика последующего президента США это ярко продемонстрирует).

На конференции в Дурбане (2011 г.) было принято решение принять новый, глобальный договор о климате в 2015 г. на конференции в Париже. В обсуждении нового договора посланник от США в переговорном процессе Т. Стерн представил позиции своей страны:

- новый режим (с 2020 г.) должен обладать высокой степенью гибкости, быть «амбициозным, эффективным и надежным»;
- обязательства по декарбонизации должны определяться на национальном уровне в соответствии с национальными условиями и возможностями;
- должны применяться не жесткие правила, а неформальные нормы и «необязательные требования»;
- положение платформы Дурбана о том, что правовой формой будущего соглашения может быть «протокол, другой правовой инструмент или согласованный результат, имеющий юридическую силу», должно интерпретироваться как можно более гибко, поскольку строгие правовые нормы ограничивают политическое поле страны [Аптоу, 2010].

В декабре 2015 г. делегация США подписала Парижское соглашение. В ноябре 2016 г. Парижское соглашение вступило в силу. Цель данного соглашения — недопущение нагревания атмосферы более чем на 1,5°C к 2100 г. полностью согласовалось с планами Администрации президента по сокращению выбросов ПГ на 32% к 2030 г. Согласно представленному на конференции сторон в Марракеше национальному вкладу обязались сократить выбросы парниковых газов на 80% к 2050 г. [USA First NDS, 2016 p.7]. Указ президента о «чистой энергии» (Clean power Act) делал возможным создание синергетических эффектов между дальнейшим экономическим ростом американского хозяйства и достижением целей Парижского соглашения. План «Чистая энергия» — квинтэссенция климатической политики США периода президентства Б. Обамы. Согласно ему, новые требования по выбросу газов затронут более 1 тыс. электростанций, из которых более 600 являются угольными. К климатическим заслугам президента можно также отнести остановку строительства нефтепровода «Кейстоун», повышение стандартов эффективности по использованию энергоносителей, создание самой большой в мире охраняемой морской территории, инвестиции в ВИЭ и др. [Haas, 2018 p. 120].

Климатическая политика президента Д. Трампа

Коренной разворот климатической политики США произошел с момента прихода к власти республиканского президента Д. Трампа в 2017 г. Еще в своей предвыборной кампании кандидат в президенты обещал своим избирателям аннулировать Парижское соглашение, усилить добычу в стране ископаемого топлива. Проблемы глобального изменения климата, загрязнения окружающей среды, исчезновения биологических видов относились, по его мнению, к числу надуманных и не стоящих внимания со стороны государственных структур.

Уже в первые месяцы его правления были сделаны конкретные шаги в изменении курса климатической политики страны. В феврале 2017 г. президент подписал национальный энергетический план (America First Energy

Plan). Он предусматривает расширение полей деятельности нефтегазовой индустрии в целях национальной энергобезопасности, а также объявляет национальные цели климатической политики бывшего президента Б. Обамы недействительными [Thielges, 2019 p. 239]. 1 июня 2017 г. Д. Трамп огласил выход США из Парижского соглашения. Легкость, с которой президент Д. Трамп перечеркнул всю климатическую политику своего предшественника, объясняется тем, что климатическое соглашение не было ратифицировано конгрессом США, а было подписано президентом в форме исполнительного указа (Executive order).

Приоритетное развитие нефтегазового сектора в США при Д. Трампе уже не имело целью обеспечить национальную энергобезопасность страны (как это наблюдалось при правлении клана Бушей), а было направлено на увеличение энергетического влияния во всем мире. Д. Трамп видел США в числе ведущих мировых экспортеров энергоносителей, поэтому он любыми способами пытался расширить рынки сбыта американских нефтегазовых концернов, используя всю политическую и экономическую силу (чему мы стали свидетелями в споре по Северному потоку-2). Расширение сферы деятельности энергетических компаний шло с одновременным разрушением и подчинением государственных экологических инстанций. Главной целью деструктивных мероприятий президента Д. Трампа стало Агентство по защите окружающей среды (EPA). В первый же год своего правления Д. Трамп провел реорганизацию ведомства. Значительная часть сотрудников агентства была уволена. Во время переходного периода реформирования его правление возглавил М. Эбелл (M. Ebell), требовавший от Д. Трампа немедленного сокращения более 50% всех работников возглавляемого им ведомства и урезания бюджетных средств²⁶. Возглавившие Агентство позднее С. Прюитт (2017–2018) и Э. Виллер (2018–2021) отрицали глобальное изменение климата. Неудивительно поэтому, что данное ведомство практически утратило свое назначение и превратилось в инструмент экономической политики Администрации президента. Исследовательский центр по законодательству в области глобального изменения климата при Колумбийском университете зарегистрировал в период 2017–2020 г. более 50 постановлений и решений Агентства по окружающей среде, которые были направлены против достижения климатических целей Парижского соглашения²⁷. Например, в сентябре 2017 года Агентство опубликовало стратегический план на 2018–2022 гг., в котором

- ни разу не упоминается о глобальном изменении климата;
- разрешается добыча энергетических ресурсов в заповедных территориях Арктики;
- отменяются полномочия Калифорнии устанавливать свои собственные стандарты на выбросы и т.д.²⁸.

Подводя итог внешней и внутренней климатической политики администрации президента Д. Трампа можно сделать вывод, что за весь период своего существования климатическая политика США не имела такого абсолютно пренебрежительного к себе отношения как при 45-м президенте США.

²⁶ Donald Trump to sack climate change scientists and slash Environmental Protection Agency budgets, says official//Independent. Friday 27 January 2017//<https://www.independent.co.uk/climate-change/news/donald-trump-epa-myron-ebell-environmental-protection-agency-global-warming-climate-change-a7548926.html>(accessed: 30.12.2021).

²⁷ Sabin Center for Climate Change Law//URL: <https://climate.law.columbia.edu/climate-deregulation-tracker>(accessed: 16.12.2021).

²⁸ Там же.

Климатическая политика Дж. Байдена

При Администрации Дж. Байдена, вступившим на пост президента в 2020 г., США официально восстановили свое участие в Парижском соглашении. Сразу после инаугурации он подписал указ (executive order) о присоединении США к Парижскому климатическому соглашению. Кроме этого, Дж. Байден поручил федеральным агентствам пересмотреть и отменить все федеральные нормы и правила регулирования, введенные Администрацией Трампа, которые так или иначе касаются вопросов изменения климата. 27 января 2021 г. Дж. Байден объявил о создании бюро по Управлению внутренней климатической политикой (Climate Policy Office) при Администрации президента, которое было наделено неординарными по объему правами и функциями. В частности, оно координирует процесс выработки внутренней климатической политики; консультирует президента по данным вопросам; обеспечивает соответствие решений и программ внутренней климатической политики заявленным президентом целям и эффективное их достижение; контролирует выполнение внутренней повестки президента в области климатической политики²⁹. Новый президент также представил девять ключевых пунктов своего плана «революции чистой энергии», который предусматривает на 100% свободную от эмиссий CO₂ выработку электроэнергии уже к 2035 г.³⁰ К 2050 г. США должны стать эмиссионно нейтральным государством.

На глобальном климатическом саммите в апреле 2021 г. США представили свой новый план финансирования климатических мероприятий и обновленный, определяемый на национальном уровне вклад страны в рамках Парижского соглашения. В документе озвучены амбициозные цели сокращения эмиссий ПГ на 50-52% к 2030 г. В ноябре 2021 г. на климатическом саммите в г. Глазго (Великобритания) США заявили о своем намерении снова стать международным лидером в борьбе с глобальным изменением климата³¹. В своей речи с трибуны климатического саммита Байден сказал, что «изменение климата — экзистенциальная угроза существованию человечества в нынешнем виде. С каждым днем, когда мы медлим, цена бездействия растет»³².

Климатические реформы администрации Дж. Байдена выражаются прежде всего в форме инвестиционных программ в рамках его экономической политики. В ноябре 2021 года Дж. Байден подписал «инфраструктурный» закон, который предусматривает масштабные инвестиции в обновление автомобильных и железных дорог, мостов, городских построек, жилых зданий, развитие электромобильности и экологичного транспорта, улучшение системы водоснабжения и защиты населения от последствий изменения климата и др.³³ Общий объем предусмотренных инвестиций будет составлять порядка 1,2 трлн долл.

Несмотря на кардинальные изменения подходов на высшем уровне руководства страны, в США сохраняются идеологические и институциональные предпосылки для возврата на уже ставший традиционным курс климатической политики. Во многом вопрос о возврате к такому курсу климатической политики будет напрямую увязан с успешностью мер экономической политики нынешнего президента США в рамках его последних решений в климатической сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, эволюция климатической политики США с 1960-х гг. характеризуется своей дискретностью, оппортунизмом, часто блокирующим функции в принятии международных документов. Внутренняя климатическая политика, ее направления, цели, задачи и успехи целиком зависели от конкретных представлений, политических приоритетов того или иного находящегося у власти президента. Как правило, при демократических президентах ей уделялось больше внимания, при республиканских — она отодвигалась на периферию политического поля нации или, как при президенте Д. Трампе, подвергалась забвению и даже преследованию.

Кроме того, климатическая политика США имеет ряд особенностей, которые отличают ее от аналогичного поля других стран мира.

Во-первых, в своей международной политике американская администрация не полагается исключительно на создание всеобъемлющего климатического режима ООН, но содействует установлению многосторонних, двусторонних специальных режимов, в которых американское влияние больше, чем в многосторонних рамках ООН (что подтверждает теорию «безбилетника» М. Олсона).

Во-вторых, очевиден конфликт между республиканской и демократической партиями США в отношении целей, задач и инструментов реализации климатической политики. Принимаемые решения формируются в форме указов президента, которые имеют невысокую юридическую силу и могут быть легко отменены последующим президентом. В этой связи «сильная» современная климатическая политика Дж. Байдена может потерпеть фиаско при передаче власти республиканскому президенту, возможно снова Д. Трампу³⁴.

В-третьих, это высокая роль частного сектора в формировании и реализации целей национальной климатической политики. С одной стороны, это лоббирование «антиклиматических» решений в Конгрессе США нефтяными, газовыми и пр. компаниями, с другой — поддержка и инвестиции многих крупных компаний в зеленые технологии, зеленые инновации, «чистую» энергетику, безотходное производство и т. д.

В-четвертых, наряду с «лавирующей» национальной климатической политикой, более последовательную политику в этой области проводят отдельные штаты США. Уже при Администрации Дж. Буша-младшего, объявившей о выходе США из Киотского протокола в 2001 г., Калифорния и ряд других штатов заявляли о своей приверженности договору. В 2017 г. был создан климатический альянс США (USCA) как противовес «антиклиматическому» курсу президента Д. Трампа, в который вошли 24 штата США и Пуэрто-Рико. Все эти штаты имеют на сегодняшний день более высокие цели в климатической политике, чем федеральное правительство [Lieblang 2020].

²⁹ Climate Policy Office // THE WHITE HOUSE // URL: <https://www.whitehouse.gov/cpo/#:~:text=The%20White%20House%20Office%20of,jobs%2C%20and%20advance%20environmental%20justice> (accessed: 01.12.2021).

³⁰ Zeitenwende für den internationalen Klimaschutz? Über Chancen und Herausforderungen der Biden-Präsidentschaft // Institut für transformative Nachhaltigkeitsforschung // URL: <https://www.iass-potsdam.de/de/blog/2021/01/zeitenwende-fuer-den-internationalen-klimaschutz-ueber-chancen-und-herausforderungen> (accessed: 13.12.2021).

³¹ Джо Байден задумался об экзистенциальном // Коммерсант. 02.11.2021 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5061741> (дата обращения: 6.12.2021).

³² Там же.

³³ President Biden's Bipartisan Infrastructure Law // The white House // URL: <https://www.whitehouse.gov/bipartisan-infrastructure-law> (accessed: 19.12.2021).

³⁴ Анонсировано возвращение Трампа в политическую жизнь США. URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/16/trump/> (дата обращения: 17.12.2021).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., ФЭИ, 1995
2. Arroyo V. Climate Change and US Policy/ Climate Change Policies/ Global Challenges and Future Prospects//Edited by Emilio Cerdá and Xavier Labandeira. p. 267–277. 2010
3. A Historic Commitment to Protecting the Environment and Addressing the Impacts of Climate Change. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/obamawhitehouse.archives.gov/files/achievements/theRecord_climate_0.pdf (date accessed: 23.12.2021)
4. Bailey C.J. US Climate Change Policy. Routledge. London, 2016 p.194
5. Crippa, M., Guizzardi, D., Muntean, M., Schaaf, E., Solazzo, E., Monforti-Ferrario, F., Olivier, J.G.J., Vignati, E. Fossil CO2 emissions of all world countries — 2020 Report Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2020. 222 P.
6. Edenhofer O., Jacob M. Klimapolitik: Ziele, Konflikte, Lösungen. München. 2019
7. Harris P.G. Climate Change and American Foreign Policy: An Introduction// Climate Change and American Foreign Policy. Edited by P.G. Harris. London, 2016 p.3–29
8. Haas C.M., Koschut S., Lammert C. Politik in den USA. Institutionen-Akteure-Themen//Verlag W. Kohlhammer. Stuttgart 2018, 173 P.
9. H.R. 2998 To create clean energy jobs, achieve energy independence, reduce global warming pollution and transition to a clean energy economy//US Congress//URL: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-resolution/587/text> (date accessed: 29.12.2021)
10. Gallagher K.S., Xuan X., Titans of the Climate. Explaining Policy Process in the United States and China. MIT, Boston, 2020
11. Gupta J. The History of Global Climate Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2014
12. Lieblang L. Klimapolitik unter Trump. Die Rolle der Bundesstaaten am Beispiel der United States Climate Alliance. Essay. 2020. URL: <https://regierungsforschung.de/klimapolitik-unter-trump> (date accessed: 25.12.2021)
13. Lisowski, M. Playing the Two-Level Game: US President Bush's Decision to Repudiate the Kyoto Protocol. Environmental Politics 11, 4 2002 p.101–119
14. MacDonald G. Climate, Capital, Conflict: Geographies of Success or Failure in the Twenty-First Century//Annals of the American Association of Geographers, 110: 6, 2020 P. 2011–2031
15. Mauelshagen F., Lopez-Rivera A. Klima-Governance in den Americas// Peters/Rohland/Kaltmeier/Burchardt/ Schnepel (Hrsg.). Krisenklima. Umweltkonflikte aus lateinamerikanischer Perspektive//Nomos, Baden-Baden, 2021 p. 17–47
16. Oreskes N., Conway E.M., Shindell M. From Chicken Little to Dr. Pangloss: William Nierenberg, Global Warming, and the Social Deconstruction of Scientific Knowledge// Historical Studies in the Natural Sciences 38 (1), 2008. p. 109–152.
17. Simonis G. Die USA//Simonis G. (Hrsg.) Handbuch Globale Klimapolitik P. Paderborn. 2017 p.334–376
18. USA First Nationally determined contribution//UNO//URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/United%20States%20of%20America%20First/U.S.A.%20First%20NDC%20Submission.pdf> (date accessed: 12.12.2021)
19. Thielges S., Unger C. Energiedominanz. Das Schicksal von Klimaschutz und nachhaltiger Energie in der Außenpolitik Trumps// Lukas D. Herr, Marcus Müller etl. Hrsg. // Weltmacht im Abseits. Nomos. Baden-Baden 2019 p. 215–247
20. Wampler R.A. U.S. Climate Change Policy in the 1980s. National Security Archive. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB536-Reagan-Bush-Recognized-Need-for-US-Leadership-on-Climate-Change-in-1980s> (date accessed: 31.12.2021)

REFERENCES:

1. Olson M. The logic of collective action. Public goods and group theory. M., FEI, 1995.
2. Arroyo V. Climate Change and US Policy/ Climate Change Policies/ Global Challenges and Future Prospects//Edited by Emilio Cerdá and Xavier Labandeira. p. 267–277. 2010.
3. A Historic Commitment to Protecting the Environment and Addressing the Impacts of Climate Change. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/obamawhitehouse.archives.gov/files/achievements/theRecord_climate_0.pdf (date accessed: 23.12.2021).
4. Bailey C.J. US Climate Change Policy. Routledge. London, 2016 p. 194.
5. Crippa, M., Guizzardi, D., Muntean, M., Schaaf, E., Solazzo, E., Monforti-Ferrario, F., Olivier, J.G.J., Vignati, E. Fossil CO2 emissions of all world countries — 2020 Report Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2020. 222 P.
6. Edenhofer O., Jacob M. Klimapolitik: Ziele, Konflikte, Lösungen. München. 2019.
7. Harris P.G. Climate Change and American Foreign Policy: An Introduction// Climate Change and American Foreign Policy. Edited by P.G. Harris. London, 2016 p.3–29.
8. Haas C.M., Koschut S., Lammert C. Politik in den USA. Institutionen- Akteure-Themen//Verlag W. Kohlhammer. Stuttgart 2018, 173 P.
9. H.R. 2998 To create clean energy jobs, achieve energy independence, reduce global warming pollution and transition to a clean energy economy//US Congress//URL: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-resolution/587/text> (date accessed: 29.12.2021).
10. Gallagher K.S., Xuan X., Titans of the Climate. Explaining Policy Process in the United States and China. MIT, Boston, 2020.
11. Gupta J. The History of Global Climate Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
12. Lieblang L. Klimapolitik unter Trump. Die Rolle der Bundesstaaten am Beispiel der United States Climate Alliance. Essay. 2020. URL: <https://regierungsforschung.de/klimapolitik-unter-trump> (date accessed: 25.12.2021).
13. Lisowski M. Playing the Two-Level Game: US President Bush's Decision to Repudiate the Kyoto Protocol. Environmental Politics 11, 4 2002 p.101–119.
14. MacDonald G. Climate, Capital, Conflict: Geographies of Success or Failure in the Twenty-First Century//Annals of the American Association of Geographers, 110: 6, 2020 P. 2011–2031.
15. Mauelshagen F., Lopez-Rivera A. Klima-Governance in den Americas// Peters/Rohland/Kaltmeier/Burchardt/ Schnepel (Hrsg.). Krisenklima. Umweltkonflikte aus lateinamerikanischer Perspektive//Nomos, Baden-Baden, 2021 p. 17–47.
16. Oreskes N., Conway E.M., Shindell M. From Chicken Little to Dr. Pangloss: William Nierenberg, Global Warming, and the Social Deconstruction of Scientific Knowledge// Historical Studies in the Natural Sciences 38 (1), 2008. p. 109–152.
17. Simonis G. Die USA//Simonis G. (Hrsg.) Handbuch Globale Klimapolitik P. Paderborn. 2017 p.334–376
18. USA First Nationally determined contribution//UNO//URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/United%20States%20of%20America%20First/U.S.A.%20First%20NDC%20Submission.pdf> (date accessed: 12.12.2021)
19. Thielges S., Unger C. Energiedominanz. Das Schicksal von Klimaschutz und nachhaltiger Energie in der Außenpolitik Trumps// Lukas D. Herr, Marcus Müller etl. Hrsg.//Weltmacht im Abseits. Nomos. Baden-Baden 2019 p. 215–247
20. Wampler R.A. U.S. Climate Change Policy in the 1980s. National Security Archive. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB536-Reagan-Bush-Recognized-Need-for-US-Leadership-on-Climate-Change-in-1980s> (date accessed: 31.12.2021)

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 94,52%.

Рецензент: Щербакова С. А., канд. геогр. наук, доцент кафедры менеджмента и таможенного дела Смоленского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Статья поступила в редакцию 16.01.2022, принята к публикации 06.02.2022

The article was received on 16.01.2022, accepted for publication 06.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковалев Юрий Юрьевич, кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-2272-104X>, e-mail: yykowaljaw@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Yuri Yu. Kovalev, Cand. Sci. (Geograph.), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2272-104X>, e-mail: yykowaljaw@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

SOCIOCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE PAST AND PRESENT

5.6.1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) NATIONAL HISTORY

УДК 930.1

Мировоззренческие причины эволюции образа прошлого (XIX–XXI вв.)¹

©Григорий Иванович Герасимов

Тульский государственный музей оружия, г. Тула, Российская Федерация
email: ggi1957@mail.ru

Аннотация. Ретроспективный анализ историографии XIX–XXI вв. показывает, что в различные эпохи историки по-разному создавали образ прошлого. Целью данной статьи является рассмотрение причин эволюции историописания с позиций идеалистического подхода. Образ прошлого, в рамках данного подхода, создается как часть картины мира, поэтому способ его конструирования напрямую зависит от главных мировоззренческих идей. При изменении мировоззрения меняется и способ создания прошлого, и его образ, как составная часть картины мира. В XIX веке в рамках научного мировоззрения создается классическая модель исторического исследования. Этот способ создания прошлого формирует несколько разнородных идейных течений, которые объединяет уверенность в существовании единого природного и человеческого мира, подчиняющегося одним законам, вера в объективность прошлого и применимость к истории методов естествознания. Кризис науки на рубеже XIX–XX вв. разрушил прежнюю картину мира, а вместе с ней изменился и образ прошлого. Новый образ стал создаваться на базе неклассической модели исторического исследования. Для нее характерно противопоставление природы и культуры, а также постоянно увеличивающаяся роль человека, как субъекта и объекта истории. В рамках неклассического историописания развивается идея конструирования прошлого. Историк из наблюдателя, описывающего исторические события, превращается в их создателя. Во второй половине XX века в качестве теоретической основы создания образа истории некоторыми философами была выбрана лингвистика. Постмодернисты свели историю к огромному тексту, который существует вне историка и является одновременно результатом его деятельности. Исследование показало, что именно изменения в мировоззрении лежат в основе эволюции образа прошлого.

Ключевые слова: мировоззрение и история, идеалистический подход к истории, образ прошлого, эволюция историографии, создание прошлого.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Герасимов Г. И. Мировоззренческие причины эволюции образа прошлого (XIX–XXI вв.) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 33–40.

¹ Данная работа является продолжением статьи: «Мировоззренческие причины эволюции образа прошлого (от античности до XIX века)».

Worldview Reasons for the Evolution of the Image of the Past (XIX–XXI Centuries)

©Grigory I. Gerasimov

Tula Museum of weapons, Tula, Russian Federation
email: ggi1957@mail.ru

Abstract. A retrospective analysis of the historiography of the 19th–20th centuries. shows that in different epochs historians created the image of the past in different ways. The purpose of this article is to consider the reasons for the evolution of historical writing from the standpoint of an idealistic approach. The image of the past created as a part of the picture of the world within the framework of this approach, therefore the way of its construction directly depends on the main ideological ideas. When the worldview changes, the way of creating the past and its image also changes, as an integral part of the picture of the world. In the 19th century a classical model of historical research was created, within the framework of the scientific worldview. This way of creating the past forms several heterogeneous ideological currents, which are united by the belief in the existence of a single natural and human world, subject to the same laws, belief in the objectivity of the past, and applicability to the history of the methods of natural science. The crisis of science at the turn of the XIX-XX centuries destroyed the old picture of the world and image of the past changed. The new image created on the basis of a non-classical model of historical research. It is characterized by the opposition of nature and culture, as well as the constantly increasing role of man as the subject and object of history. Within the framework of non-classical historical writing, the idea of constructing the past is being developed. The historian turns from an observer describing historical events into their creator. Linguistics was chosen by some philosophers as the theoretical basis for creating the image of history in the second half of the twentieth century. Postmodernists have reduced history to a huge text that exists outside the historian and is at the same time the result of his activities. The study showed that it is the changes in the worldview that underlie the evolution of the image of the past.

Key words: worldview and history, idealistic approach to history, image of the past, evolution of historiography, creation of the past.

FOR CITATION: Gerasimov G. I. Worldview Reasons for the Evolution of the Image of the Past (XIX–XXI Centuries) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 33-40. (in Russ.)

КЛАССИЧЕСКИЙ СПОСОБ СОЗДАНИЯ ПРОШЛОГО

В XIX веке создается современный способ создания прошлого. Его мировоззренческой основой является наука. В рамках научного мировосприятия классический² способ создания прошлого формирует три довольно разнородных идейных течения — историческая школа, позитивизм и марксизм. Их объединяет уверенность в существовании единого природного и человеческого мира, подчиняющегося одним законам, а также вера в объективность прошлого. Признавая реальность прошлого, они создали научный объект для истории и тем самым сформировали ее как науку, попытавшись применить к ней методы естествознания. Вместе с тем, особенности идейных течений, создающих конкретную научную картину мира, определили отличия образов прошлого, созданных историками, придерживающихся разных теоретических направлений в рамках научного рационалистического мировоззрения.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА

В основании исторической школы лежат идеи романтизма, особенно широко распространенные в Германии. По мнению Д. Тоша, немецкий «историзм представлял собой научное выражение «помешательства» романтизма на прошлом» [Тош, 2000: 16]. Важнейшее место в философии романтиков

отводилось понятию «народного духа», который изначально присущ каждой нации и обуславливал ее особые качества и историческое развитие. Историческая школа способствовала процессу образования наций в Европе, поскольку наполняла их конкретным историческим содержанием. Фундаментальный принцип исторической школы заключается в признании того, «что нашу эпоху и все предыдущие разделяет пропасть» [Тош, 2000: 18].

Благодаря романтизму в историческую науку было введено понятие органического развития, определяемого всей предыдущей историей народа.

Не считая возможным выявить закономерности исторического процесса, представители исторической школы сосредоточили свое внимание на истории политических событий, государства и права. Главную роль в историческом процессе они отводили деятельности выдающихся личностей. Как пишет Д. Тош, сторонники исторической школы «утверждали, что культура и институты их собственной эпохи могут быть поняты лишь в исторической перспективе. Одним словом, история — это ключ к пониманию мира» [Тош, 2000: 16].

Огромную роль в формировании исторической школы сыграл Л. Ранке, считавший, что «историю надо писать так, как это было на самом деле». Обычно это выражение трактуется как призыв следовать фактам, но на деле следование этой формуле ведет к неизбежному признанию объективности прошлого. Хотя Ранке и понимал, что прошлого, как реальности, нет, но считал, что доступ к нему возможен через факты, первоисточники, и, таким образом, появлялась призрачная связь с прошлым, которая в действительности существует только в сознании историка.

Подобным образом был создан и объект истории. Для сторонников исторической школы он существует объективно, по-

² Классификация основывается на работе Лубского А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2004. Модели исторического исследования: классическая, неклассическая, постмодернистская и неоклассическая, определяются тем способом построения прошлого, которого придерживается историк. Этот способ в свою очередь зависит от господствующего мировоззрения.

сколько факт — вещь объективная. Какая разница, что воспринимает человек через свидетельство факта — явление прошлого или настоящего. В результате, прошлое уравнивается в правах реальности с настоящим. Оно становится объективным, т.е. существующим независимо от историка, который лишь изучает его посредством исследования исторических фактов. Исторические факты существуют реально и свидетельствуют о прошлом. Задача историка путем критики источника отделить правдивые факты от искаженных и составить из них описание прошлого, так же как современник составляет описание настоящего из наблюдений других людей, зафиксированных на бумаге, и, следовательно, появляется возможность создания истинного знания о прошлом, как соответствующего событиям прошедшего. Факт прошлого становится самым прошлым. На этом цепь рассуждений заканчивается, объект истории, как науки, создан. Он существует объективно и доступен для изучения. Объект истории — прошлое, оно хранится в архиве, и задача историка ходить туда и изучать его.

В. Дильтей пишет, что основная черта историографии Ранке в том, что «она хочет постичь действительность, как она есть. Его наполняло то чувство действительности, которое только и может осуществить построение исторического мира в науках о духе. Вопреки часто предъявляемому к историкам требованию напрямую воздействовать на жизнь и ее борьбу посредством какой-то позиции, никто кроме Ранке не отстаивал столь успешно объективный характер исторической науки» [Дильтей, 2004: 148].

Однако свидетельство о событии или явлении не есть само событие или явление, — это лишь знание о них, а значит, реального объекта Ранке все же не создал, поскольку факт есть лишь знание, а не сам объект. В истории не может быть объективной истины, потому что устанавливается соответствие не реальному предмету, а, в лучшем случае, первичному знанию о предмете, что далеко не одно и то же. Тем не менее, как утверждает Ф. Анкерсмит, «Историзм дал западному человеку воплощенное, овестьное прошлое» [Анкерсмит, 2003: 375]. Убеждение в существовании исторической реальности безраздельно господствовало в умах историков и просвещенной публики в течение более ста лет, да и сегодня многие историки придерживаются этой позиции.

ПОЗИТИВИЗМ

Основным конкурентом «школы Ранке» в XIX веке был позитивизм, ставший одним из доминирующих идейных течений в Англии, Франции, США, России. [Лубский, 2005: 134].

Основоположник позитивизма О. Конт предложил создать новую теоретическую науку — социологию, задачей которой был анализ причинных связей между фактами, обнаруженными историками. Общество рассматривалось им как сумма отдельных личностей, находящихся под влиянием общих внешних условий.

Позитивисты считали прошлое объективной реальностью, к которой могут быть применены принципы естественных наук, а, значит, должны быть открыты вечные и неизменные законы общественного развития, способные объяснить прошлое и настоящее, а также предугадать будущее. Позитивистская историография основывалась на убежденности в закономерности исторического процесса. Историческое развитие они объясняли действием универсальных социальных законов. Социология становилась теоретической основой истории, призванной открыть законы общественного развития и тем самым поднять статус истории до уровня науки.

В историю позитивизм привнес научный метод, в соответствии с которым исторический факт, по аналогии с есте-

ственно-научным, рассматривался как объект, независимый от познающего его ученого. Позитивизм полагал, что факты во всей своей полноте представлены в источниках. Поэтому задача историка сводилась к тому, чтобы их обнаружить, а затем на их фундаменте выстроить историческую теорию. Всякий субъективизм, связанный с позицией исследователя и оценкой факта, исключались.

В рамках позитивизма его выдающимися представителями развивались оригинальные исторические концепции. Классическим примером приложения принципов позитивизма к историографии является труд Г. Бокля «История цивилизации в Англии».

Кризис науки, начавшийся на рубеже XIX–XX вв. под воздействием революционных открытий и идей в физике, неизбежно отозвался кризисом позитивизма в истории. Л. Февр по этому поводу писал: «Недуг, постигший историю, явился всего лишь одним из аспектов, а именно историческим аспектом великого кризиса человеческого духа. Или, точнее говоря, недуг этот был одним из признаков и в то же время одним из последствий недавней и весьма ощутимой перемены в отношении ученых к Науке» [Февр, 1991: 32]. Кризис классической науки подорвал основы позитивизма, на которой последний базировался.

МАРКСИЗМ

В противоположность исторической школе Ранке, стоявшей на позициях идеалистического историзма, основоположники марксизма разработали учение, в котором прошлое создавалось и интерпретировалось с материалистических позиций. Исходя из первичности материального, К. Маркс считал, что «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [Маркс, 1959: 7].

Материалистический историзм «рассматривает законы развития общества как естественно-исторические, т. е. как такие, через которые действительное развитие не может перескочить и которых нельзя отменить декретами...» [Маркс, 1961: 10]. Исходя из этого, прошлое человеческого общества в его марксистском варианте предстало как естественно-исторический процесс возникновения, развития и смены общественно-экономических формаций. Главным фактором и причиной развития человечества стал конфликт производительных сил и производственных отношений, а движущей силой истории была объявлена классовая борьба.

Исторический материализм в СССР был провозглашен наукой о наиболее общих законах и движущих силах развития человеческого общества. Утверждалось, что «исторический материализм дает возможность предвидеть события и направление общественного развития, предвосхищать будущее» [Константинов, 1960–1970]. Будучи жесткой идеологической конструкцией, поддерживаемой всей мощью советского государства, истмат был основой исторических исследований советских историков на протяжении многих лет существования Советского Союза.

В отличие от позитивизма, исторический материализм не был жестко привязан к естественнонаучным основам, его базой была философия марксизма, поэтому кризис науки в начале XX века он перенес легче и продолжил свое существование и развитие.

Классическая модель исторического исследования

Историческая школа, позитивизм и марксизм в области создания прошлого имели много общего и создали т.н. классическую модель исторического исследования, которая,

как считает А. Лубский, «нацеливала ученого на создание исторических теорий, адекватных исторической действительности, и на поиск логики истории как объективного процесса... изучение прошлого помогает лучше понять настоящее, поскольку оно рассматривается как естественный или закономерный результат предшествующего исторического развития» [Лубский, 2005: 103–105]. Классическая модель рассматривала истину, как соответствие знания объекту исследования — исторической реальности. Постигание истины позволяло объяснить прошлое, понять настоящее и предвидеть будущее, как результат закономерного и детерминированного прошлым процесс развития человечества.

В рамках классического способа создания прошлого развивались основные исторические школы и направления:

- советская, основывающаяся на историческом материализме;
- цивилизационная;
- модернизационная;
- миросистемная.

Классический способ создания прошлого актуален и сегодня, в основном потому, что тесно связан с наукой, а, значит, по мнению его адептов, способен получать достоверное знание о прошлом, не зависящее от исследователя. Многие историки по-прежнему пишут свои истории классическим методом.

Образ прошлого, созданный с позиций классической истории, наиболее убедителен для массового читателя, который не знает о том, что наука, в том числе и историческая, находится в глубоком кризисе, а просвещенческий идеал отвергнут интеллектуальной элитой. Общество в своей массе по-прежнему разделяет научное мировоззрение, поэтому классическое историописание ему ближе и понятнее, нежели постмодернистское.

В рамках классической науки создана впечатляющая рационалистическая картина всемирного прошлого как целого. Большинство национальных историй также продолжают создаваться по классическим лекалам. Причина этого проста, — другие направления исторической мысли не смогли, а многие и не ставят перед собой задачи написания всемирной или национальной истории, поэтому при создании масштабных образов прошлого продолжает господствовать классический метод историописания. Этот метод эффективен благодаря тому, что вписывается в научную мировоззренческую парадигму, и будет востребован до тех пор, пока наука господствует в умах большинства читающей публики.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ИСТОРИЗМ

Философские основы неклассического историзма

Причины кризиса истории, как части науки, обнаруживаются в кризисе научного мировоззрения. Кризис физики на рубеже XIX–XX вв. разрушил прежнюю картину мира и породил обоснованные сомнения у историков в верности тех позитивистских методов, которые они до этого с успехом, как им казалось, применяли для построения образа прошлого, входящего важной составляющей общенаучной картины мира.

Другим важным фактором, побудившим отказаться от позитивизма в истории, стали трагические события Первой мировой войны, революция в России, повлекшие за собой крах идеи прогресса, на которой основывалась историческая наука. Ход истории оказался совсем не таким, каким он должен был быть, исходя из господствовавшей картины мира. С другой стороны, кризис заставил искать новые идеи, позволяющие составить новую убедительную картину мира, отталкиваясь от которой, можно было бы строить и образ прошлого.

Кризис позволил обратить внимание на некогда маргинальные идейные течения, которые при других обстоятельствах такими бы и остались. Выход пытались найти в новых идеях «...антипозитивистского характера. Первые шаги в этом направлении, сделанные представителями философии жизни и неокантианства, были затем решительно продолжены сторонниками различных феноменологических и герменевтических подходов» [Лубский, 2005: 137]. Так сформировалась идейная основа для неклассической модели исследования в истории, находящейся в постоянном поиске и движении.

Наибольшее влияние на становление неклассического подхода к созданию прошлого оказал В. Дильтей, отделивший природный мир от мира человека. По его мнению, это были два различных мира, поэтому естествознание должно изучать физический, природный мир, а гуманитарные науки в качестве объекта должны взять человеческий дух [См.: Дильтей, 2004]. В этом случае объект и субъект гуманитарного исследования сливались, поскольку носитель духа начал изучать самоё себя. Таким образом, отвергался основной постулат классической науки, требовавшей наличие объективно существующего объекта, и одновременно отрицались всякие претензии на применение методов естествознания для изучения исторического человеческого мира. Противопоставив мир человека миру природы, Дильтей обосновал своеобразие исторического познания.

Дильтей считал, что историк заставляет жить объект исследования в себе, и это, по его мнению, давало неоспоримые преимущества, поскольку ученый занимался самопознанием, а в естествознании природный мир, противостоящий человеку, был познаваем лишь с помощью конструирующей деятельности рассудка. Историк был способен проникать во внутренний мир исторических героев, понимать их, чего был лишен естествоиспытатель. Понимание провозглашалось главным методом исторического познания, что позволяло утвердить субъективизм в процессе постижения истории. «Исходя из индивида, он (Дильтей — Г. Г.) пытается описать приемы, которые ведут к построению исторического мира в сознании историка. И одновременно с описанием он хочет найти обоснование (в том смысле, в каком Кант говорил о «выводе» категорий): каким образом познание в том виде, в каком оно разворачивается в действительности, достигает понимания объекта, универсального целого» [Реймон Арон, 2000: 44].

В. Дильтей не только отверг позитивистский подход к истории, но не принял и главного постулата Ранке, поскольку считал невозможным писать историю так, «как было на самом деле». Дильтей провозгласил тезис о том, что человек есть то, что говорит его история, и приходит к выводу об относительности понятий истины и значимости и их зависимости от исторического контекста [Плотников, 2000: 22,50].

Таким образом, В. Дильтей создал альтернативный способ создания прошлого, который оказался востребован в условиях научного кризиса.

Самый большой вклад в разрушение классической парадигмы истории внес Ф. Ницше. Главный ее недостаток он усматривал в чрезмерности истории, поскольку основной недуг, поразивший, по его мнению, европейскую культуру — «историческая болезнь». «Историческое чувство, когда оно властвует безудержно и доходит до своих крайних выводов, подрывает будущее, разрушая иллюзии и отнимая у окружающих нас вещей их атмосферу, в которой они только и могут жить» [Ницше, 1990: 190]. Положительной программы формирования образа прошлого Ницше не создал.

Влиятельным идейным движением, участвовавшим в создании неклассического подхода к истории, стал неопозитивизм, главным образом баденской школы (В. Виндельбанд, Г. Рик-

керт), занимавшейся в основном вопросами методологии истории. В активности мышления неопозитивисты увидели источник деятельности по конструированию человеческой культуры и истории. В связи с этим, закономерно выросла и роль исследования в процессе познания и создания прошлого.

Марбургская школа, в лице Г. Когена [Коген, 2012], привнесла положение о важной роли сознания в формировании фактов действительности. То, что мы воспринимаем, зависит не только от того, что мы воспринимаем, но и от того, как разум обрабатывает это восприятие, следовательно, необходима такая теория познания, которая позволила бы понять конструктивную деятельность разума по созданию событий прошлого. Эту позицию в дальнейшем развил Г. Риккерт.

Риккерт считал, что позиция ученого, исходя из которой он смотрит на историческое событие, в сущности, и определяет его как исторический факт. Особое значение имеет учение об «отнесении к ценности», разработанное Г. Риккертом [Риккерт, 1998]. К ценностям он относил общезначимые категории сознания, высшими среди них были религиозные, за ними следовали эстетические, этические, логические. Они определяли критерий отбора исторических фактов на основании их ценностной значимости. Введение категории ценностей в историческое познание позволяло, по мнению неопозитивистов, избежать субъективизма, создать опору, стоя на которой историк мог бы оценивать исторические события с позиций, независимых от него самого. Это была своеобразная точка опоры, позволяющая избежать абсолютного релятивизма в исторических оценках и построениях.

Главное, что отличает неклассический историзм от своего предшественника, — он отделил объект исторического познания от объекта естествознания. Кроме этого, субъект был признан не только активным участником создания образа прошлого, но и в некоторых крайних идейных направлениях, по существу, слился с объектом, и история превратилась из науки, реконструирующей прошлую реальность, в науку, конструирующую, т.е. создающую субъективный образ прошлого.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

К неклассическому направлению историзма относят:

- «историю локальных цивилизаций»;
- «историю повседневности»;
- «историю ментальностей»;
- «микроисторию»;
- неклассическая модель исторического исследования также оказала большое влияние на «новую культурную историю» [Лубский, 2005: 154].

В рамках неклассической науки происходит изменение взгляда на роль человека в истории. Из объекта, который действует под воздействием внешних сил и обстоятельств, человек обретает статус самостоятельного исторического субъекта. Поэтому интерес историков смещается от внешних для человека обстоятельств — природных, социальных, культурных, к внутренним, таким как мировоззрение, менталитет, психология, привычки, стереотипы поведения. Главным объектом становятся не структуры, а личности, создающие и входящие в эти структуры.

Если позитивистская история создавалась эпистемологической триадой — объект-субъект-их взаимодействие, то для неклассической характерен приоритет субъекта. Фигура историка, пока еще воссоздающего историческую реальность, все больше превращается в демиурга, создающего прошлое. Ученым приходится выбирать — они изучают реальный объект или создают его. Первоначально выбор чаще

всего делается в пользу первого варианта, но появляются и диссиденты, заявляющие о том, что они конструируют прошлое. «Историческая наука, обретая человека в истории, тем самым превращала историческое исследование в «субъектно-субъектное» отношение, в «диалог культур»: современной культуры историка и культуры прошлых народов и эпох... Основным познавательным средством неклассической модели исторического исследования стало понимание, направленное на «постижение» смысла тех или иных индивидуальных действий» [Лубский, 2005: 145].

Первая значимая теория неклассического историзма — «история локальных цивилизаций». Она еще не рассматривает человека как субъекта истории, он лишь марионетка, дергающаяся под воздействием им же самим созданных сил — культуры, ментальности, мировоззрения, которые рассматриваются как внешние по отношению к человеку, хоть и созданные им. Представители «истории локальных цивилизаций» исходят из идеи о том, что не существует единой культурной истории человечества, история есть смена культур. Цивилизации представляются замкнутыми и локальными образованиями, основанными на особенностях культуры. Единая история человечества распадается на истории отдельных цивилизаций, поэтому акцент делается на цикличность и многолинейность развития.

На цивилизационный подход большое влияние оказали идеи, заимствованные из биологии, поэтому цивилизации развиваются и умирают, подобно живым организмам, существуя, независимо друг от друга. Поскольку однозначного определения понятия цивилизации создано не было, то представители различных направлений наполняли его разным содержанием, в зависимости от тех идей и концепций, которыми они руководствовались для построения образа прошлого. Основаниями для выделения цивилизаций были: культура, менталитет, этнопсихология, географические условия и др.

С позиций идеалистического подхода особый интерес представляет теория «культурных суперсистем» П. Сорокина. «Всякая великая культура, — по его мнению, — есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность» [Сорокин, 1992: 429]. По существу, здесь речь идет о системообразующих идеях, лежащих в основе любого цельного мировоззрения, определяющего культуру и дух исторической эпохи. Отчетливее всего в качестве таких идей просматриваются религиозные, однако в современных условиях они уже редко претендуют на роль мировоззренческих.

Чем больше человек становится в центр внимания науки, тем радикальнее меняется взгляд историков на прошлое и те истории, которые они пишут. Одним из направлений неклассического историзма стала история повседневности. В основе ее методологии лежит феноменологическая идея о том, что понимание человека прошлого позволяет понять и тот исторический контекст, в котором он находится. Человек предстает в истории повседневности и действующим лицом, и творцом, активно производящим социальные и политические реалии прошлого. Создавая убедительные образы локального прошлого, история повседневности не претендует на создание глобальных картин, охватывающих все человечество или его значительную часть, поэтому всегда встает вопрос о необходимости и целесообразности подобных историй. На фоне впечатляющих по масштабу полотен, создаваемых классическим историзмом, история повседневности выглядит несколько мелко. Вместе с тем, подобные

исторические миниатюры всегда найдут своего читателя, интересующегося локальным прошлым, и, поскольку его образ предшествует глобальной истории, то для многих он остается наиболее понятным и привлекательным.

«История ментальностей» — еще одно направление неклассического историзма, создающее образы меняющихся во времени многочисленных составляющих менталитета: любви, сексуальности, страха и других состояний, которые прежде считались неисторичными. Образ прошлого, создаваемый историей ментальностей, неординарен и ярок, чем привлекает и историка, и читателя. Не имея, как и многие другие направления неклассического историзма, ясно выраженной практической направленности, этот образ прошлого, тем не менее, интересен и дополняет привычные монументальные картины, созданные мастерами классического историописания, не заменяя их.

Участвуя в общем антропологическом повороте, историки также поставили человека в центр исследования в рамках «исторической антропологии», стремясь восстановить в исторических исследованиях изучение человека во всем его единстве. Образ прошлого, создаваемого в рамках этого течения исторической науки, создается с помощью новых междисциплинарных методов и средств. Не имея жестких внешних рамок, в виде прежних общенаучных методов, заимствованных из естествознания,истики этого направления более вольны в приемах и способах исследования.

Многочисленные новые направления неклассического историописания все больше отрываются от естествознания, все менее заимствуют из него идеи и концепции, а все более из других гуманитарных наук. Общая гуманизация мировоззрения ведет к попыткам построить новые образы прошлого, способные вписаться в картину мира, создаваемую неклассической наукой. Доведенная до логического завершения, она будет вынуждена отказаться от всяких попыток создать общечеловеческую историю. Поскольку человек единичен и неповторим, то в истории конкретного человека начинается вся история и им же она заканчивается. Но думается, что до таких крайностей современной исторической науке еще далеко.

Постановка человека в центр истории смещает акценты, уводя внимание исследователя от социальных структур и закономерностей, заставляя его концентрироваться на индивидууме, всем, что его окружает и связано с его личностью. «Постепенное смещение интереса от структуры к действию, от объективного к субъективному, от бессознательного к сознательному и от общего к особенному характеризует развитие наук о человеке в период, открытый критикой в адрес функционализма со стороны феноменологической социологии, символического интеракционизма и других подобных течений» [Копосов, 2001: 45].

Истоки создания неклассической истории лежат в кризисе научного мировоззрения, отсутствии единого, всеми признанного научного направления, что ведет к множественности идей, на основе которых может строиться образ прошлого. Вместе с тем, пока отсутствует концепция, более убедительная, чем наука, господствующим будет оставаться научное мировоззрение, и образы прошлого, создаваемые любым историческим направлением, по-прежнему будут обязаны вписываться в картины мира, формируемые наукой. В противном случае они становятся маргинальными и вытесняются на периферию историописания.

Как это часто случается, новая, неклассическая форма историзма первоначально была объявлена закономерно вытекающей из предыдущих исторических концепций, развивающей их [Лубский, 2005: 152]. Однако, это не так. Неклассический историзм, как способ создания картины прошлого,

исходит из новой теоретической посылки. Отсюда как определенные достоинства, так и недостатки этой картины, которая не может быть глобальной, но зато становится более детальной, приближенной к человеку.

Неклассическая история сумела в отдельных областях исторической литературы потеснить «классиков», однако не смогла убедительно вписаться в общенаучную картину мира. Кроме того, неклассическая история оказалась неспособной создать картины всемирной истории, которая пока возможна только в рамках религиозного и классического научного мировоззрения.

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ИСТОРИЗМ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Постмодернизм обычно рассматривается как широкое культурное движение, под влияние которого сначала попадают искусство, эстетика, а затем и история.

Считается, что «постмодернистское умонастроение несет на себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в творчество разума, безграничность человеческих возможностей» [Постмодернизм, 2004]. Р. Тарнас пишет: «Столкновения субъективных позиций, острейшее осознание культурной раздробленности и исторической относительности любого знания, навязчивое чувство неопределенности и всеобщего распада, плюрализм на грани удручающей бессвязности — из всего этого и складывалось состояние постмодерна» [Тарнас, 1995: 336–338]. Постмодерн претендует на роль мировоззрения, однако в этом качестве он пока менее привлекателен, нежели господствующее научное мировосприятие.

Имея истоки в ряде философских течений XX века, — в лингвистической философии Витгенштейна, феноменологии Гуссерля, фундаментальной онтологии Хайдеггера, неопозитивизме, постмодернизм развился, прежде всего, в искусстве и гуманитарных науках, мало затронув естественные науки, являющиеся ядром господствующего сегодня мировоззрения.

Постмодернизм — попытка создать картину мира, основываясь на достижениях лингвистики. Это не первый и не последний опыт построения целостного образа мира на выдающихся достижениях, полученных в одной области человеческого знания. В качестве подобных попыток можно привести механистическую картину мира, которая создавалась с позиций физики в XVII веке. Вселенная в ней предстала в виде огромного механизма, построенного Великим Механиком. В XIX веке картину мира стали создавать на базе теории эволюции, сформированной в рамках биологии, и мир предстал в виде эволюционирующего организма. Надо сказать, что если опыты применения моделей, созданных в одной из отраслей естествознания, к другой иногда бывали плодотворными, например, физическое строение атома было заимствовано из астрономии, то применение подобных моделей в гуманитарных науках было менее удачным.

Постмодернизм — это попытка взглянуть на мир с позиций науки, изучающей язык. Наиболее плодотворным постмодернизм оказался в искусстве, вместе с тем, не было попыток применить постмодернизм в математике и естественных науках. Запрос в Яндексe о постмодернизме в физике выдает нулевой результат.

Структуралистам удалось распространить свое влияние за пределы лингвистики, в том числе и на историю. Разбор исторических текстов действительно дает обильную пищу

для лингвистического анализа, что хорошо видно на примере классики жанра — работе Х. Уайта «Метаистория», в которой плодотворно разбираются особенности литературного стиля видных историков. Однако история — это создание образа прошлого, причем обязательно отличного от литературного, который считается вымыслом. Предполагается, что история, как наука, работает с некой реальностью и оригинальным методом. Если реальность и метод убрать, тогда в ней ничего не останется, кроме литературы, — это и есть постмодернизм. Не случайно одно из немногих удачных исторических творений постмодернизма — «Имя розы» У. Эко. Но все же это не история, — это литература, хотя и с претензией на построение образа прошлого.

Постмодернизм в истории — это попытка создания образа прошлого методами лингвистики. В целом, этот опыт неудачен вследствие того, что современную картину мира, частью которой является образ прошлого, формирует естествознание, а не лингвистика. Гуманитарные науки лишь дополняют эту картину мира, но они пока не в состоянии сформировать ее основу. Постмодернизм, как отказ от идеалов Просвещения, касается только их гуманитарной части. На естественно-научную картину мира лингвистика не посягает, поскольку не может противопоставить ей внятных и убедительных идей, объясняющих природу.

Отсутствие единой, внятной и определенной картины мира — характерная черта постмодернизма, поэтому прошлое, которое он создает, столь же разорвано и альтернативно, как и образ настоящего. Ценностный хаос порождает множественность противоречивых интерпретаций прошлого. Ф. Анкерсмит пишет: «постмодернизм и постмодернистский опыт времени, как иллюстрируется размышлениями Ницше на темы *grosser Mittag* и вечного возвращения, заставляет нас историзировать историческое эпистемологическое расстояние. Он осуществляет это, представляя прошлое как дефамилизованное настоящее, как часть нашей идентичности, ставшей странной, чуждой и сверхъестественной. В рамках этой "конституции" прошлого объективируется не само прошлое непосредственно, но "различие" как объект исторического опыта» [Анкерсмит, 2003: 419].

История, как наука, имеющая дело с текстами, оказалась одним из главных объектов лингвистических новаций. Сначала постмодернисты подвергли сокрушительной и, надо сказать, довольно убедительной, критике классический способ историописания, а затем лингвисты отождествили нарратив с самой историей.

Постмодернисты отрицают наличие объекта у истории, как науки, поскольку не верят в реальность прошлого, и считают, что единственное, с чем имеет дело историк, — текст. В результате «лингвистического поворота» язык для историка становится не просто способом создания прошлого, но он сам, через историка и при его посредстве создает историю. Язык становится единственной реальностью, с которой имеет дело исследователь прошлого и за пределы которой он не в состоянии выйти. История сводится к текстам, которые следует изучать с помощью лингвистики. Гипертекст становится историей, из которой историк черпает идеи, интерпретации и факты, и в который вписывает свою часть истории. Историк находится под диктатом интертекста, поскольку не может создать ничего действительно творческого, не имеющего основы в этом тексте. Абсолютизация текста приводит к исчезновению реальности, а вместе с ней пропадает и прошлое, — все становится текстом. Такова картина мира, с позиций лингвиста. В этом мире нет даже автора, он тоже поглощается текстом. Тексты начинают вести диалог с текстами, порождая новые тексты.

Однако история, как знание прошлого, не сводится только к тексту. Она содержится и во внетекстовых источниках — видео, радио, устных рассказах. Геродот мало пользовался для создания своей истории текстами, основным источником его истории были устные свидетельства. В современном мире текст, как хранитель знания все более теснится виртуальными средствами, радио, телевидением, кино. Люди все меньше читают, образ их прошлого все больше создается различными аудиовизуальными средствами.

С позиций идеалистического подхода, текст — это запечатленная, обособленная от человеческого сознания мысль. Живая идея находится в сознании человека, она постоянно пульсирует, изменяется, но когда историк излагает ее на бумаге, эта мысль застывает, становится неизменной и безжизненной. Вновь она пробуждается только в сознании читающего. В нем, соединяясь с другими идеями, она опять становится живой, потому что только там она находится в окружении других мыслей, которые влияют на нее, заставляя жить. Мысль находится в контексте и в дискурсе только в сознании, в тексте она одинока и не связана с другими идеями. Связь идей текста всегда происходит в сознании читающего. В тексте они не связаны, потому что, собственно говоря, текст — это всего лишь черные буквы на белой бумаге. Нарративом они становятся лишь в сознании человека.

Текст — это лишь одна из связей человеческого сознания с другими сознаниями — это его основная функция, наряду с хранением идей и фактов. Сводить функции связи и хранения знаний о действительности к самой действительности неверно. Текст — инструмент, значительно расширяющий способности разума по хранению и передаче знаний, включающих в себя идеи и факты. Но сводить действительность к тексту, значит неправомерно абсолютизировать этот инструмент.

Лингвистика, с помощью своих методов, может исследовать текст, но она не способна создавать убедительное прошлое, поэтому деятельность лингвистов в истории сводится к тому, что они могут делать хорошо — исследованию, как с помощью текстов историки создают историю, но создавать историю своими инструментами и методами лингвисты не могут.

История, как образ прошлого, создается сначала в сознании историка, затем переводится этим сознанием в вербальную форму и лишь потом воплощается в текст. На каждом этапе прошлое существует различными способами в разных формах. Историк может воплотить свой образ не только в тексте, но и в фильме или аудиозаписи, театральной постановке. Текст, фильм, аудиозапись — формы фиксации образа прошлого и, одновременно, конечный результат многоступенчатого процесса, проходящего в сознании историка. Лингвистика может подключиться к этому процессу только на конечных его стадиях, поэтому ее роль и задача — изучение результатов деятельности историка, но не создание истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный способ создания прошлого был сформирован в XIX веке на базе научного мировоззрения. Достижения науки были столь велики и убедительны, что именно она стала определять картину мира, в которую органично входила и картина прошлого. Создание целостного взгляда на единый мир, включающий в себя и мир природы, и мир человека — характерная черта научного мировоззрения XIX в. В это время в рамках научного мировосприятия создается классический способ создания прошлого, который

формирует три главных идейных течения — историческую школу, позитивизм и марксизм. Их объединяет уверенность в наличии объективно существующего прошлого, что создает научный объект для изучения историками, и противостоящего ему субъекта — ученого, изучающего историческую реальность, а также общие методы работы. Основное их отличие лежит в области теории.

Поскольку наука определяла способ построения прошлого, то и ее выдающиеся достижения, и ее кризисы оказывали влияние на историю. Так, кризис науки на рубеже XIX–XX веков привел к потрясению основ историописания, в результате чего на смену классической модели исследования приходит неклассическая. Для нее характерно противопоставление природы и культуры, а также постоянно увеличивающаяся роль человека, как субъекта и объекта истории.

В рамках неклассического историописания развивается идея конструирования прошлого. Историк из наблюдателя, описывающего исторические события, превращается

в их создателя. Меняется и объект исследования, в этом качестве все чаще выступает человек. Отказ от естествознания, как теоретической основы создания прошлого, ведет к отказу от его методов и созданию своих собственных приемов и способов историописания.

Во второй половине XX века в качестве теоретической основы создания образа истории некоторыми философами была выбрана лингвистика. С ее позиций были сделаны попытки создания образа прошлого. Постмодернисты свели историю к огромному тексту, который существует вне историка и является одновременно результатом его деятельности, самой историей и материалом для строительства новых историй. Большинство историков не увидело перспектив использования лингвистических методов для создания образа прошлого.

В периоды смены способов историописания становится отчетливо видна зависимость образа прошлого от мировоззрения, формирующего картину мира. Именно изменения в мировоззрении лежат в основе эволюции образа прошлого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры М., 2003. М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 496 с.
2. Дильтей В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.
3. Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический Проект, 2012. 618 с.
4. Константинов Ф. Исторический материализм // Философская Энциклопедия. М., 1960–1970.
5. Колосов Н. Е. Как думают историки. М.: новое литературное. Обозрение, 2001. 326 с.
6. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. — 349 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 629 с.
8. Маркс К. К критике политической экономии // Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 771 с.
9. Маркс К. Капитал. Предисловие к первому изданию / Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 745 с.
10. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 830 с.
11. Плотников Н. С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея // Дильтей В. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 1. М.: Дом интеллектуал. кн., 2000. 762 с.
12. Постмодернизм / Философия: Энциклопедический словарь. Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
13. Реймон Арон. Избранное: Введение в философию истории. М.: Пер Се; СПб.: Унив. кн., 2000. 543 с.
14. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
15. Савельева И. М., Поletaev A. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
16. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
17. Тарнас Р. История западного мышления. М.: Изд. дом «КРОН-пресс», 1995. 444 с.
18. Тощ Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. 296 с.
19. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 87,02%.

Рецензент: Дранишников А. А., канд. ист. наук, доцент кафедры «История государства и права» Тульского государственного университета.

Статья поступила в редакцию 16.01.2022, принята к публикации 08.02.2022

The article was received on 16.01.2022, accepted for publication 08.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасимов Григорий Иванович, доктор исторических наук, доцент; научный консультант, Тульский государственный музей оружия, г. Тула, Российская Федерация, AuthorID: 235506, <https://orcid.org/0000-0003-4479-2620>, ResearcherID R-7767-2016, e-mail: ggi1957@mail.ru

REFERENCES:

1. Ankersmit F.R. History and tropology: the rise and fall of a metaphor Moscow: Progress-Tradicija, 2003. 496 p.
2. Dilthey V. Collected works: In 6 volumes. V. 3. Construction of the historical world in the sciences of the spirit. Moscow: Tri kvadrata, 2004. 419 p.
3. Cohen G. Kant's theory of experience. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2012. 618 p.
4. Konstantinov F. Historical materialism // Philosophical Encyclopedia. In 5 volumes. Moscow, 1960-1970.
5. Kopolov N. Ye. How historians think. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 326 p.
6. Lubsky A. V. Alternative models of historical research. Moscow: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2005. 349 p.
7. Marx K., Engels F. German ideology / Marx K. and Engels F., Soch. 2nd ed. T. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. 629 p.
8. Marx K. To the criticism of political economy / Works. T. 13. S. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959. 771 p.
9. Marx K. Capital. Preface to the first edition / K. Marx and F. Engels, Works. T. 23. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961. 745 p.
10. Nietzsche F. On the benefits and harms of history for life // Nietzsche F. Works. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1990. 830 p.
11. Plotnikov H. S. Life and history. Wilhelm's Philosophical Program Dilthey // Dilthey V. Collected works. In 6 volumes. Vol. 1. Moscow: Dom intellektual. kn., 2000. 762 p.
12. Postmodernism / Philosophy: Encyclopedic Dictionary. Ed. A.A. Ivina. Moscow: Gardariki, 2004. 1072 p.
13. Raymond Aron. Selected: An Introduction to the Philosophy of History. M.: Per Se; Sankt-Peterburg: Universitetskaja kniga, 2000. 543 p.
14. Rickert G. Nature sciences and culture sciences. Moscow: Respublika, 1998. 413 p.
15. Savelyeva I. M., Poletaev A. V. History and time. In search of what was lost. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 800 p.
16. Sorokin P. Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat, 1992. 542 p.
17. Tarnas R. History of Western thinking. Moscow: Izd. dom «KRON-press», 1995. 444 p.
18. Tosh D. Striving for truth. How to master the skill of a historian. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2000. 296 p.
19. Febvre L. Battles for history. Moscow: Nauka, 1991. 629 p.

ABOUT THE AUTHOR

Grigory I. Gerasimov, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor; Scientific consultant, Tula Museum of weapons, Tula, Russian Federation, AuthorID: 235506, <https://orcid.org/0000-0003-4479-2620>, ResearcherID R-7767-2016, e-mail: ggi1957@mail.ru

5.6.4.

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

УДК 94:392.1(=511.152)

Родильные обряды и традиции мордовского народа: прошлое и современность

©Елена Николаевна Мокшина^а, ©Мария Анатольевна Нарватова^б

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Российская Федерация

^аe-mail: enm2112@mail.ru

^бe-mail: aknarvatova@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является анализ бытовавших в прошлом и сохранившихся поныне родильных обрядов и традиций мордовского народа, зафиксированных в устно-поэтическом творчестве, научных и периодических изданиях, материалах, собранных авторами во время полевых этнографических изысканий. В основу исследования были положены такие методы, как сравнительно-исторический, историко-генетический, проблемно-хронологический, структурно-системный, включенного наблюдения, логический, описательно-повествовательный, обобщения, классификации и систематизации. Авторы на конкретных примерах показывают, насколько разнообразны, интересны и рациональны обряды и традиции мордовского народа, связанные с вынашиванием и рождением ребенка. При анализе историографии рассматриваемой темы отмечено, что существенный вклад в ее разработку внесли научные труды таких этнографов как Н. Ф. Мокшин, Н. Ф. Беляева, Г. А. Корнишина, Т. П. Федянович, В. А. Балашов, А. С. Лузгин, Е. Н. Мокшина, Ю. Н. Сушкова и др. Выводы: В настоящее время каждая мордовская семья сама решает в какие приметы верить, какие обряды соблюдать, каким традициям следовать. Однако даже если семья воспринимает родильные обряды детского цикла как дань памяти и не вкладывает в них то значение, какое подразумевали их предки, все равно это способствует сохранению традиций и культуры мордовского этноса. Возрождение института крепкой многодетной семьи на современном этапе могло бы существенно помочь решению чрезвычайно актуальной для мордовского народа демографической проблемы.

Ключевые слова: мордва, семья, родильные обряды, традиции, мировоззрение, быт, религиозные верования, антропонимы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мокшина Е. Н., Нарватова М. А. Родильные обряды и традиции мордовского народа: прошлое и современность // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 41-45.

Birthing Rites and Traditions of the Mordovian People: Past and Present

©Elena N. Mokshina^а, ©Maria A. Narvatova^б

Mordovian State University, Saransk, Russian Federation

^аe-mail: enm2112@mail.ru

^бe-mail: aknarvatova@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to analyze the maternity rites and traditions of the Mordovian people that existed in the past and are still preserved today, as recorded in the oral-poetic literature, scientific and periodicals, materials collected by the authors during field ethnographic research. The research was based on such methods as comparative-historical, historical-genetic, problem-chronological, structural-systemic, included observation, logical, descriptive-narrative, generalization, classification and systematization. The authors use specific examples to show how diverse, interesting and rational are the rites and traditions of the Mordovian people associated with childbirth and nurture. When analyzing the historiography of the considered topic it is noted that a significant contribution to its

development was made by scientific works of such ethnographers as N. F. Mokshin, N. F. Belyaeva, G. A. Kornishina, T. P. Fedyanovich, V. A. Balashov, A. S. Luzgin, E. N. Mokshina, Y. N. Sushkova and others. Conclusions: At present each Mordovian family decides for itself which omens to believe in, which ceremonies to observe, which traditions to follow. However, even if a family perceives maternity rituals of the child cycle as a tribute and does not put into them the meaning their ancestors implied, it still contributes to the preservation of the traditions and culture of the Mordovian ethnos. The revival of the institute of a strong large family at the present stage could significantly help to solve the demographic problem extremely urgent for the Mordovian people.

Key words: Mordva, family, maternity rites, traditions, worldview, life, religious beliefs, anthroponyms.

FOR CITATION: Mokshina E. N., Narvatova M. A. Birthing Rites and Traditions of the Mordovian People: Past and Present // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 41–45. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Рождение здорового ребенка с древности и поныне является важной задачей для каждой семьи. У разных народов сложились самобытные обряды и традиции, связанные с данным событием жизненного цикла человека. Наличие большого потомства традиционно являлось существенной частью жизнедеятельности мордвы, поэтому в день свадьбы молодых часто обсыпали зерном и хмелем, что символизировало пожелание их семье благополучия и многодетности. В родильных обрядах мордвы принято выделять три основных момента: беременность, роды и послеродовый период. Родильные обряды представляют собой значительный пласт в быту и культуре мордовского народа, поэтому являлись объектом изучения ряда этнографов. Среди них следует отметить научные труды Н. Ф. Мокшина [7–12], Н. Ф. Беляевой [2], Г. А. Корнишиной [4–5], Т. П. Федянович [16], В. А. Балашова [1], А. С. Лузгина [6], Е. Н. Мокшиной [9–13], Ю. Н. Сушковой [11–12] и др. В их работах нашли отражение многие аспекты этой темы. Однако, на наш взгляд, необходимы дальнейшие исследования данного вопроса, чему и посвящена эта статья.

АНАЛИЗ РОДИЛЬНЫХ ОБРЯДОВ И ТРАДИЦИЙ МОРДОВСКОГО НАРОДА

У мордвы в жены принято было выбирать крепкую, плотную и дородную женщину, поскольку считалось, что она сможет родить много здоровых детей. А это было главным в семейной жизни. Бездетность считалась большим несчастьем, горем. В мордовском устно-поэтическом творчестве сохранилось много пословиц на эту тему: «Многодетные родители — держатели человеческого рода», «Кто с детьми живет — радуется, кто без детей — горюет», «Бездетный, что дуплистое дерево: ни лыка, ни дров» [15, с. 74], «Дом с детьми — счастливый дом» [15, с. 76], «Человек без детей, что сухое дерево без ветвей» [15, с. 78], «Плохо жить без дома, еще хуже без детей», «Где дети, там веселье», «Дерево сохнет без корней, хорошая женщина — без детей» [15, с. 79], «Без веток — не дерево, без детей — не семья» [15, с. 80] и др.

Также при выборе супруги смотрели не только на невесту, но и на ее родителей, весь род в целом. Подтверждением этому служат мордовские пословицы: «Смотри на мать, когда берешь ее дочь» [15, с. 68], «Каково дерево, таковы и ветки», «Какова яблоня, таковы и яблоки», «Какова мать, такова и дочь» [15, с. 73], «В одной грибнице одной породы грибы растут» [15, с. 74], «Какой сад, такие и яблоки», «Каков отец, таков и сын» [15, с. 77], «Каков род, таково и потомство» [15, с. 79] и др. Аналогичные по смыслу пословицы есть в фольклоре и у других финно-угорских народов, например у вепсов: «Какова мать — такова и дочь», «У хороших отца с матерью и ребенок хороший» [17, с. 23], «Березовый пенек

— так и отросток березовый», «Какая ель — такой и отросток» [17, с. 90] и др.

Если после заключения брака в мордовской семье долго не рождались дети, то женщину называли «неродюхой» и отношение к ней со стороны родственников было негативным. Подобный пример описан в произведении Д. И. Морского «Ульяна Сосновская» [14], когда отношение к молодой снохе у свекра и свекрови изменилось только с появлением ребенка. В данной поэме рассказывается, что молодая женщина, выйдя замуж, много работала, мало спала и была голодна настолько, что обессилила. Героиня поэмы все никак не могла угодить родителям супруга, часто плакала, чтобы ее никто не видел. Лишь с рождением сына отношение к молодой женщине в семье изменилось в лучшую сторону.

Мордва долгое время поклонялись языческим богам. Люди верили, что Ведява (богиня воды) и Вирява (богиня леса) влияют на деторождение. В связи с этим неродящие женщины просили эти божества смилостивиться и приносили им жертвоприношения. Характерной чертой религиозных верований мордовского народа является почитание предков, поэтому часто бесплодные женщины или те, у которых умирали дети, обращались за помощью к умершим и делали им жертвоприношения [8; 9].

Беременных по возможности старались освобождать от тяжелого труда в поле, доме и на дворе. Они занимались в основном работой, не требующей больших физических затрат, готовили пищу, убирались, стирали, шили, ткали, пряли, вышивали и т.д. К беременным в мордовских семьях было особое отношение. Для них действовали и определенные запреты (табу): не ходить на похороны и кладбища, не посещать больных, не смотреть на нищих, не бить животных. Данные ограничения имели вполне разумное объяснение: вышеперечисленные события могли напугать или разволновать беременную женщину, животное могло нанести ответный удар.

Несмотря на свое положение, мордовские женщины, как правило, до последнего работали, особенно если период беременности приходился на уборочную страду, когда каждая пара рук была на счету. Жизнь мордовского крестьянства зависела от урожая, поэтому необходимо было вовремя его собрать и не оставить на ненастную погоду, когда урожай мог погибнуть и тогда людям пришлось бы голодать.

Случалось, что мордовские женщины рожали прямо в поле, зачастую в дохристианский период именно данный факт служил основой для наречения ребенка. В то время в народе широко были распространены имена, связанные с полем, например, Нуянза, Нуякша, Нуяль, Пивцай, Паксая, Пакстян, Паксюта (морд. пакся — поле) и др. Если ребенок был рожден в лесу или рядом с лесом, его могли назвать Виряй, Виртяс, Виртян, Виртява (морд. вирь — лес). Для ребенка, рожденного дома, давали имена Кудаш, Кудай (морд. кудо — дом). Также имена давались не только в зависимости

от места рождения, но и от времени, например, Тундас, Тундаля, Тундана (в переводе с морд. яз. — весенний), Эйзюраль (в переводе с морд. яз. — рожденная во время сосулек), Телена (в переводе с морд. яз. — зимняя) и тому подобное. Кроме того, ребенка называли характерным именем при сложных родах, например, Эряна, Эряния (в переводе с морд. яз. — живучая), Вельмата (в переводе с морд. яз. — ожившая). Зачастую имена давались по внешним особенностям ребенка при рождении, например, Ашназа (в переводе с морд. яз. — белокурая), Валдуша (в переводе с морд. яз. — светлая), Сэтьмела (в переводе с морд. яз. — тихая), Веляй (в переводе с морд. яз. — вертлявый) и так далее. Некоторые имена отражали чувства родителей, например, Вечкай, Вечкан, Вечкенза (от морд. слова «любить»), Учват, Учай (в переводе с морд. яз. — долгожданный), Казей (вероятнее всего от морд. слова «казне» — подарок). Это указывает на то, что у мордовского народа сложился богатый и разнообразный мир антропонимов, особенно дохристианского периода, и родители осознанно подходили к имянаречению своего ребенка [7].

Неоднократно женщины рожали самостоятельно без чьей-либо помощи, особенно, если это был не первый их ребенок. Однако при первых родах молодой женщине нужна была помощь, которую, как правило, оказывала свекровь или повивальная бабка. Когда начинались роды, кто-то из домочадцев бежал за повитухой. Следует отметить, что не всегда она была односельчанкой. Нередко случалось, что приходилось идти за ней в соседнее село. Роженица в это время одевалась в старую одежду, чтобы потом ее можно было сжечь в случае полной непригодности. Однако, если семья была очень бедная, даже эту одежду впоследствии пытались отстирать.

Повивальной бабкой обычно была здоровая, опытная женщина, которая имела много детей и внуков, и теперь помогала при родах другим женщинам. От того насколько опытна и аккуратна была помощница при родах зависело дальнейшее состояние здоровья мамы и малыша. Повитухи всегда были в почете, пользовались уважением. На праздник Пасхи к ним приходили с подарками женщины, у которых они принимали роды, а их дети называли повитуху «бабушкой», а та в свою очередь обращалась к детям как внукам (морд. унокт).

Женщины-повитухи, безусловно, обладали минимальными медицинскими знаниями и навыками, которые передавались из поколения в поколение. Однако повивальная бабка применяла не только акушерские знания, но и различные заговоры, ритуалы и обряды. Например, самый распространенный магический ритуал для облегчения родов — расплести косу и развязывать все узлы на одежде роженицы, порой открывали двери, окна, печную заслонку, раскрывали замки, чтобы ребенок легко прошел по родовым путям. Следует отметить, что и в настоящее время многие женщины, следуя приметам прабабушек, распускают волосы при родах.

Одним из самых распространенных мест для родов у мордвы была баня. Отдельное помещение, которое заранее натапливали, было, как правило, удалено от домов, кроме этого под рукой была теплая вода, чтобы обмыть роженицу и младенца. Надо сказать, в баню роженица, младенец и повитуха ходили первые три дня, потом бабушка-повитуха приходила только проводить мать и ребенка. Также необходимо отметить, что после рождения ребенка клали на льняное полотенце. Зачастую это было венчальное полотенце родителей. Во время крещения ребенка также использовали особое полотенце, которое в эрзянских селах называлось «ризэ». Существовало поверье, что крестильное полотенце имеет магическую силу и его нельзя стирать после таинства крещения. А использовать в быту можно

только через год, исключение составляет болезнь ребенка: мордва верила, что крестильное полотенце, также как и крестильная одежда, может принести исцеление.

После того как женщина разродилась, мать и дитя были вымыты и отдыхали в тепле, приводили в порядок место родов и закапывали послед. Так, к примеру, в эрзя-мордовском с. Каласево Ардатовского района Республики Мордовия послед клали в старый лапот и закапывали так, чтобы никто не смог найти его и откопать (информатор Демушова Дарья Дмитриевна, 1937 г.р., уроженка села).

Как правило, мать с ребенком мыли три дня в бане, а после третьей бани совершали обряд «эйкакш идема» или выкуп ребенка, когда повивальная бабка вручала младенца матери. Данный обряд исследователь Г. А. Корнишина описала следующим образом: «Повивальная бабка, держа в одной руке новорожденного, а в другой руке хлеб, спрашивала молодую женщину: "Что тебе нужно: хлеб или ребенок?". Мать отвечала: "Ребенок". Бабушка отдавала ей малыша со словами: "Вот твоя ноша"». При первом укладывании ребенка в колыбель с новорожденным знакомилась все женщины-родственницы. Клали в колыбель лепешки и пироги, и все женщины, присутствующие при данном обряде, по очереди качали ее, желая ребенку счастливую и сытую жизнь [5, с. 69].

После рождения ребенка укладывали в зыбку и покрывали ее от чужих глаз. Первое время в дом, где есть младенец, чужих не пускали и ребенка не показывали, поскольку мордва верила, что человек с тяжелым взглядом может слезить ребенка, и он заболит. В связи с этим стремились как-то защитить младенца. Например, в мокша-мордовском с. Перхляй Рузаевского района Республики Мордовия новорожденному на левую руку надевали браслет из разноцветного бисера, который тот носил до года. По мере взросления ребенка, когда браслет ему становился мал, добавляли бисер. Кроме того, в вышеуказанном населенном пункте в комнате, где находилась зыбка с младенцем, ставили в угол веник, перевернутый вверх широкой частью. Помимо этого, еще одним оберегом у мордвы служила булавка и уголек, которые клали в зыбку с левой стороны под голову ребенка. Булавку закалывали не в подушку, а на плотную ткань, которая была застелена в самом низу, под нее же клали уголек, чтобы никто не мог их увидеть (информатор Польшаева Елизавета Андреевна, 1940 г.р., уроженка села).

В с. Каласево Ардатовского района Республики Мордовия для защиты ребенка от нечистой силы в зыбку клали ножницы или булавку, а на лбу малыша рисовали карандашом или чем-то другим точки. Мордва верила, что данные ритуалы и обереги служат надежной защитой для новорожденного от дурного глаза, которого очень боялись. Зачастую продолжительный плач и беспокойство даже уже подросткового ребенка связывали с тем, что его видел человек с плохими намерениями. Обычай не показывать первое время после рождения младенца чужим людям также обоснован с практической точки зрения: так оберегали новорожденного от лишних болезней. Кроме того, что ребенка не показывали чужим людям, в доме сохранялось еще одно таинство — процесс кормления грудью малыша. Во время кормления мама обычно отворачивалась и укрывала платком грудь и ребенка, чтобы никому ничего не было видно, даже представителям женского пола. Мордовские женщины верили, что если кто-то увидит процесс кормления грудью, то молоко пропадет. Однако данное поверье можно объяснить и с практической точки зрения: мордовские избы в прошлом, как правило, представляли собой одну большую комнату, в которой находились все домочадцы — мужчины, женщины, дети и старики. С точки зрения нравственности и этичности было бы неприемлемо

оголять при них грудь. С грудным молоком также связана еще одна примета, которая гласит, что грудное молоко нельзя выливать. В случаях, когда нужно избавиться от грудного молока, как правило, его выливали под дерево, чаще всего под яблоню. Никогда не сливали это молоко скотине и не выливали в помой. Никогда не выливали грудное молоко под осину, так как под это дерево выливали воду после обмывания покойника. Грудное молоко считали целебным, оно служило не только едой для новорожденного, но и выступало в качестве дезинфицирующего средства. Например, младенцам капали грудное молоко в глазки, если начиналось их нагноение или в носик, если он был заложен (информаторы Демусова Дарья Дмитриевна, 1937 г.р., уроженка села; Храмова Анна Дмитриевна, 1945 г.р., уроженка села).

Первый год жизни ребенка считался самым важным и трудным, поэтому такие моменты как появление первого зуба, первые шаги и первая стрижка сопровождались определенными ритуалами. Для мордвы важным было также первое купание. В с. Перхляй Рузаевского района Республики Мордовия существовала примета: как поведет себя ребенок при первом купании, таков он и будет. Если плакал, когда парили, то будет капризный и беспокойный, если не плакал — спокойный (информатор Польшаева Елизавета Андреевна, 1940 г.р., уроженка села).

Обычно мальчика парили дубовым веником, чтобы был сильным и крепким, а девочку — березовым, чтобы быластройной и красивой. В вышеуказанном селе также бытовал обычай при появлении первого зуба у ребенка проводить железной монетой по зубу, приговаривая «пусть все зубки будут крепкие, как эта монета». В мордовском народе по традиции была зубная крестная, как правило, ею становилась та женщина, которая находила зуб. Если зуб находила мать, то зубной крестной становилась женщина, которая была в это время в доме. Зачастую за маленькими детьми приглядывали дети постарше, и часто именно они находили первый зуб. Того, кто нашел зуб, обычно благодарили копеечкой (информатор Польшаева Елизавета Андреевна, 1940 г.р., уроженка села).

В мордовских семьях также бытовал обычай перерезать путы на ногах ребенка, который начал делать первые шаги. Разрезала путы обычно старшая из женщин в доме, чаще всего бабушка ребенка. Когда ребенок стоял, проводили три раза рукой крестообразные движения, имитируя перерезывание невидимых нитей. Мордовский народ верил, что после этого ребенок начинал уверенно и быстро ходить. Порою такой обряд совершали, когда ребенок долго не начинал ходить, и ему перерезали путы, чтобы он быстрее пошел [2; 3].

Для мордовских семей было важно, чтобы в семье родился мальчик — это продолжение рода, дополнительный работник. Девочки тоже не сидели без работы, но в семье прекрасно по-

нимали, что как только дочка подрастет, выйдет замуж и помощи от нее не будет. В то время как мальчик в родительский дом приведет жену, а это значит дополнительную пару рабочих рук. Следует отметить, что в мордовском народе в старину часто можно было встретить следующую ситуацию: подростка 12-14 лет женили на уже созревшей взрослой молодой девушке 18-24 лет с целью увеличения рабочей силы в семье. Данная бытовая особенность была экономически выгодна для обеих сторон: в семье девушки родители держали ее как можно дольше в качестве помощницы, а семья юного мужа брала к себе уже взрослую, крепкую и сильную работницу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день мордва живет в ногу со временем, многие традиции и обычаи ушли в прошлое, но в то же время в некоторых селах отголоски родильных обрядов предков еще имеют место. В настоящее время у мордвы к беременным особое отношение, также как и у других этносов. Сейчас не рожают в поле и бане, а рожают в специализированных лечебных учреждениях — роддомах. Однако многие беременные придерживаются старинных поверий, например, предпочитают не ходить на кладбище. Также многие женщины распускают волосы при родах.

Практически повсеместно среди мордвы по-прежнему сильна вера в возможность сглаза ребенка в первые дни жизни, в связи с этим его не принято показывать чужим людям до крещения либо до 40 дней после родов. Здесь следует учитывать также опасения родителей, что гости в первые дни жизни могут заразить младенца вирусным или инфекционным заболеванием. А булавки, застегнутые внутри одежды, многие носят даже во взрослом возрасте.

Когда мамы с младенцем первый раз заходят в свой дом после родильного дома, их принято встречать с хлебом. Также им не положено приходить в пустой дом, чтобы никто не встречал нового члена семьи. У многих родителей сохраняется традиция не стричь ребенка до года, аргументируя это пословицами: «Стричь до года — укорачивать жизнь ребенку» или «До года стрижешь — ум отстригаешь».

В настоящее время каждая мордовская семья сама решает в какие приметы верить, какие обряды соблюдать, каким традициям следовать. Однако даже если семья воспринимает родильные обряды детского цикла как дань памяти и не вкладывает в них то значение, какое подразумевали их предки, все равно это способствует сохранению традиций и культуры мордовского этноса. Возрождение института крепкой многодетной семьи на современном этапе могло бы существенно помочь решению чрезвычайно актуальной для мордовского народа демографической проблемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балашов В. А. Бытовая культура мордвы. Традиции и современность. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. 254 с.
2. Беляева Н. Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001. 260 с.
3. Кандрина И. А. Народные знания и опыт в обрядах деторождения мордвы Республики Мордовия // Вестник ТГТУ. 2021. С. 884–893.
4. Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2000. 150 с.
5. Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2007. 116 с.
6. Лузгин А. С. В тесном соседстве: хозяйство и материальная культура населения Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 188 с.
7. Мокшин Н. Ф. Тайны мордовских имён: (Исторический ономастикон мордовского народа). Саранск: Мордов. кн. из-во, 1991. 112 с.

REFERENCES:

1. Balashov V. A. Domestic culture of the Mordva. Traditions and modernity. Saransk, 1992. 254 p.
2. Belyaeva N. F. Traditional upbringing of children of the Mordva. Saransk, 2001. 260 p.
3. Kandrina I. A. Folk knowledge and experience in childbirth rites of the Mordovian Republic // Bulletin of the TSTU. 2021. P. 884–893.
4. Kornishina G. A. Traditional customs and rituals of the Mordovians: historical roots, structure, forms of performance. Saransk, 2000. 150 p.
5. Kornishina G. A. Traditional rite culture of the Mordovas. Saransk, 2007. 116 p.
6. Luzgin A. C. In a close neighborhood: economy and material culture of Mordovia. Saransk, 1987. 188 p.
7. Mokshin N. F. The secrets of Mordovian names: (Historical onomasticon of the Mordovian people). Saransk, 1991. 112 p.

8. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. 248 с.
9. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2005. 532 с.
10. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Митрополит родом с Вада. Саранск: Тип. Красный Октябрь, 2012. 100 с.
11. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н., Сушкова Ю. Н. Финно-угорские народы. Саранск, 2009. 48 с.
12. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н., Сушкова Ю. Н., Гришаков В. В. Этнография финно-угорских народов. Саранск, 2017. 176 с.
13. Мокшина Е. Н. Межконфессиональная ситуация в Республике Мордовия (1990–1999 гг.) // Регионоведение. № 4/1999 — № 1/2000. С. 384–390.
14. Морской Д. И. Ульяна Сосновская. М.; Л.: Гос. издат, 1930. 47 с.
15. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. В 8 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во. Т. 4. Кн. 1. Пословицы, присловия и поговорки. 1967. 376 с.
16. Федянович Т. П. Обычаи и обряды: их место и роль в жизни этноса (по материалам народов Урало-Поволжья) // Расы и народы. М., 2003. С. 81–93.
17. Mi meles, se i ke = Что на уме, то и на языке. Вепские пословицы и поговорки [на вепском и русском языке] / Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук; сост.: О. Ю. Жукова. Петрозаводск: Периодика, 2018. 96 с.
8. Mokshin N. F. Religious beliefs of the Mordva. Saransk: Mordovian Book Publishing House, 1998. 248 p.
9. Mokshin N. F., Mokshina E. N. Mordva and faith. Saransk: Mordovian Book Publishing House, 2005. 532 c.
10. Mokshin N. F., Mokshina E. N. Metropolitan comes from Vad. Saransk, Printing house Red October, 2012. 100 p.
11. Mokshin N. F., Mokshina E. N., Sushkova Y. N. Finno-Ugric peoples. Saransk, 2009. 48 p.
12. Mokshin N. F., Mokshina E. N., Sushkova Y. N., Grishakov V. V. Ethnography of Finno-Ugric peoples. Saransk, 2017. 176 p.
13. Mokshina E. N. Inter-confessional situation in the Republic of Mordovia (1990–1999) // Regionology. № 4/1999 — № 1/2000. P. 384–390.
14. Morskoy D. I. Ulyana Sosnovskaya. M.; L., 1930. 47 p.
15. Oral and poetic works of the Mordovian people. In 8 vols. Saransk. T. 4. B. 1. Proverbs, proverbs and sayings. 1967. 376 p.
16. Fedyanovich T. P. Customs and rites: their place and role in the life of an ethnos (on the materials of the peoples of the Ural-Volga region) // Races and peoples. M., 2003. P. 81–93.
17. Mi meles, se i ke = What's on the mind, that's on the tongue. Veps proverbs and sayings [in Veps and Russian] / Institute of language, literature and history of the Karelian scientific center of the Russian Academy of Sciences; comp: O. Y. Zhukova. Petrozavodsk, 2018. 96 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 82,35%.

Рецензент: Корнишина Г. А., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Статья поступила в редакцию 16.01.2022, принята к публикации 06.02.2022

The article was received on 16.01.2022, accepted for publication 06.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мокшина Елена Николаевна, доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Российская Федерация, e-mail: enm2112@mail.ru

Нарватова Мария Анатольевна, аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева», г. Саранск, Российская Федерация, e-mail: aknarvatova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena N. Mokshina, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of History of Russia of the Mordovian State University, Saransk, Russian Federation, e-mail: enm2112@mail.ru

Maria A. Narvatova, graduate student of the Department of History of Russia of the Mordovian State University, Saransk, Russian Federation, e-mail: aknarvatova@mail.ru

5.6.7.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) HISTORY OF FOREIGN AFFAIRS AND EXTERNAL POLICY

Роль личности в истории (на примере Канси и Петра I)

©Сунь Чандэ

Университет Ляочэн, провинция Шаньдун, Китай
e-mail: 1076968148@qq.com

Аннотация. Цель исследования. В статье рассматриваются исторические условия, в которых проходила деятельность Петра I в России и Канси в Китае, характеристика общественного строя того времени, история становления двух личностей, осуществляется анализ проводимой правителями политики, реформ и их достижений. Целью исследования является выявление особенностей и различий развития и управления страной во времена правления Петра I в России и Канси в Китае и их вклада в историю. На рубеже 17 и 18 веков два монарха, Канси и Петр I, были чрезвычайно похожи и противоречивы, и их влияние на будущее поколение было очень разным. Результаты: в статье проведен сравнительный анализ правления двух великих личностей для получения более глубокого понимания истории развития двух стран в конце 17–начале 18 веков. В истории особенно важна роль руководителей государства. В отечественной и мировой истории изучение личности Петра I является одним из главных пунктов исследователей. Канси для Китая столь же значим, как и его современник Петр Великий для России. В истории Китая эпоха Канси стала символом благополучия, а сам император считался образцовым правителем.

Ключевые слова: Россия, Китай, Петр I, Канси, история, Западная Европа, сельское хозяйство, торговля.

Благодарности: С.Н. Погодину, доктору исторических наук, профессору, директору Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого (СПбПУ).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сунь Чандэ Роль личности в истории (на примере Канси и Петра I) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 46–50.

The Role of a Person in History (On the Example of Kangxi and Peter I)

©Sun Changde

Liaocheng University, Shandong, China
e-mail: 1076968148@qq.com

Abstract. Purpose. The article examines the historical conditions in which the activities of Peter the Great in Russia and Kangxi in China took place, the characteristics of the social system of that time, the history of the formation of two personalities, analyzes the policies pursued by the rulers, reforms and their achievements. The purpose of the study is to identify the features and differences of the development and governance of the country during the reign of Peter I in Russia and Kangxi in China and their contribution to history. At the turn of the 17th and 18th centuries, two monarchs, Kangxi and Peter I, were extremely similar and contradictory, and their influence on the future generation was very different. Results: the article presents a comparative analysis of the reign of two great personalities to gain a deeper understanding of the history of the development of the two countries in the late 17th–early 18th centuries. The role of state leaders is especially important in history. In Russian and world history, the study of the personality of Peter I is one of the main points of researchers. Kangxi is as significant for China as his contemporary Peter the Great is for Russia. In the history of China, the Kangxi era became a symbol of prosperity, and the emperor himself was considered an exemplary ruler.

Key words: Russia, China, Peter I, Kangxi, history, Western Europe, agriculture, trade.

Acknowledgments: to Prof. S.N. Pogodin, Doctor of Science (History), Director of the Higher School of International relations, the Institute of Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

FOR CITATION: Sun Changde The Role of a Person in History (On the Example of Kangxi and Peter I) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 46–50. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Император Китая Канси и император России Петр I, являясь современниками, имели поразительно схожий опыт в своем восхождении к власти. Император Канси в период своего правления с 1661 г. по 1722 г. успешно развивал экономику и поддерживал единство многонациональной страны. Его называли «единым императором на протяжении веков». Петр I во время своего правления с 1682 г. по 1725 г. осуществил реформы, положившие начало модернизации России, за что его прозвали «Петром Великим». Оба императора находились у власти долгое время, и их политика способствовала развитию их стран. Однако из-за разных социальных и исторических условий Китай и Россия развивались по своим собственным путям. В следующие 100 лет произошли очень разные и драматические изменения.

ИСТОРИЯ ПРАВЛЕНИЯ
ДВУХ ПРАВИТЕЛЕЙ — КАНСИ И ПЕТРА I

Канси и Петр I взошли на трон подростками, находились под контролем других, получили власть благодаря уму и храбрости.

Канси взошел на трон в возрасте восьми лет. В то время люди пережили войну и голод, земля была бесплодной. Западные колонисты прибывали толпами. Молодому Канси пришлось пройти ряд испытаний, с которыми он успешно справился. О нем писали так: «Он мудр, обладал сильной памятью, сообразительностью и был гением. У него сильная воля, которая могла выдержать различные испытания, и он также обладал способностью организовывать, направлять и завершать крупные начинания». [3].

Петр I взошел на престол в возрасте десяти лет, но реальная власть находилась в руках его старшей сестры Софьи. Он жил с матерью в деревне на окраине Москвы. В течение следующих семи лет он играл в военные игры с большим количеством людей того же возраста, сформировал свой собственный полк и полагался на него, чтобы изменить свою судьбу. Когда он был молод, он был свидетелем ужасающих сцен массовых убийств и кровопролития, которые оказали на него более или менее сильное влияние. По словам современников: «Когда он был счастлив, он был серьезным и добрым, но в другое время он был суровым и ужасающим, излучая дикий и ужасающий темперамент» [7].

И Канси, и Петр I были очень прилежны и проявляли большой интерес к западным исследованиям. Но Петр больше склонен к практическим технологиям и не жалел усилий, чтобы продвигать их по всей стране. Стоит отметить, что по сравнению с Петром I Канси был великодушным монархом.

Канси был грамотен и читал уже в возрасте пяти лет. «Он читал большинство конфуцианских произведений или других оригинальных произведений, которые китайцы считают священными книгами». Он был специалистом в «имперской политике, психологии мудрецов и основах Шести классиков». Но Канси также придавал большое значение естественным наукам, особенно западным исследованиям. Он назначил западных миссионеров, таких как Нань Хуайрен и Чжан Чэн, придворными лекторами, чтобы они объяснили ему применение некоторых основных математических инструментов и объяснили самые интересные вещи в геометрии, статике и астрономии [3].

Подобно Канси, Петр I был также прилежен и стремился к знаниям. За время своего пребывания на окраине Москвы он открыл для себя мир, отличный от близлежащих жилых районов иностранных эмигрантов. Здесь были врачи, фарма-

цевты, инженеры, архитекторы, художники, астрономы, бизнесмены и так далее. Став взрослым, он овладел по меньшей мере двенадцатью ремеслами. В 1697 году Петр организовал миссию для посещения восьми западноевропейских стран. Он выдавал себя за капрала Петра Михайлова. Император углубился в заводы и мастерские, чтобы изучить передовые технологии западноевропейских стран, и даже получил диплом по технологии судостроения. Поездка в Западную Европу оказала большое влияние на Петра. В ходе последующих реформ Петр I сделал все возможное, чтобы направить Россию на сближение с Западной Европой [1].

В конце концов, Канси, который полагался лишь на нескольких миссионеров для преподавания западных дисциплин, обладал ограниченными научными знаниями, не говоря уже о том, чтобы популяризировать их в практике общественного производства. Причина в том, что Россия относительно отставала в политике, экономике и культуре. Петр I с детства ощущал пропасть между Россией и Западом. Однако Китай всегда считал себя «небесным царством», и феодальные императоры ставили конфуцианскую этику на первое место. Из-за «спора об этикете» между поздней династией Канси и Святым Престолом двери Китая были закрыты для миссионеров, и развитие Китая отставало от развития передовых государств того времени.

В наши дни, когда люди упоминают Петра Великого, они часто говорят об одном из его выдающихся деяний. В 1697 году 25-летний Петр Великий лично возглавил миссию из более чем 200 человек для изучения передовой западноевропейской культуры, науки и техники, а также методов административного управления. Благодаря полевым исследованиям, длившимся более года, Петр Великий своими глазами увидел, что Западная Европа, крещенная эпохой Возрождения и вышедшая из тьмы Средневековья, возрождается. В то время Россия все еще была закрытой и крепостной страной, а ее экономика и культура были отсталыми. Огромный разрыв между Россией и передовыми странами Западной Европы, должно быть, потряс разум Петра Великого [14].

Петр Великий решительно положился на свою верховную власть, отказался от высокомерных и старомодных традиций России, перенял опыт развитых стран и смело и решительно осуществил всеобъемлющую реформу российской политической системы.

С точки зрения внешней политики, Петр I был одержим военной экспансией, Канси придерживался политики отступления.

Внешняя политика династии Цин в основном унаследовала традиционные кланово-феодальные отношения. Канси посвятил большую часть времени решению внутренних проблем, выравниванию трех феодальных династий, возвращению Тайваня и принятию политики Хуайроу в отношении соседних стран, таких как Северная Корея и Рюкю, для поддержания феодальных кланово-феодальных отношений. Внешне Канси издал три приказа о запрете выхода в море, запрещающих спуск судов на воду. Политика морского эмбарго опустошила морскую промышленность и внешнюю торговлю и значительно ограничила развитие промышленности и торговли в прибрежных районах [9].

Политика запрета судоходства, проводимая Канси, противоречила мировым тенденциям того времени. С одной стороны, самодостаточная природная экономика Китая имела абсолютное преимущество, и консервативные политические концепции доминировали во всем; с другой стороны, реализация политики запрета выхода на море Канси имела политические соображения, то есть не позволяла Хань вдоль побережья контактировать с вооруженны-

ми силами против Цин и иностранцами. Это мешало Канси избавиться от оков традиций.

Внешняя политика Петра I, заключалась в войнах и экспансиях. Россия — страна, богатая традициями внешней экспансии, и цель Петра I — конкурировать за российский выход в море. «Что нужно России, так это вода» — это девиз жизни Петра. Именно это сильное желание поддерживало Петра I в том, чтобы продолжать вести иностранные войны, получить Азов от Турции и открыть выход в Балтийское море из Швеции [5].

Политика открытости, которую всегда проводила царская Россия, постоянно сокращала свой отрыв от Запада, добилась большого экономического и культурного прогресса и быстро нарастила свою военную мощь. Молодой Петр Великий возглавил две экспедиции в Азов, расположенный на нижнем течении реки Дон, в 1695 и 1696 годах, вынудив Османскую империю подписать Константинопольский мирный договор в 1700 году и согласиться передать Азов России. С тех пор более двух столетий Россия и Турция вели серию войн за такие стратегические территории, как Кавказ, Балканский полуостров, Крым и Черное море. С тех пор сменявшие друг друга цари пытались контролировать Центральную Азию, чтобы реализовать стратегию экспансии Петра Великого «свободный доступ к Индийскому океану». С 1804 года они много лет яростно воевали с Ираном [1].

В те времена Петр Великий одним глазом смотрел на развитую Западную Европу и Ближний Восток, а другим — на неизведанный Дальний Восток. Петр Великий и его преемники продолжали посылать ученых, искателей приключений и солдат на Дальний Восток. Вскоре эти обширные, отдаленные и необитаемые земли стали русскими землями. Царская Россия захватила Владивосток у Китая в 1860 г. Они построили здесь мощную военную крепость, сделав ее неуязвимой для иностранных нападений в течение полутора столетий. Царская Россия также назвала близлежащую бухту заливом Петра Великого [4].

Владение выходом к морю — это дипломатическая задача, которую Россия хотела выполнить, но не выполняла в течение двухсот лет. Наследие предков, стремление к Западной Европе и потребность в развитии России в конечном счете сошлись в мощную силу, которая способствовала развитию и экспансии России, а также позволила Петру I подняться на вершину власти. После этого его назвали «Отцом страны и Всероссийским императором Петром Великим» [8].

Сосредоточение внимания на сельском хозяйстве и подавление торговли — традиционная политика китайских феодальных династий, и Канси не является исключением. Он придает большое значение Синьону и защите людей и считает, что «путь Фу Мина состоит в том, чтобы сосредоточиться на сельском хозяйстве». С этой целью был принят ряд стратегий развития мелиорации земель. Площадь обрабатываемых земель расширилась, население быстро росло, а развитие сельского хозяйства заложило основу для возникновения процветания Кангана. В то время империя Цин сопротивлялась агрессии царской России, выиграла битву при Якше и подписала договор Навуходоносора. Внутри страны У Сангуй и другие три феодальные силы были последовательно устранены. Тайвань был объединен, а восстание Джунгарского хана Гард Дана было подавлено. В это время было предварительно сформировано так называемое «Процветание Кангана» [9].

Империя Цин, несомненно, была самой могущественной империей в мире в то время, и император Канси уже был на вершине мира. В этом году император Канси, который был удовлетворен своими амбициями, заключил, что горнодобывающая промышленность не выгодна местному руководству. С тех пор династия Цин ввела долгосрочную политику за-

прета на добычу полезных ископаемых, которая еще больше задушила зарождение китайского капитализма. В 1717 году император Канси вновь издал «Приказ о запрете на море», в котором говорилось, что кораблям с материка не разрешается торговать в Наньяне [3]. В то время район Наньян контролировался западными колониальными силами. Император Канси опасался, что антицинские силы на юге реки Янцзы поставят под угрозу его правление, если их поддержат западные колонисты. Политики «без моря» придерживались и последующие императоры. Такая ситуация сохранялась вплоть до Опиумной войны. Долгосрочная политика закрытия страны не только серьезно заблокировала экономические и культурные обмены Китая с иностранными государствами, но и подорвала нормальное развитие отечественной промышленности и торговли, но и надолго погрузила людей в состояние невежества, что в конечном итоге привело к тому, что Китай потерял свой статус мировой державы.

Что касается промышленности и торговли, позиция Канси не избавилась от традиционных рамок «сельское хозяйство как основа и торговля как цель». Это наиболее очевидно из запрета судоходства в Наньяне и ужесточения добычи полезных ископаемых в поздний период Канси. Что касается добычи полезных ископаемых, то из социальных соображений Канси первоначально ввел запрет на добычу полезных ископаемых, но с 1704 года, чтобы предотвратить сопротивление ремесленников и различных бродяг, Канси издал приказ: «Вопросы добычи полезных ископаемых очень вредны для местного населения. Тем, кто приглашает шахтеров, больше не разрешается это делать». Вскоре все шахты в Хэнани, Сычуани и Гуандуне были закрыты. Канси придавал большое значение сельскому хозяйству за его положительные эффекты, но он презирал и даже подавлял развитие промышленности и торговли, что также препятствовало социально-экономическому развитию Китая и подавляло зарождающийся рост китайского капитализма [10].

Промышленная база России в 17 веке была очень слабой. Ввиду отсутствия бесплатной рабочей силы в крепостнической России Петр I разрешил купцам покупать крепостных для работы в мастерских. Он также поощрял помещиков открывать мастерские и использовать труд крепостных. Стимулируемые различными политиками, российские мастерские ручного труда за этот период получили значительное развитие. Между 1700 и 1720 годами производство чугуна в России выросло в четыре раза, и постепенно она стала основным производителем в Европе. Развитие промышленности сыграло огромную роль в укреплении экономической мощи страны [11].

В 1715 году Россия открыла консульства в Лондоне, Лиссабоне и других местах, чтобы обеспечить торговцам удобства во внешнеторговом бизнесе. Петр I считал, что внешняя торговля является чрезвычайно эффективным средством для усвоения западноевропейской культуры и развития внутренней производительности. В конце его правления Россия импортировала товаров на 2,1 миллиона рублей в год, в то время как ее общий объем экспорта достиг 4,2 миллиона рублей. Политика Петра I в области торговли соответствовала веяниям времени и способствовала изменению отсталого облика страны [7].

ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В КИТАЕ

В последние годы в Китае наблюдается постоянный рост интереса к изучению российской истории. Так, Тао Хуэй-фэн провел всестороннее и систематическое исследование различных реформ начиная с периода Петра I [8]. Чжао Шигуо проследил эпоху быстрых перемен в России с начала 19 века до начала 20 века и проанализировал взаимосвязь меж-

ду революцией, реформами и модернизацией России с точки зрения исторической избирательности [13]. Чжан Гуансян подробно обсудил процесс разделения городов и деревень в России, развитие городского населения, социальную структуру и социальную мобильность, фермеров, приезжающих в город на работу, и процесс урбанизации, так что исследования отечественного академического сообщества по модернизации России были подняты на новый уровень [11].

Обсуждая влияние войны на путь развития России, Яо Хай считал, что в эпоху Московского княжества регулярное состояние войны привело к мобилизации общества, национальной системе военного времени, абсолютистскому правлению и формированию крепостного права. Однако с 16 по 18 век иностранные войны вынудили царский режим изучать и внедрять западную культуру для усиления своей военной и экономической мощи, тем самым способствуя процессу европеизации России [14].

Монография, написанная Бай Сяохуном, отказывается от несправедливой оценки славизма в традиционных исследованиях и считает, что славизм занимает центральное место и оказывает большое влияние в истории русской мысли [2]. Чжан Цзяньхуа рассказал об истории российской интеллигенции с начала 18 века до начала 20 века, от появления отдельных личностей до формирования групп, идеологического просвещения, столкновения идей, политической дифференциации и политической деятельности [12].

Исследования по российской дипломатической истории (включая историю китайско-российских отношений) и в других областях также достигли некоторых важных академических достижений. Ду Чжэнхай подробно проанализировал российскую дипломатическую традицию от Петра I до распада Советского Союза [5]. Книга «История российской синологии» описывает весь процесс формирования, развития и становления российской синологии в мире. Это первая отечественная монография по истории российской синологии, которая затрагивает древность и современность [6]. Книга «История российской синологии» посвящена китайско-российским обменам до рождения российской синологии, началу, зрелости и развитию российской синологии, а также исследованиям России в пограничных регионах Китая. «История и ре-

альность китайско-российских отношений» (Вторая серия) содержит около 60 научных работ. Это сборник результатов исследований китайско-российских отношений в отечественных академических кругах за последние годы [4].

ВЫВОДЫ

Часто говорят, что история создается народом. Однако в истории слишком много случайностей, и ошибки верховного правителя часто могут изменить направление истории, так что это оказывает большое влияние на сегодняшнюю картину мира. Сравнительный анализ жизни и деятельности Канси и Петра I позволяет увидеть тенденции и перспективы развития Китая и России. Отдельные люди могут влиять на историю, но они не могут определять исторические тенденции. Есть надежда, что с помощью сравнения мы сможем углубить наше понимание истории этого периода. Только изучая прошлое и зная настоящее, чувствуя пульс времени и признавая исторические тенденции, страна может процветать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И Канси, и Петр I были прагматичными правителями, проявившими свои блестящие способности в государственном управлении.

Хотя Канси усердно трудился и его военные достижения в гражданских и политических делах были беспрецедентными, феодальное общество Китая было слабеющим. Сто лет спустя пушки британских колонистов распахнули ворота Китая, и Китай постепенно превратился в полукOLONиальное и полуфеодальное общество. В этом отношении, даже если бы Канси «прожил еще пятьсот лет», он был бы беспомощен.

Реформы Петра I не отменили феодально-крепостное право и не устранили коренные причины отсталости России. Но он вывел отсталую Россию на порог современного мира, и Россия входит в число европейских держав. Это его величайшее достижение. В контексте развития капиталистической цивилизации именно приспособляясь к этой ситуации, Петр создал свои собственные великие достижения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анри Труайя. Петр Первый (пер. с фр. И. Шегловой). Санкт-Петербург: Амфора, 2015. 349 с. (Серия — Великие россияне; вып. № 2 (6), 2015).
2. Бай Сяохун 白晓红. Э го сы ла фу чу и 俄罗斯斯拉夫主义 [Русский славизм] // Шан у инь шу гуань 商务印书馆 [Коммерческая пресса]. 2006.
3. Бай цзинь 白晋. Кан си ди чуань 康熙帝传 [Биография императора Канси] // Чжу хай чу бань шэ 珠海出版社 [Издательство Чжухай]. 1995.
4. Гуань Гуйхай 关贵海, Луань Цзинхэ 栾景河. Чжун э гуань си дэ ли ши юй сянь ши (ди эр цзи) 中俄关系的历史与现实 (第二辑) [История и реальность китайско-российских отношений (Вторая серия)] // Шэ хуй кэ сюе вэнь сянь чу бань шэ 社会科学文献出版社 [Издательство литературы по общественным наукам]. 2009.
5. Ду Чжэнай 杜正艾. Э ло сы вай цзяо чуань тун янь цзяо 俄罗斯外交传统研究 [Исследование российских дипломатических традиций] // Шан хай жэнь минь чу бань шэ 上海人民出版社 [Шанхайское народное издательство]. 2007.
6. Ли Минбинь 李明滨. Э ло сы хань сюе ши 俄罗斯汉学史 [История русского китаеведения] // Да сянь чу бань шэ 大象出版社 [Издательство Элефант]. 2008.
7. Сы ди фэнь Ли 斯蒂芬·李. Би дэ да ди 彼得大帝 [Петр Великий] // Шан хай и вэнь чу бань шэ 上海译文出版社 [Шанхайское издательство переводов]. 2001.
8. Тао Хуйфэнь 陶惠芬. Э го цзинь дай гай гэ ши 俄国近代改革史 [История современных российских реформ] // Чжун го шэ хуй кэ сюе чу бань шэ 中国社会科学出版社 [Китайская пресса общественных наук]. 2007.

REFERENCES:

1. Anri Truajya. Peter the Great (translated by I. Shcheglova). St. Petersburg: Amphora, 2015. 349 p. (Series — The Great Russians; vol. №2 (6), 2015).
2. Bai Xiaohong 白晓红. 俄罗斯斯拉夫主义 [Russian Slavism] // 商务印书馆 [Commercial press]. 2006.
3. Bai Jin 白晋. 康熙帝传 [Biography of the Kangxi Emperor] // 珠海出版社 [Zhuhai Publishing House]. 1995.
4. Guan Guihai 关贵海, Luan Jinghe 栾景河. 中俄关系的历史与现实 (第二辑) [History and Reality of Sino-Russian relations (Second Series)] // 社会科学文献出版社 [Publishing House of Literature on Social Sciences]. 2009.
5. Du Zhengai 杜正艾. 俄罗斯外交传统研究 [A study of Russian diplomatic traditions] // 上海人民出版社 [Shanghai People's Publishing House]. 2007.
6. Li Minbin 李明滨. E lo sy han' syue shi 俄罗斯汉学史 [History of Russian Sinology] // Da syan chu ban' she 大象出版社 [Elephant Publishing House]. 2008.
7. Sdifen' Li 斯蒂芬·李. 彼得大帝 [Peter the Great] // 上海译文出版社 [Shanghai Translation Publishing House]. 2001.
8. Tao Huifen 陶惠芬. 俄国近代改革史 [The history of modern Russian reforms] // 中国社会科学出版社 [Chinese Social Sciences Press]. 2007.
9. Wu Yujin 吴于廑, Qi Shirong 齐世荣. 世界史 (近代史编) [World History («Modern History» series)] // 高等教育出版社 [Higher Education Publishing House]. 2004.

9. УЮйцзинь 吴于廑, Ци Шижун 齐世荣. Ши цзе ши (цзинь дай ши бян) 世界史 (近代史编) [Всемирная история (серия «Современная история»)] // Гао дэн цзяо юй чу бань шэ 高等教育出版社 [Издательство высшего образования]. 2004.
10. Цуй Ляньчжун 崔连仲, Лю Минхань 刘明翰. Ши цзе тун ши (цзинь дай цзюань) 世界通史 (近代卷) [Всеобщая история мира (Том Нового времени)] // Жэнь минь чу бань шэ 人民出版社 [Народное издательство]. 1983.
11. Чжан Гуансян 张广翔. 18–19 ши цзи э го чэн ши хуа янь цзю 18-19 世纪俄国城市化研究 [Исследование урбанизации в России в 18-19 веках] // Цзи линь жэнь минь чу бань шэ 吉林人民出版社 [Народное издательство Цилиня]. 2006.
12. Чжан Цзяньхуа 张建华. Э го чжи ши фэнь цзы сы сян ши дао лунь 俄国知识分子思想史导论 [Введение в идеологическую историю российской интеллигенции] // Шан у инь шу гуань 商务印书馆 [Коммерческая пресса]. 2008.
13. Чжао Шигуо 赵士国. Ли ши дэ сюань цзэ юй сюань цзэ дэ ли ши: цзинь дай вань ци э го гэ мин юй гай гэ янь цзю 历史的选择与选择的历史: 近代晚期俄国革命与改革研究 [Выбор истории и история выбора: Исследование русской революции и реформ в поздний современный период] // Жэнь минь чу бань шэ 人民出版社 [Народное издательство]. 2006.
14. Яо Хай 姚海. Чжань чжэн дуй э го фа чжань дао лу дэ ин сянь 战争对俄国发展道路的影响 [Влияние войны на путь развития России] // Ши цзе ли ши 世界历史 [Всемирная история]. 2009. № 1.
10. Cui Lianzhong 崔连仲, Liu Minghan 刘明翰. 世界通史 (近代卷) [The Universal History of the World (Volume of the New Time)] // 人民出版社 [People's Publishing House]. 1983.
11. Zhang Guangxiang 张广翔. 18-19世纪俄国城市化研究 [Study of urbanization in Russia in the 18th and 19th centuries] // 吉林人民出版社 [People's Publishing House of Jilin]. 2006.
12. Zhang Jianhua 张建华. 俄国知识分子思想史导论 [Introduction to the Ideological History of the Russian Intelligentsia] // 商务印书馆 [Commercial press]. 2008.
13. Zhao Shiguo 赵士国. 历史的选择与选择的历史: 近代晚期俄国革命与改革研究 [The Choice of History and the History of Choice: A Study of the Russian Revolution and Reforms in the Late Modern Period] // 人民出版社 [People's Publishing House]. 2006.
14. Yao Hai 姚海. 战争对俄国发展道路的影响 [The impact of the war on the path of development of Russia] // 世界历史 [World History]. 2009. No. 1.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 94,73%.

Рецензент: Погодин С.Н., доктор исторических наук, профессор, директор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022, принята к публикации 02.02.2022

The article was received on 12.01.2022, accepted for publication 02.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сунь Чангдэ, Университет Ляочэн, провинция Шаньдун, Китай,
e-mail: 1076968148@qq.com

ABOUT THE AUTHOR

Sun Changde, Liaocheng University, Shandong, China, e-mail:
1076968148@qq.com

5.6.5.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES,
AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

**Вузовское образование через призму десятилетий:
опыт изучения истории Магнитогорского
государственного технического университета
им. Г.И. Носова**

©Владимир Васильевич Запарий

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vvzap@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена опыту изучения истории Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова. Впервые в отечественной историографии доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник МГТУ им. Г.И. Носова В.В. Филатов осуществляет проект по изучению истории развития вуза на протяжении 1930-х–2000-х годов по десятилетиям. Цель данной статьи — исследование опыта и практической значимости осуществления такого рода проектов в исторической науке. Анализируются первые девять монографий по периоду 1930-х–1960-х годов. Выявлено, что автор на основе обширного круга источников сумел отразить в своем исследовании как положительные, так и отрицательные стороны становления вуза в моногороде Магнитогорске. Изучение образовательной и научной деятельности, кадровой, финансово-хозяйственной политики, повседневности отдельного института позволяет в целом определить основные тенденции развития высшего образования в советский период.

Ключевые слова: Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова, история, преподаватели, студенты, учебный процесс, научная деятельность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Запарий В. В. Вузовское образование через призму десятилетий: опыт изучения истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 51-57.

University Education through the Prism of Decades: The Experience of Studying History Nosov Magnitogorsk State Technical University

©Vladimir V. Zaparyi

Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: e-mail: vvzap@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the experience of studying the history of Nosov Magnitogorsk state technical University. For the first time in Russian historiography, Doctor of Historical Sciences, leading researcher of the Nosov Magnitogorsk state technical University. V.V. Filatov is carrying out a project to study the history of the development of the university during the 1930s–2000s by decades. The purpose of this article is to study the experience and practical significance of the implementation of such projects in historical science. The first nine monographs on the period of the 1930s–1960s are analyzed. It is revealed that the author, based on an extensive range of sources, managed to reflect in his research both the positive and negative sides of the formation of a university in the single — industry town of Magnitogorsk. The study of educational and scientific activities, personnel, financial and economic policy, and the daily life of an individual institute allows us to determine the main trends in the development of higher education in the Soviet period.

Key words: Nosov Magnitogorsk state technical University, history, teachers, students, educational process, scientific activity.

FOR CITATION: Zaparyi V.V. University Education through the Prism of Decades: The Experience of Studying History Nosov Magnitogorsk State Technical University // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 53–57. (in Russ.)

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Многие высшие учебные заведения страны имеют богатую историю. Однако не все из них детально исследуют историю становления и развития вуза, порой ограничиваясь только краткой информацией, популярными книгами и статьями, буклетами, сайтами учебных заведений. Лишь некоторые университеты России, такие как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский университет, Уральский федеральный университет и ряд других вузов выпускают специальные издания по истории университета или летописи событий со дня основания до наших дней [3; 4; 5; 6; 12; 13; 15; 17; 19; 30]. Часто вузами издаются биографии ученых [10; 11; 14; 16; 18]. Подобно характерно и для большинства зарубежных высших учебных заведений. Такие издания заслуживают признания, но, на наш взгляд, требуются новые подходы в исследовании истории высшего образования. Следует признать, что по истории высшего образования диссертационных работ явно недостаточно, а по отдельным вузам тем более [2; 7; 9; 29].

Попытку изменить существующее положение с изучением истории вузов предпринял доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, в недавнем прошлом профессор кафедры всеобщей истории этого университета Владимир Викторович Филатов. Он замыслил осуществить проект по истории университета в 1930–е–2000–е годы в виде многотомного научного издания. Целью исследования стала история первоначально Магнитогорского горно-металлургического института (МГМИ) с 1934 по 1994 год, а впоследствии Магнитогорской горно-металлургической академии (МГМА) с 1994 по 1998 год и сегодняшнего Магнитогорского государственного технического университета (МГТУ) с 1998 года, одного из ведущих высших учебных заведений страны. В 1951 году институту было присвоено имя прославленного директора Магнитогорского металлургического комбината

Григория Ивановича Носова. Продолжающееся серийное издание под общим наименованием «История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова» исследует этапы развития вуза по десятилетиям.

Актуальность подобного рода изданий обусловлена необходимостью восполнить недостающие знания по истории советского высшего образования. На примере развития одного из вузов предстоит раскрыть непростые этапы подготовки инженерных кадров в стране. Не менее важно познакомить студентов с историей своего учебного заведения в воспитательных, патриотических целях, чтобы молодежь чтит традиции старшего поколения, своих предшественников. В технических университетах все меньше отводится времени на изучение истории. Поэтому необходимо в ходе изучения истории России обращаться к информации таких монографий.

Подобные публикации нужны не только профессиональным историкам, работникам конкретного вуза, но и любому человеку, проявляющему интерес к прошлому государства.

РЕАЛИЗАЦИЯ БОЛЬШОЙ И НУЖНОЙ ПРОГРАММЫ

Хочется отметить особенности данного исследования. По содержанию это не справочник, не летопись событий, а настоящее научное издание со всеми элементами научного исследования. Автор стремится вникать во все тонкости организации образовательной и научной деятельности, чтобы выявить как положительные, так и негативные моменты, просчеты, мешавшие продвижению вперед. Меры по сохранению контингента, борьба за высокую успеваемость, качество дипломных проектов и многое другое в организации учебного процесса нашли отражение в рецензируемых монографиях. Проблемы научно-исследовательской работы, выявление слабых сторон как вышестоящими структурами, так и самими научными работниками института позволяли добиваться положительных перемен.

Он много внимания обращает на кадровую политику руководства института, подготовку докторов и кандидатов наук, работу аспирантуры. Структурные изменения, выдвижение и расстановка кадров, стиль руководства также не остаются вне анализа исследователя. В.В. Филатов изучает и финансово-хозяйственную деятельность, поскольку многое зависело от возможности рационально распорядиться не только выделяемыми бюджетными средствами, но и так называемыми специальными средствами, полученными в результате выполнения хозяйственных договоров с предприятиями. Укрепление материально-технической базы учебного заведения оставалось важной задачей для успешной организации научно-исследовательских работ.

Общественно-политическая жизнь в институте, воспитательная работа также в поле зрения автора. Работа кафедр общественных наук, воспитание всего коллектива института в духе марксизма-ленинизма, коммунистической морали, выполнение общественных поручений являлись неотъемлемой чертой того времени. Поэтому документальные источники по этим вопросам также подвергались изучению.

В.В. Филатов провел анализ повседневной социально-бытовой и внеучебной деятельности вуза. Условия проживания студентов и преподавателей, медицинское обслуживание, вопросы стипендиального обеспечения, уровень заработной платы, культурная и спортивно-массовая работа нашли свое отражение в его монографиях.

Научная новизна исследования прослеживается по многим направлениям. Это и многотомное издание, не имеющее аналогов в историографии, а также комплексное всестороннее изучение жизнедеятельности высшего учебного заведения на основе значительного количества разнообразных источников.

В своих монографиях автор опирался на принцип историзма. Изложение строится на общенаучных методах и методах исторического исследования: проблемно-хронологическом, историко-генетическом, компаративном, биографическом и др. На примере развития первоначально втуза, а затем вуза он анализирует эволюцию высшего технического образования в условиях моногорода Магнитогорска. В.В. Филатов старается показать развитие института не только в положительном ключе, избегая острых проблем, а исследует жизнедеятельность коллектива с его достижениями и неудачами.

Объект исследования представляет научный интерес еще и потому, что в 1984 году институт был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Выпускники этого учебного заведения не только формировали кадровый состав Магнитогорского металлургического комбината, но и других предприятий и организаций города и страны. Среди них были и есть губернаторы, директора крупнейших предприятий, депутаты всех уровней, в том числе Государственной Думы, кандидаты и доктора наук.

Полагаю, что монографии по истории МГТУ позволяют выявить типичные черты и закономерности, присущие и другим высшим учебным заведениям страны, тем более что автор анализирует документы Совета Министров СССР, ЦК КПСС, Министерств высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР и других вышестоящих органов. Из них можно узнать тренды того времени, с конкретными сведениями о деятельности других вузов и образования в целом. Подробное описание событий в отдельном, по тем временам среднем институте — это возможность проследить ситуацию с высшим образованием в целом в СССР, и в то же время найти специфические, уникальные черты, характерные для определенного вуза.

Объектом исследования становится и научная элитная группа: профессора и доктора наук, доценты и кандидаты

наук университета. Персоналии, раскрывающие жизненный и трудовой путь работников вуза, это важный элемент исторического исследования В.В. Филатова. Он участвовал в публикации издания биографий профессоров и докторов наук университета [8]. Персоналии нескольких сотен ученых университета за время его существования, включая не только профессоров, но и кандидатов наук обогащают материалы монографий. Важно, что развитие вуза измеряется не только статистикой показателей, но и подвижнической деятельностью отдельных личностей. По ходу повествования автор стремится найти документы по отдельным студентам, сотрудникам, характеризующих их как пример для подражания нынешнему поколению.

Обширный источниковый материал, как правило, впервые вводимый в научный оборот, помогает выявить основные направления развития университета. Особую ценность представляют многочисленные источники, исчисляемые сотнями дел архивного фонда университета, разделенного на четыре описи. Две из них находятся в самом вузе, а другие — в городском архиве. Кроме того, В.В. Филатов обращается к документам текущего архива МГТУ, а также к фондам Магнитогорского городского совета депутатов, Магнитогорского металлургического комбината. В документах сессий горсовета, горисполкома он находит источники, связанные не только напрямую с деятельностью вуза, но и с решением городских проблем, особенно социально-бытовых, так или иначе влияющих на коллектив института. Архив ММК представляет интерес как возможность проанализировать сотрудничество института и металлургического гиганта в вопросах научно-исследовательской работы и подготовки кадров.

Автор не ограничивается лишь годовыми отчетами института, которые наполнены значительными, представляющие научный интерес материалами, но дополнительно обращается к годовым отчетам по научно-исследовательской работе, бухгалтерским отчетам, отчетам по кадровому составу, отчетам отдела аспирантуры, приказам ректора, протоколам деканских совещаний, протоколам заседаний кафедр и др. Особое внимание уделяется протоколам ученого совета, на заседаниях которого рассматривались наиболее значимые вопросы деятельности вуза. В протоколах заседаний совета имеются откровенные выступления участников обсуждения, доклады, ответы на вопросы докладчиков, решения совета. Это позволяет передать критический настрой обсуждения отдельных вопросов с положительными и отрицательными моментами.

В делах с документами Министерств высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР можно найти реакцию руководства института на приказы, письма, инструкции и другую информацию, поступающую из вышестоящих органов, проследить стиль и методы управления высшими учебными заведениями. Научный интерес представляет и переписка администрации вуза с различными вышестоящими структурами.

В делах по личному составу имеется значимый материал по учебной и научной деятельности профессорско-преподавательского состава, который можно выявить из характеристик, обсуждения кандидатур при выдвижении на должность, посещения занятий, повышения квалификации, перечня научных трудов и т.п. Это, по нашему мнению, позволяет полнее раскрыть персоналии в монографиях.

Помимо архивных источников, автор обращается к публикациям периодической печати, в первую очередь к городской газете «Магнитогорский рабочий», материалам институтской многотиражной газеты «За кадры», созданной в 1956 году (с 1991 года «Денница»). Редакция вместе с большим корреспондентским активом оперативно реагирует

вала на актуальные проблемы института (университета). Выступления руководителей, сотрудников и студентов в газете помогают понять дела и дух того времени, смысл преобразований, способствовавших развитию вуза.

В монографиях использованы воспоминания очевидцев того времени. В. В. Филатов опирается как на ранее опубликованный материал, в организации сбора которого принимал активное участие [1], так и на новые воспоминания. Считаю, что такой подход расширяет знания о прошлом вуза через призму оценок современников. В ходе исследования применялись и другие источники: энциклопедии, справочники и иные издания. Комплекс разнообразных источников позволил решить поставленную исследовательскую задачу по изучению истории университета. При анализе источников ему приходилось учитывать особенности советского периода, связанные с деятельностью коммунистической партии.

В своей первой монографии по истории МГТУ в 1930-е годы В.В. Филатов анализирует формирование втуза от филиалов свердловских институтов, действовавших в городе с 1930 по 1934 годы, до становления МГМИ [20]. Один из филиалов возглавил экономист металлургического комбината Е.Д. Киселев, который впоследствии стал дипломатом и занимал должность Заместителя Генерального секретаря ООН. И первым преподавателям, и первым студентам непросто было проходить обучение в неприспособленных аудиториях и лабораториях. После тяжелой смены рабочие садились за парты, и постигали азы технических знаний. Первоначально студенты обучались по вечерней форме, а затем появилась группа прокатчиков дневного обучения. В 1934 году институт получает статус самостоятельного высшего технического учебного заведения Наркомата тяжелой промышленности. Немногочисленный преподавательский состав собственными силами создавал минимальные условия для проведения занятий. Постепенно в институт стали прибывать преподаватели с учеными степенями. Создавались первые кафедры и факультеты. Проходила становление научно-исследовательская работа.

Слабую подготовку абитуриентов пытались компенсировать за счет рабфака. Однако во вновь созданном институте был высоким отсев студентов, низкая успеваемость. Бытовые условия как студентов, так и преподавателей находились на неудовлетворительном уровне. Но настрой коллектива института был на сохранении первого технического вуза в городе. Поступали предложения из центра о ликвидации МГМИ, но руководство металлургического завода было заинтересовано в подготовке инженеров практически на производственной площадке, и добилось того, что институт остался. Не обошли стороной новый институт и репрессии 1937–1938 годов. Директор института А.М. Упенек и два преподавателя были расстреляны, около 40 студентов-вечерников, работников ММК, также оказались в числе репрессированных. Первый выпуск 1937 года составил 25 человек, которые в дальнейшем занимали ответственные должности на производстве и в других организациях.

Во второй монографии, посвященной 1940-м годам [21], В.В. Филатов исследовал изменения в институте, вызванные Отечественной войной. Часть преподавательского состава и студентов призвали в Красную армию. Не все они остались в живых. К институту присоединили эвакуированный Днепропетровский металлургический институт. В МГМИ прибывали и преподаватели из других городов страны. В институте обучались студенты Казанского финансово-экономического института и Воронежского университета. В годы войны приходилось менять учебные программы в связи с сокращением сроков обучения. В некоторые годы имел место

большой отсев студентов. Это как правило касалось тех, кто был зачислен без экзаменов в 1943–1944 учебном году. Серьезное ухудшение успеваемости происходило на младших курсах. Причиной этому была недостаточная школьная подготовка, что делало для студентов сложным процесс адаптации к требованиям высшей школы.

В.В. Филатов проанализировал деятельность профессорско-преподавательского состава МГМИ в военные годы. Вместе с эвакуированными преподавателями научные работники института активно включились в научно-исследовательскую работу на ММК. Проводились успешные исследования по военной тематике совместно со специалистами комбината. Ряд ученых МГМИ вошли в так называемое броневое бюро ММК по производству броневой стали и ее прокатки на блюминге. Преподавательский состав участвовал в разработке и внедрению новых технологических процессов, предлагал решение актуальных задач по рационализации производства. Многие из ученых были удостоены государственных наград. В 1941 году Магнитогорский горком партии создал Комитет ученых помощи фронту. Здесь также пригодились знания и творчество преподавателей института. В 1946 году из Министерства черной металлургии СССР МГМИ переходит в подчинение Министерству высшего образования СССР, и становится вместо втуза вузом.

В трех книгах по истории МГМИ в 1950-е годы [22; 23; 24] автор тщательно изучил все сферы деятельности института. В эти годы происходили структурные изменения. Именно тогда произошло открытие вечернего (1952 год) и заочного факультетов (1956 год). Увеличению контингента способствовала организация Белорецкого вечернего отделения (1957 год). Многие преобразования, проводившиеся в МГМИ, были связаны с инициативами ректора Н.Е. Скороходова (1956–1968 годы).

Как верно отмечает В. В. Филатов, рост численности студентов позволял поднять статус института, но одновременно вставала проблема обеспечения вуза высококвалифицированными педагогическими кадрами. Выпускники аспирантур, направляемые Минвузом, долго не задерживались в институте, поскольку не всегда получали нормальные условия для проживания. Собственная аспирантура, открытая в эти годы, не могла обеспечить должный уровень подготовки кадров. Поэтому динамика острепенности ППС отставала от средних показателей по Министерству.

На состоянии института сказывались и не всегда правильные решения вышестоящих органов. С таким трудом, созданный в 1942 году строительный факультет закрыли в 1951 году, а затем вновь открыли в 1954 году. Выход в 1958 году закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» привел к трансформации учебного процесса. Приходилось переделывать учебные планы и программы, договариваться с предприятиями о рабочих местах для студентов младших курсов.

Производство нуждалось в научных разработках. Здесь свой вклад внесли научные работники МГМИ. Руководство ММК во главе с Ф.Д. Вороновым, который был одновременно и профессором института, много сделало для создания совместных объединенных исследовательских групп. Именно такой союз МГМИ и ММК, науки и производства стал важным прогрессивным элементом их взаимоотношений.

Администрация МГМИ стремилась самостоятельно решать финансово-хозяйственные вопросы. Это происходило в условиях недостаточного финансирования высшей школы, а жизнь требовала постоянно пополнять учебные лаборатории и мастерские современным оборудованием. Ведь без них не было возможности успешно вести научные исследования в профильных для вуза областях металлургиче-

ского, горного и строительного производства. ММК с разрешения вышестоящих органов помогал институту в этом деле на безвозмездной основе.

Старое здание института рядом с участком горного управления во время взрывных работ пришло в негодность. Срочно требовалось строительство нового учебного корпуса на правом берегу. В предыдущие годы перед вышестоящими органами постоянно ставился вопрос о строительстве здания. В конце 1940-х гг. был подготовлен шикарный проект, но средств не хватало. В 1950-е гг. началась борьба с излишествами. Проект пришлось сделать типовым, и в 1956 г. начались строительные работы.

Не менее важно было обеспечить профессорско-преподавательский состав жильем. От этого зависело будущее горно-металлургического института. Чтобы сохранить преподавательские кадры, требовалось создать для них нормальные условия проживания. Руководство института делало все для улучшения бытовых условий преподавателей и студентов. Сначала пришлось довольствоваться помещениями барачного типа на левом берегу Урала. Потом стали получать вторичное жилье и места в общежитиях на правом берегу. Это снижало напряженность в деле обеспечения достойными условиями для проживания студентов. В 1958 г. в институте был построен спортивно-оздоровительный загородный лагерь «Юность», что позволило значительно улучшить отдых как студентов, так и преподавателей.

Важная для того времени общественно-политическая жизнь в стенах института столкнулась с невиданным ранее давлением вышестоящих партийных органов на обществоведов в 1952 году. Объектом особого внимания стала кафедра основ марксизма-ленинизма. По данным автора исследования, неоднократные проверки областных и городских партийных структур выявляли недочеты в преподавании общественных дисциплин и организации идеологической работы в институте.

В четырех монографиях по истории МГМИ в 1960-е годы В.В. Филатов показал как руководство МГМИ, весь коллектив проявлял стремление выйти в передовые вузы республики, или, по крайней мере, среди родственных учебных заведений [25; 26; 27; 28]. В этих целях проводились постоянные реорганизации структурных подразделений института ради получения большей отдачи от сотрудников. Введение в строй в 1961 году нового главного учебного корпуса в центре города позволило значительно увеличить контингент студентов, привлечь к работе высококвалифицированных преподавателей. В эти годы появляются новые кафедры и факультеты, способствовавшие повышению не только престижа института, но и положительно влиявшие на организацию учебного процесса, научно-исследовательской деятельности. Увеличивается численность докторов и кандидатов наук.

Руководству МГМИ приходилось направлять деятельность всего коллектива на разработку новых учебных программ, корректировать прежние курсы, чтобы приблизить обучение к нуждам производства в соответствии с законом 1958 г. Анализ, проведенный В.В. Филатовым, показал, что при всех положительных моментах тесного соединения учебной и производственной деятельности возникало немало проблем в качестве образовательного процесса. Не каждое предприятие, в том числе и ММК, могло создать нормальные условия для студентов младших курсов, и обеспечить рабочими местами, что позволяло им овладевать достаточными производственными навыками. Решение вышестоящих структур прекратило данный эксперимент в высших технических учебных заведениях.

Образовательный процесс во многом был тесно связан с научно-исследовательской деятельностью. Ученые

МГМИ активно сотрудничали с металлургическими, строительными и другими предприятиями как города, так и страны. Они участвовали в реконструкции ММК, предлагали новые решения и разработки. Исследования научных работников и разработки производителей обеспечивали высокий имидж комбината. Кроме того, они помогали росту производительности труда, улучшали и качество продукции не только на комбинате, но и на предприятиях-смежниках. Все эти факторы, такие как работа объединенных научно-исследовательских групп, подписание договоров о творческом содружестве, внедрение изобретений и рацпредложений как элементов научной деятельности приводили к укреплению связи науки и производства.

Из года в год росли объемы выполненных научных работ учеными МГМИ. Результаты многих работ составляли основу диссертационных исследований, научных публикаций, изобретений. В научной деятельности не удалось избежать ряда упущений, как и в других вузах: наличия многочисленных мелких тем, порой невыполнения намеченных сроков, несвоевременного внедрения разработок в производство. В монографиях проведен анализ решения и этих проблем.

Завершение строительства нового учебного корпуса позволило существенно улучшить условия труда и быта персонала института, студентов. Ряд преподавателей получил хорошие квартиры в близлежащих домах. В кратчайшие сроки были возведены общежития для студентов. Созданная в те годы система студенческого самоуправления и самообслуживания, помогала более успешно решать вопросы сохранности имущества, улучшать качество предоставляемых услуг. Студенты самостоятельно следили за порядком в общежитиях, боролись за чистоту в комнатах и в аудиториях института. Улучшению питания студентов способствовали вновь открывшиеся столовая, буфеты. За здоровьем студентов следили врачи собственного здравпункта. Ежегодные медицинские осмотры позволяли выявлять тех, кто нуждался в лечебной помощи. В институте действовал загородный спортивно-оздоровительный лагерь. Однако и в социально-бытовой сфере возникали проблемы, которые приходилось решать ректорату.

В повседневности тех лет особое место занимала общественно-политическая составляющая. С позиций сегодняшнего дня можно критически оценивать происходившее, но автор дает возможность самим читателям определить свое отношение к подобному роду деятельности. Идеологическая работа в вузе в первую очередь возлагалась на обществоведческие кафедры, партийные и комсомольские организации. Программа строительства коммунистического общества во многом направлялась на формирование марксистско-ленинского мировоззрения, воспитание активной гражданской позиции в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии и морали, пережитками прошлого.

Система политического просвещения не ограничивалась учебными занятиями кафедр марксизма-ленинизма (истории КПСС и научного коммунизма) и политической экономии. Преподавательский состав этих кафедр должен был готовить пропагандистов и агитаторов не только в вузе, но и в городе. Обществоведы работали в вечернем университете марксизма-ленинизма при горкоме КПСС, на семинарах идеологического актива. Вместе с партийными структурами они организовывали подготовку лекторов общества «Знание», контролировали качество лекций, вовлекали студентов в лекционную деятельность. Ни один преподаватель в институте не должен был оставаться без общественного поручения. Партийные и комсомольские организации постоянно контролировали их выполнение.

Организованный досуг в основном складывался из культурно-массовой и спортивно-массовой работы. Вполне объяснимо, что не каждый студент мог хорошо петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах, выступать с пантомимами, но участие студентов в мероприятиях художественной самодеятельности и приглашение профессиональных артистов в определенной степени формировали художественный вкус, познакомили с шедеврами мировой культуры.

Спортивные достижения студентов института отмечались наградами разного достоинства. Как никогда возросло количество чемпионов по акробатике, занимавших призовые места во всесоюзных и международных соревнованиях. Ни одно состязание в городе и за его пределами не обходилось без студентов института, добивавшихся высоких достижений. В те годы большое внимание уделялось и массовости спорта. Руководители института проявляли особый интерес к увеличению значимости ГТО, помогали кафедре физвоспитания. Постепенно решались проблемы по улучшению материальной базы студенческого спорта, развитию туризма.

Следует заметить, что автор сопровождает монографии фотографиями тех лет, обширными приложениями, справочным аппаратом. Помимо данных монографий, дополняют историю университета и другие монографии, а также около 50 научных статей В.В. Филатова в журналах, сборниках научных конференций и других изданиях.

ВЫВОДЫ

Возможен дискуссионный вопрос: нужны ли подобные издания в исторической науке. На наш взгляд, не следует с ходу отвергать подобного рода многотомные исследования,

поскольку немалый труд по анализу источников позволяет увидеть на примере одного вуза историю всей системы высшего образования в стране. Эти монографии имеют большую практическую ценность и научную новизну не только для исторической науки, но и оказывают воспитательное и патристическое воздействие на молодежь.

Опираясь на богатый опыт производственной, комсомольской и партийной работы, преподавания в вузе в должностях от старшего преподавателя до профессора, заведующего кафедрой и декана, выпускник Уральского государственного университета В.В. Филатов успешно решает и другие научно-исследовательские задачи. К слову сказать, автор не ограничивается только исследованием истории МГТУ. Он защитил кандидатскую и докторскую диссертации по истории сельского хозяйства Урала в конце 1920-х–начале 1940-х годов. На его счету по данной проблематике 13 монографий, большая часть из которых публикуется под наименованием «Уральское село, 1927–1941 гг.». Каждая из книг данной серии посвящена проблемам динамики и темпам развития животноводства и земледелия, продуктовым и денежным повинностям, состоянию преступности, функционированию правоохранительной системы, раскрестьяниванию, ссылке раскулаченных, финансированию и кредитованию, управлению колхозами и колхозному самоуправлению. Им также опубликовано по истории уральского села свыше ста статей, в том числе в журналах «Вопросы истории», «Социологические исследования», «История государства и права», «Вестник архивиста» и др.

В.В. Филатов не собирается останавливаться на достигнутом. В настоящее время он готовит новые монографии по истории вуза в 1970-е годы. Надеюсь, что задуманный проект будет реализован.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях / сост. Филатов В.В. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2014. 249 с.
2. Комлев П.А. Интеллектуальный потенциал в системе высшего образования на Урале (1976–1985 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск. 2020. 263 с.
3. Летопись Московского университета: [в 3 т.] / [авт.-сост. Ильченко Е.В.]. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. т. 1: 1755–1952. 2004. 622 с.
4. Летопись Московского университета: [в 3 т.] / [авт.-сост. Ильченко Е.В.]. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. т. 2: 1953–1984. 491 с.
5. Летопись Московского университета: [в 3 т.] / [авт.-сост. Ильченко Е.В.]. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. т. 3: 1985–2004. 492 с.
6. МаГУ вчера и сегодня: исторический очерк / Магнитог. гос. ун-т; сост. Т.В. Кружилина; под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2002. 299 с.
7. Молчанова Т. В. Быт ленинградского студенчества в условиях реформирования высшей школы в 1950–1960-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2018. 228 с.
8. Научная элита Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова: биографии докторов наук и профессоров / под ред. Филатова В.В., Ивкиной Т.В. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2014. 241 с.
9. Панченко А. А. Советское государство и вузовская интеллигенция в 1929–1985 гг. (на примере Горьковского государственного педагогического института иностранных языков): дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2020. 367 с.
10. Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: библиографический словарь / [сост. Г.А. Тишкин]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 739 с.
11. Профессора Челябинского государственного педагогического университета: сборник статей / Сост.: В.Г. Швеммер, Н.А. Вахрушева, Л.М. Бочкова. Челябинск: Издательство ЧГПУ, 2004. 243 с.
12. Санкт-Петербургский государственный университет, 275 лет: Летопись, 1724–1999 / [Гл. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 421 с.

REFERENCES:

1. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University in memoirs / comp. Filatov V.V. Magnitogorsk: Publishing House Nosov Magnitogorsk state technical University, 2014. 249 p.
2. Komlev P. A. Intellectual potential in the higher education system in the Urals (1976–1985): diss. ... candidate of Historical Sciences. Chelyabinsk. 2020. 263 p.
3. The Chronicle of Moscow University: [in 3 vols.] / [auth.- comp. Ilchenko E.V.]. M.: Publishing House of Moscow State University, 2004. Vol. 1: 1755–1952. 2004. 622 p.
4. The Chronicle of Moscow University: [in 3 vols.] / [auth.- comp. Ilchenko E.V.]. M.: Publishing House of Moscow State University, 2004. Vol. 2: 1953–1984. 491 p.
5. The Chronicle of Moscow University: [in 3 vols.] / [auth.- comp. Ilchenko E.V.]. M.: Publishing House of Moscow State University, 2004. Vol. 3: 1985–2004. 492 p.
6. MaGU yesterday and today: a historical essay / Magnitogorsk State University; comp. T.V. Kruzhilina; edited by S.G. Shulezhkova. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University Publishing House, 2002. 299 p.
7. Molchanova T. V. The life of Leningrad students in the conditions of higher school reform in the 1950s and 1960s: diss. ... Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg, 2018. 228 p.
8. Scientific elite of Nosov Magnitogorsk state technical University: biographies of doctors of sciences and professors. / ed. Filatov V.V., Ivkina T.V. Magnitogorsk: Publishing House Nosov Magnitogorsk state technical University, 2014. 241 p.
9. Panchenko A. A. The Soviet state and the university intelligentsia in 1929–1985. (on the example of the Gorky State Pedagogical Institute of Foreign Languages): diss. ... Candidate of Historical Sciences. Nizhny Novgorod, 2020. 367 p.
10. Professors of St. Petersburg State University: bibliographic dictionary / [comp. G.A. Tishkin]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2004. 739 p.
11. Professors of Chelyabinsk State Pedagogical University: collection of articles / Comp.: V.G. Schwemmer, N.A. Vakhrusheva, L.M. Bochkova. Chelyabinsk: ChSPU Publishing House, 2004. 243 p.

13. Толстиков В. С. Челябинский государственный институт культуры. 50 лет. Страницы истории: монография. Челябинск: ЧГИК, 2018. 212 с.
14. Тулинский С. В. Ученые Южно-Уральского государственного университета: монография. Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 1998. 297 с.
15. УГТУ–УПИ: очерки истории. 1920–2005: сборник статей / под ред. чл.-корр. РАН С.С. Набойченко. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2005. 608 с.
16. УГТУ–УПИ: профессора 1920–2008 / под ред. чл.-корр. РАН С.С. Набойченко. Екатеринбург: Издательство «Форт Диалог — Исеть», 2007. 632 с.
17. Уральский государственный университет / [Отв. ред. М. Е. Главатский]. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. 159 с.
18. Уральский государственный университет в биографиях [авт. биогр. ст.: Т.Я. Андреева и др.]; сост. В.А. Мазур; 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. 613 с.
19. Филатов В. В. «Отечества пользы для...»: К 75-летию Урал. горн. ин-та (1917–1992). Екатеринбург: Изд-во Урал. горн. ин-та, 1992. 407 с.
20. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1930-е годы: монография. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2015. 261 с.
21. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1940-е годы: монография. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2015. 394 с.
22. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1950-е годы: монография. В 3 кн. Кн. 1. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. 285 с.
23. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1950-е годы: монография. В 3 кн. Кн. 2. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. 279 с.
24. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1950-е годы: монография. В 3 кн. Кн. 3. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2017. 272 с.
25. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы: монография. В 4 кн. Кн. 1. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2019. 352 с.
26. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы: монография. В 4 кн. Кн. 2. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. 268 с.
27. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы: монография. В 4 кн. Кн. 3. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. 383 с.
28. Филатов В. В. История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы: монография. В 4 кн. Кн. 4. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2021. 250 с.
29. Чернова М. Н. История Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина, 1933–1960 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М.: 2003. 333 с.
30. Южно-Уральский государственный университет (Золотые страницы). Третье издание: монография. Екатеринбург: Издательство «Реал-Медиа», 2013. 476 с.
31. St. Petersburg State University, 275 years: Chronicle, 1724–1999 / [G.L. Sobolev, I.L. Tikhonov, G.A. Tishkin]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999. 421 p.
32. Tolstikov V. S. Chelyabinsk State Institute of Culture. 50 years old. Pages of history: monograph. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture, 2018. 212 p.
33. Tulinsky S. V. Scientists of the South Ural State University: monograph. Chelyabinsk: South Ural State University Publishing House, 1998. 297 p.
34. UGTU–UPI: essays on history. 1920–2005: collection of articles / edited by chl.-corr. RAS S.S. Naboichenko. Yekaterinburg: Publishing House of AMB, 2005. 608 p.
35. USTU–UPI: professorship 1920–2008 / ed. chl.-corr. RAS S.S. Naboichenko. Yekaterinburg: Fort Dialog — Iset Publishing House, 2007. 632 p.
36. Ural State University / [Ed. by M. E. Glavatsky]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. publishing house, 1980. 159 p.
37. Ural State University in biographies [auth. biogr. art.: T.Ya. Andreeva et al.]; comp. V.A. Mazur; 3rd ed., ispr. and add. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2010. 613 p.
38. Filatov V. V. «Fatherland benefits for ...»: To the 75th anniversary of the Ural Mining Institute (1917–1992). Yekaterinburg: Publishing house Ural Mining Institute, 1992. 407 p.
39. Filatov V. V. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1930s: monograph. Magnitogorsk: Publishing house Nosov Magnitogorsk state technical University, 2015. 261 p.
40. Filatov V. V. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1940s: monograph. Magnitogorsk: Publishing house Nosov Magnitogorsk state technical University, 2015. 394 p.
41. Filatov V. V. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1950s: monograph. In 3 books. Book 1. Magnitogorsk: Publishing house Nosov Magnitogorsk state technical University, 2016. 285 p.
42. Filatov V. V. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1950s: monograph. In 3 books. Book 2. Magnitogorsk: Publishing house Nosov Magnitogorsk state technical University, 2016. 279 p.
43. Filatov V. V. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1950s: monograph. In 3 books. Book 3. Magnitogorsk: Publishing house Nosov Magnitogorsk state technical University, 2017. 272 p.
44. Filatov V. V. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1960s: monograph. In 4 books. Book 1. Magnitogorsk: Publishing house Nosov Magnitogorsk state technical University, 2019. 352 p.
45. Filatov V. V. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1960s: monograph. In 4 books. Book 2. Magnitogorsk: Publishing house Nosov Magnitogorsk state technical University, 2020. 268 p.
46. Filatov V. V. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1960s: monograph. In 4 books. Book 3. Magnitogorsk: Publishing house Nosov Magnitogorsk state technical University, 2020. 383 p.
47. Filatov V. V. History of the Nosov Magnitogorsk State Technical University: 1960s: monograph. In 4 books. Book 4. Magnitogorsk: Publishing house Nosov Magnitogorsk state technical University, 2021. 250 p.
48. Chernova M. N. History of the Moscow City Pedagogical Institute named after V.P. Potemkin, 1933–1960: diss. ... Candidate of Historical Sciences. M.: 2003. 333 p.
49. South Ural State University (Golden Pages). Third edition: monograph. Yekaterinburg: Publishing house «Real-Media», 2013. 476 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат».

Статья поступила в редакцию 08.02.2022, принята к публикации 28.02.2022

The article was received on 08.02.2022, accepted for publication 28.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Российская Федерация, Автор ID 5942-3942, e-mail: vvzap@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vasily V. Zapariy, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, Autor ID 5942-3942, e-mail: vvzap@mail.ru

5.6.5. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES,
AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Историческое образование в России на переломе эпох (на материалах Уральского государственного университета им. А.М. Горького)

©Владимир Дмитриевич Камынин

Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: kamyninv@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе использования источников личного происхождения рассматривается перемены, которые происходили на историческом факультете Уральского государственного университета им. А.М. Горького (УрГУ) в период «перестройки» и первые годы становления новой российской государственности. Показывается связь между политическими и экономическими процессами, происходившими в стране на рубеже 1980–1990-х гг., и проводимыми преобразованиями. Делается вывод о том, что эти два периода объединяет стремление руководства факультета адаптироваться к новым условиям, однако темпы и методы реформирования были различными. Характеризуются изменения, происходившие в организационной структуре, учебном процессе, кадровом составе, научной деятельности, повседневной жизни преподавателей. Предпринимается попытка взгляда на проводимые преобразования не только «сверху», но и «снизу» со стороны студентов и рядовых преподавателей. Показывается роль персоналий, внесших наибольший вклад в реформирование исторического факультета.

Ключевые слова: исторический факультет, реформы, «перестройка», повседневная жизнь, научная жизнь.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Камынин В. Д. Историческое образование в России на переломе эпох (на материалах Уральского государственного университета им. А.М. Горького) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 58-66.

Historical Education in Russia at the Turning Point of Epochs (Based on the Materials of the Gorky Ural State University)

©Vladimir D. Kamynin

Ural Federal University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin
e-mail: kamyninv@yandex.ru

Abstract. The article, based on the use of sources of personal origin, examines the changes that took place at the Historical Faculty of the Gorky Ural State University (USU) during the period of «perestroika» and the first years of the formation of the new Russian statehood. The connection between the political and economic processes that took place in the country at the turn of the 1980s–1990s and the ongoing transformations is shown. It is concluded that these two periods are united by the desire of the faculty leadership to adapt to new conditions, but the pace and methods of reform were different. The changes that took place in the organizational structure, educational process, personnel, scientific activity, and daily life of teachers are characterized. An attempt is being made to look at the ongoing transformations not only «from above», but also «from below» on the part of students and ordinary teachers. The role of the personalities who have made the greatest contribution to the reform of the Faculty of History is shown.

Key words: Faculty of History, reforms, «perestroika», everyday life, scientific life.

FOR CITATION: Kamynin V. D. Historical Education in Russia at the Turning Point of Epochs (Based on the Materials of the Gorky Ural State University) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 58-66. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

О жизни исторического факультета на рубеже 1980–1990 гг. к настоящему времени накоплено значительное количество источников личного происхождения, использование которых позволяет реконструировать особенности развития факультета в период перехода от советской эпохи к современной России. Опубликованы воспоминания главных действующих лиц того времени: проректора УрГУ Р.Г. Пихои (1988–1990) [24], деканов исторического факультета Ю.С. Кирьякова (1985–1990) [9], В.И. Михайленко (1990–1994) [20]. Хочется отметить книги «летописца» исторического факультета А.В. Черноухова, которые во многом построены на его личных воспоминаниях [38,39]. Большую помощь в реконструкции повседневной жизни факультета могут оказать воспоминания преподавателей и студентов факультета [1,5,17,28,40]. Автор данной статьи пережил вместе с факультетом все перипетии преобразований [10,12], в личном архиве автора сохранились некоторые документы того времени, которые используются в статье.

В конце 1980-х гг. исторический факультет УрГУ вступил в эпоху бурных преобразований, вызванных «перестройкой», концом советской эпохи и становлением новой российской государственности. Кардинальные перемены в жизни страны самым серьезным образом сказались на состоянии исторического образования.

Факультет во второй половине 1980-х гг. представлял собой сложную структуру, он состоял из трех отделений: «История», «Историко-архивоведение», «История КПСС». На историческом отделении студентов готовили кафедры всеобщей истории, новой и новейшей истории, истории СССР досоветского периода, истории советского общества, историографии и источниковедения истории СССР; на историко-архивном отделении — кафедра архивоведения; на историко-партийном отделении — кафедра истории КПСС (исторического факультета). На факультете существовали две лаборатории: археологическая и археографическая.

ВЛИЯНИЕ «ПЕРЕСТРОЙКИ» НА ЖИЗНЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Деканом истфака в 1985–1990 гг. был Ю.С. Кирьяков — очень авторитетный человек, имеющим признание не только в УрГУ, но и в городе и области, известный в стране в целом. В 1988–1996 гг. он являлся председателем Свердловского отделения Российского фонда культуры, был экспертом Комиссии по культуре Верховного Совета РСФСР. Это не мешало ему решать насущные вопросы по адаптации факультета к быстро меняющимся условиям.

В годы «перестройки» преподаватели истфака, активно поддерживая политические преобразования советского руководства, стали испытывать тяготы нарастающего социально-экономического кризиса.

В.И. Михайленко, будучи в то время секретарем партбюро факультета, вспоминает о том, как было заведено партийное дело на доцента исторического факультета по «пустяковому бытовому конфликту» [21, с. 136]. В воспоминаниях В.И. Михайленко, хранящихся в личном архиве автора статьи, раскрываются подробности этого «пустякового дела». Он вспоминает: «В секретари партбюро я пошел, прервав незаконченную докторантуру, поскольку над моим товарищем нависла смертельная по тем временам угроза. Он подрабатывал строительным рабочим. Чтобы оформиться на вторую работу, должен был взять справку в университете. Бригадир оформил фальшивые справки на всю бригаду. Но кто-то направил анонимку в райком партии. Секретарь райкома партии переадресо-

вал в прокуратуру. В те времена оправдательных приговоров не существовало, тем более, если запрос поступал из партийных органов. За фальсификацию документа доценту истфака грозило исключение из партии, возможная посадка, как минимум получение «волчьего» билета с практической невозможностью не только устроиться по специальности, но и вообще куда-либо устроиться. Друг всерьез думал наложить на себя руки. Руководство факультета и парткома уклонилось от поддержки коллеги. Совместными усилиями нового партбюро и коллектива истфака удалось отстоять коллегу. Шла перестройка и «железная хватка» партии ослабевала».

Вспоминается доклад В.И. Михайленко, сделанный на совещании трудового коллектива по поводу статьи в университетской многотиражке «Доцент на крыше», в которой осуждалось то, что доцент университета в свободное от работы время подрабатывает на строительстве дома.

Еще одним вызовом, с которым столкнулся Ю.С. Кирьяков в должности декана, было недовольство преподавателей и особенно студентов несоответствием уровня преподавания отдельных дисциплин изменившимся реалиям.

В.И. Михайленко вспоминает: «Перестройка резко политизировала коллектив факультета. До сих пор помню спор с доцентом кафедры истории КПСС, который заявлял: "Как? Подвергать сомнению партийные документы?"» [Там же, с. 136]. Студенты обращают внимание на перемены, которые происходили в преподавании истории. К. Брыляков пишет: «Перемены происходили и на самом факультете, в частности, в преподавании таких дисциплин как, отечественная история и история КПСС. Лекции по данным предметам зачастую переходили в формат дискуссии, а иногда превращались в дебаты на злободневные темы» [3, с. 174]. А.П. Килин добавляет: «Была масса других острых моментов, в том числе и в отношении учебных программ, в частности, требование убрать курс "Научный коммунизм"» [14, с. 152].

Ю.С. Кирьяков отмечал: «Уральский университет второй половины 1980-х гг. оказался в центре бурных политических событий эпохи, буквально взорвавших политическую жизнь страны, в том числе и нашего города. Университет традиционно отличался, говоря языком того времени, "высокой политической активностью"» [15, с. 240]. Он привел пример такой активности: «В конце сентября 1987 г. группа активистов ВООПИКа, студентов и преподавателей гуманитарных факультетов УрГУ и "афганцев" встали на защиту памятника истории и культуры — дома Грум-Гржимайло в центре города (Красноармейская, 18) — и отстояли его от сноса, преградив дорогу бульдозерам» [Там же, с. 246].

Свидетели событий отмечают, что особенно бурные процессы происходили в студенческой среде.

По словам А.П. Килина, «студенты нашего курса проявляли большую политическую активность, которая в то время была направлена не столько на свержение существующего строя, сколько на его совершенствование и большую открытость» [14, с. 151]. В.И. Михайленко пишет: «Просматривалось стремление некоторых преподавателей, замысливших новую политическую карьеру, использовать студенческую массу в собственных целях» [21, с. 137].

Ю.С. Кирьяков вспоминал, как ему пришлось спасать студентов, которых забирали милиция за nepoзвoлитeльную, по ее мнению, трактовку «гласности» [15, с. 247]. А.П. Килин раскрывает суть происходившего во время демонстрации 1 мая 1987 г.: «В ходе подготовки к демонстрации студенты факультета самостоятельно изготовили несколько транспарантов. Призывы не были взяты из передовицы газеты "Правда", а придуманы самостоятельно. Один из этих лозунгов гласил: "Долой карьеристов из партии и комсомола"» [14, с. 151].

А.В. Черноухов обращает внимание на то, что именно во второй половине 1980-х гг. на истфаке начали происходить серьезные изменения в структуре факультета, которые растянулись почти на десятилетие [38, с. 26]. Причины реорганизации были разные.

В связи с изменениями, происходившими в стране в годы «перестройки», кафедра истории КПСС истфака в сентябре 1989 г. была переименована в кафедру социально-политической истории XX в. Был поставлен вопрос о ликвидации на истфаке специальности «История КПСС». Ю.С. Кирьяков вспоминал, что перед деканом стала задача выпустить студентов этого отделения. Он настоял на том, чтобы в дипломе выпускников было записано: «Окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького по специальности "история политических партий", квалификация — "историк, политолог"» [15, с. 240–241].

На историческом факультете к середине 1980-х гг. остро ощущалась нехватка высококвалифицированных преподавателей, докторов наук. Мы уже писали о том, что на рубеже 1960–1970-х гг. на факультете прошла первая крупная волна «остепененности», в результате которой начали работать 8 докторов исторических наук, что сделало исторический факультет одним из самых высококвалифицированных гуманитарных факультетов в УрГУ [13, с. 87]. К середине 1980-х гг. часть докторов наук ушла из жизни, часть уехала в другие города. К «старшему» поколению, которое защитило докторские диссертации в конце 1960-х–начале 1970-х гг., принадлежали О.А. Васковский и И.Н. Чепалов. В 1981 г. к ним добавилась М.А. Поляковская.

Укрепление кадрового потенциала истфака шло разными путями.

Во второй половине 1980-х гг. защитили докторские диссертации преподаватели факультета Р.Г. Пихоя и В.И. Михайленко. Поскольку в УрГУ имелся совет по защите диссертаций только по истории КПСС Р.Г. Пихоя в 1987 г. защитил диссертацию по отечественной истории в Новосибирске в Институте истории и филологии Сибирского отделения АН СССР, В.И. Михайленко — по историографии в 1988 г. в Киеве в Институте истории АН Украинской ССР.

В конце 1980-х–начале 1990-х гг. в Свердловске начало складываться сотрудничество между вузовской и академической наукой [12]. Этому способствовало создание в 1988 г. в Уральском отделении АН СССР Института истории и археологии.

Ю.С. Кирьяков вспоминал, что вскоре после образования Института истории и археологии его первый директор доктор исторических наук, профессор В.В. Алексеев был приглашен на работу в УрГУ по совместительству [15, с. 240]. В.В. Алексеев по этому поводу пишет: «... меня пригласил ректор университета Паригорий Евстафьевич Суетин и предложил возглавить кафедру истории» [1, с. 153]. Под нового заведующего приказом ректора от 26 мая 1988 г. с 1 сентября на факультете были объединены кафедра историографии и источниковедения истории СССР и кафедра истории советского общества в одну — кафедру истории и историографии советского общества. В.В. Алексеев значительно укрепил кадровый состав кафедры, привлекая в качестве совместителей научных сотрудников Института: кандидатов исторических наук Т.И. Славко (ставшую доктором наук в 1989 г.), Е.Т. Артемова, К.И. Зубкова, Е.В. Штубову.

Заметный вклад в реформирование структуры исторического факультета на рубеже 1980–1990 гг. внес Р.Г. Пихоя. В 1988 г. он был назначен проректором по учебной работе, а затем — первым проректором УрГУ. Покинул этот пост Р.Г. Пихоя 16 октября 1990 г., когда он был назначен начальником Главного архивного управления при Совмине РСФСР.

Усилиями Р.Г. Пихоя на истфаке была открыта лаборатория полевых археографических исследований. С 1974 г. под его руководством исторический факультет УрГУ начал регулярно проводить археографические экспедиции, была создана научная лаборатория археографических исследований; по его же инициативе в 1980 г. в УрГУ был создан музей редкой книги. В это время Свердловск наряду с Москвой, Ленинградом и Новосибирском стал четвертым крупнейшим в стране центром по изучению древнерусской книжно-рукописной традиции.

Р.Г. Пихоя вспоминает: «весной 1987 г. для открытия лаборатории полевых археографических исследований были собраны все мыслимые и немыслимые документы: от научных отчетов, решений Президиума УрО АН СССР, рекомендаций академика Д. С. Лихачева, Археографической комиссии — до хвалебных публикаций в Правде, Известиях...» [24, с. 26]. А.В. Черноухов пишет: «В 1988 г. коллектив археографов получил заказ-наряд Министерства образования РСФСР. Это финансирование позволило сформировать самостоятельный штат» [38, с. 127].

Р.Г. Пихоя вспоминает: «В 1990 г. уже по моему представлению (я был тогда первым проректором университета) ректорат создал Институт русской культуры, первый и единственный в системе университетов страны» [24, с. 27].

Преподаватели истфака так характеризуют деятельность Ю.С. Кирьякова на посту декана: «Во многом благодаря его внимательности и чуткости, объективности и ответственности коллектив в процессе обновления своей педагогической и научной работы сумел в основном сохранить то ценное, что было достигнуто в предыдущие годы» [36, с. 10]. По словам декана истфака 1990-х гг. Д.В. Бугрова, Ю.С. Кирьяков «не позволил истфаку впасть в крайность и свалиться с этого моста; не дал передрасться поколениям тогдашних отцов и внезапно повзрослевших детей, выставивших свой счет современности» [4, с. 140].

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«Перестройка» вызвала к жизни такое явление как альтернативные выборы. А.В. Черноухов пишет: «Важной вехой в истории факультета явились прошедшие в апреле 1990 г., вслед за философами и физиками, альтернативные выборы декана. За месяц до выборов три претендента — И.Ц. Цалковский, В.Г. Айрапетов, В.И. Михайленко — опубликовали свои программы. Состоялось расширенное заседание Ученого совета. Подавляющее большинство членов совета сделали выбор в пользу В.И. Михайленко — патриота факультета и высококлассного ученого» [38, с. 42].

Кроме отмеченных А.В. Черноуховым личных качеств нового декана преподавателей истфака привлекла сформулированная В.И. Михайленко программа радикальных преобразований на факультете. Она отвечала как чаяниям многих преподавателей, так и новым политическим и социально-экономическим реалиям, которые сложились в стране в годы «перестройки». Новый декан предлагал изменить структуру, методологию, методику и качество обучения, победить в нарастающей конкурентной борьбе. Необычно и привлекательно для советского преподавателя звучали поставленные им задачи: изменить систему финансирования, фонд заработной платы, квоты набора и размер студентов. При этом от факультета требовалось повысить качественный состав преподавательского коллектива, выйти на внешние связи [33].

Можно посчитать простым совпадением то, что деканство В.И. Михайленко пришлось на период бурного увеличения количества докторов наук на факультете. В 1990–1994 гг. докторами исторических наук стали А.Г. Чевтаев (1990), В.П. Степаненко (1990), В.Д. Камынин (1990), А.И. Борозняк (1991), В.А. Буханов (1991), А.И. Романчук (1991), В.А. Сметанин (1991), А.В. Черноухов (1993), В.П. Мотревич (1993), В.А. Кузьмин (1994).

Защиты докторских диссертаций проходили в рамках, сложившихся на истфаке в 1970–1980-е гг. научных школ. В рамках уральской школы византиноведения защитились В.П. Степаненко, А.И. Романчук, В.А. Сметанин. После защит диссертаций произошла трансформация некоторых школ. Научная школа И.Н. Чемпалова после защит диссертаций В.И. Михайленко, А.Г. Чевтаевым, А.И. Борозняком, В.А. Бухановым, В.А. Кузьминым превратилась в уральскую школу международных. Созданная О.А. Васильевым уральская научная школа по историографии революции и Гражданской войны, после защит диссертаций выпускниками истфака А.Т. Тертышного (1988), В.Д. Камынина (1990) и В.И. Усанова (1991) получила широкую известность под названием уральская историографическая школа.

Старейший преподаватель истфака Г.А. Кулагина на основе изучения биобиблиографического справочника «Историки Урала. XVIII–XX вв.» [7] провела анализ нескольких поколений преподавателя истфака, защитивших докторские диссертации. Она обратила внимание на некоторые особенности, связанные с защитами докторских диссертаций на рубеже 1980–1990-х гг. Она писала: «По сравнению с 1950–1960 годами, когда докторские диссертации были событием (итоном труда многих и многих лет), нынешний рост впечатляет и радует» [17, с. 29]. В качестве положительного момента Г.А. Кулагина выделила снижение возраста защищающихся. По ее словам, «кандидатами истории теперь становятся в 25–30 лет, а к 40 почти все — докторами» [Там же, с. 28]. Сравнив это поколение докторов наук с теми, кто защищал докторские диссертации во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг., она констатировала, что у последующего поколения докторов произошло резкое сокращение времени между защитами кандидатской и докторской диссертаций. По ее словам, «у людей нашего старшего поколения нет-нет, да и закрадется сомнение, не за счет ли снижения требовательности, за счет качества это происходит (не дай бог, как говорится, не за счет ли денег, когда все покупается и продается)» [Там же, с. 29].

По нашему мнению, повышение качественного состава преподавательского коллектива исторического факультета явилось результатом больших организационных усилий, которые были предприняты новым руководством.

Сильный толчок развитию исторического факультета дало создание в УрГУ совета по защите диссертаций по отечественной и всеобщей истории. Его первым председателем был Р.Г. Пихоя, а после его отъезда в Москву во главе совета стал В.И. Михайленко.

Создание совета стало возможным благодаря сотрудничеству между истфаком УрГУ и Институтом истории и археологии УрО РАН. Доктора наук из академического института вошли в состав совета по защите диссертаций по истории при УрГУ. В свою очередь историки УрГУ способствовали открытию в 1990 г. в Институте истории и археологии совета по защите диссертаций по отечественной истории и историографии. В его состав вошли преподаватели истфака О.А. Васильевский, В.И. Михайленко, М.Е. Главацкий. Автор этих строк стал первым доктором

наук, защитившим диссертацию в новом совете в декабре 1990 г., а с 1991 г. — членом этого совета.

В.И. Михайленко способствовал переходу на работу на факультет преподавателей из других вузов и научных подразделений.

На работу на исторический факультет стали переходить научные сотрудники Института истории и археологии, которые чувствовали себя некомфортно в академическом подразделении. Среди них были доктора наук Т.И. Славко и Н.А. Миненко. В 1991 г. на факультет Института истории и археологии вернулся В.П. Мотревич. В 1993 г. он защитил докторскую диссертацию. В 1993 г. после ликвидации общегосударственной кафедры истории КПСС на истфак перешел работать доктор исторических наук М.Е. Главацкий. Он стал работать на кафедре источниковедения.

Многие из приглашенных стали на истфаке докторами наук. В 1990 г. был принят на работу доцент Липецкого педагогического института А.И. Борозняк. В 1991 г. он защитил докторскую диссертацию.

Декан истфака пригласил вернуться на факультет В.А. Кузьмина, который в 1988–1993 гг. работал в Уральском социально-политическом институте. С 1993 г. он вновь стал работать в Уральском университете. В 1994 г. он защитил докторскую диссертацию.

Благодаря целенаправленной кадровой политике за этот период количество докторов наук, работающих на факультете, возросло с 4 до 23 человек.

В первой половине 1990-х гг. на историческом факультете началась новая реорганизация структуры факультета. Поскольку автор этих строк оказался не только свидетелем преобразований, но и испытал их на себе, попытаемся разобраться в том, были ли все эти преобразования проявлением «зуда реформаторства» нового декана, или носили объективный характер.

Одной из причин реорганизации структуры факультета, хотя и не единственной, было появление на историческом факультете большого количества докторов наук.

Выделить определенную логику преобразования структуры факультета позволяет изучение приказов ректора [2], которые готовились по представлению декана и Ученого совета факультета.

В.И. Михайленко начал свою деятельность в должности декана с того, что подготовил предложения по переименованию кафедр, приведению их названий к сложившимся реалиям. Эти предложения были реализованы приказом ректора от 29 июня 1990 г.

Кафедра истории СССР досоветского периода стала именоваться кафедрой истории России. Кафедра всеобщей истории, учитывая, что еще в 1974 г. из ее состава выделилась кафедра новой и новейшей истории, была переименована в кафедру истории древнего мира и средних веков.

В данном приказе ректора отражена завершающая стадия судьбы бывшей кафедры истории КПСС исторического факультета. Ее преобразованием начал заниматься еще Ю.С. Кирьяков. В.И. Михайленко остался в наследство кафедра социально-политической истории XX в. 29 июня 1990 г. она была переименована в кафедру истории политических партий и общественных движений, а 9 апреля 1991 г. она была ликвидирована. Представители упраздненной кафедры были переданы вновь образованной кафедре теории и истории исторической мысли. Одновременно было ликвидировано на факультете историко-партийное отделение.

Следующий приказ ректора, касающийся реорганизации структуры исторического факультета, был издан 9 апреля 1991 г.

Этим приказом на факультете были созданы новые кафедры и проведена реорганизация некоторых существовавших кафедр.

На историческом факультете была образована долгожданная кафедра археологии и этнографии. С 1960-х гг. на факультете действовала Уральская археологическая экспедиция, существовала археологическая лаборатория, проходила специализация студентов. Однако не было докторов наук по археологии. Защита докторской диссертации А.И. Романчук привела к образованию кафедры. 24 апреля 1993 г. кафедра разделилась на две — археологии; этнологии и специальных исторических дисциплин, которую возглавила Н.А. Миненко.

Приказом ректора была упразднена кафедра истории и историографии советского общества. Это привело к уходу с факультета ее заведующего — директора Института истории и археологии В.В. Алексеева.

Этот шаг В.И. Михайленко был спровоцирован противоречиями между заведующим кафедрой и руководством факультета. В.В. Алексеев пишет по этому поводу: «Совмещать работу в университете и организацию нового Института было нелегко, тем не менее пытался это делать, если бы не крайне негативное отношение декана исторического факультета В.И. Михайленко к сотрудничеству с академией». В.В. Алексеев заключает: «Пришлось покинуть кафедру, что нанесло непоправимый вред взаимодействию Института с университетом. Проиграл прежде всего факультет, выпускники которого потеряли прямой выход на академический Институт и уходили в другие сферы. Не выиграл и Институт, вынужденный искать сотрудников на стороне, что негативно сказалось на возрастном и квалификационном составе кадров» [1, с. 154].

По словам В.И. Михайленко, руководство исторического факультета в сотрудничестве с Институтым было озабочено двумя обстоятельствами.

Первое заключалось в том, что лучшие выпускники факультета, принятые в аспирантуру Института истории и археологии, не возвращались на работу в университет.

Второе обстоятельство состояло в неконтролируемом оттоке на работу в Институт преподавателей факультета и попытках перевести в Институт ряд лабораторий исторического факультета.

Амбиции руководителей подразделений привели к тому, что В.И. Михайленко покинул состав совета по защите диссертаций по историческим наукам при Институте истории и археологии, а В.В. Алексеев вышел из состава совета по защите диссертаций по историческим наукам при УрГУ.

Одновременно на факультете были созданы две новые кафедры истории советского общества (ее возглавила Т.И. Славко); теории и истории исторической мысли (заведующий — А.И. Борозняк). Представители упраздненной кафедры истории и историографии советского общества были перераспределены на вновь открытые. Новые кафедры существовали недолго.

В июне 1991 г. кафедра теории и истории исторической мысли стала называться кафедрой методологии истории. 1 ноября 1994 г. в связи с увольнением по собственному желанию А.И. Борозняка кафедра методологии истории была закрыта.

31 марта 1992 г. кафедра истории советского общества была переименована в кафедру новейшей истории России, но уже 17 декабря 1992 г. кафедра новейшей истории России была упразднена.

По нашему мнению, основной причиной «чехарды» с кафедрами на истфаке было то, что декан факультета, несмотря на обилие докторов наук, выросших на истфаке, заведование новыми кафедрами поручал «пришлым» преподавателям, не имевшим корней на Урале. А.И. Борозняк уволился по се-

мейным обстоятельствам и вернулся в Липецк. Т.И. Славко, перед тем как перешла на работу на истфак, имела опыт работы в Москве и Казани, а также в Институте истории и археологии УрО РАН и нигде долго не задерживалась.

При активном участии В. И. Михайленко произошло заметное развитие учебного и научного потенциала исторического факультета, были открыты три новые специальности — «Международные отношения», «Регионоведение», «Документоведение и документационное обеспечение управления».

А.В. Черноухов пишет, что перейдя на работу на истфак «Т.И. Славко 23 марта 1989 г. на Ученом совете факультета впервые озвучила возможность подготовки на факультете специалистов нового профиля — по документоведению и информационному обеспечению управления. Через год вопрос из дискуссионной формы перешел в практическую плоскость» [38, с. 27].

Действительно, предложение Т.И. Славко встретило сопротивление со стороны «чистых историков», которые опасались того, что истфак в погоне за «модными» специальностями утратит свою идентичность. Вызывала недоверие и личность Т.И. Славко, которая довольно часто меняла места работы.

Тем не менее, в 1992 г. на истфаке была открыта специальность «Документоведение и документоведческое обеспечение управления». Т.И. Славко, покинув кафедру новейшей истории России, возглавила кафедру источниковедения. Состав кафедры составили ее ученики, которых она забрала из академического института. А.В. Черноухов высоко оценивает создание на историко-архивном отделении второй кафедры. Он пишет: «Именно тандем двух специальностей кафедры позволил истфаку не только пережить, но и довольно комфортно функционировать в тяжелые 90-е гг.» [40, с. 25].

В декабре 1992 г. Ученый совет истфака принял решение о создании кафедры теории и истории международных отношений. Ее заведующим в 1993 г. стал В.И. Михайленко. На новую кафедру была переведена часть преподавателей кафедры новой и новейшей истории. Создание кафедры позволило В.И. Михайленко организовать и конституировать на истфаке отделение международных отношений.

В источниках личного происхождения можно найти сведения о повседневной жизни коллектива исторического факультета в первой половине 1990-х гг. постоянной реорганизации факультета.

Ю.А. Русина и Е.С. Янцевич проинтервьюировали 10 студентов исторического факультета УрГУ 1990-х гг., нынешних преподавателей истфака, и опубликовали любопытные данные о повседневной жизни студентов. Свидетели событий вспоминают о «трудной» и «сложной» экономической ситуации, задержках и невыплатах стипендий, что вынуждало студентов подрабатывать, занимаясь зачастую не требующей высокой квалификации деятельностью. Вспоминают о различных формах девиантного поведения, продаже в помещении университета пива и других слабоалкогольных напитков, распространении наркотиков, криминальной ситуации, случаях краж в учебных зданиях и даже рэкета стипендии у старост.

В отличие от студентов истфака, обучавшихся в годы «перестройки», поколение студентов первой половины 1990-х гг. заявляют о своей аполитичности. На вопрос авторов интервью: на что вы тратили заработанные деньги? студенты отвечают: на еду и книги. Большинство опрошенных отмечают интерес к чтению как главный в их студенческой жизни [28, с. 57–59].

О тяжелых материальных условиях вспоминают и преподаватели истфака тех лет: задержки (от 1-го до 3-х месяцев) в выплате зарплаты заставляли преподавателей искать подработку на стороне.

Камынин В. Д.

Руководство университета и факультета делало все возможное для того, чтобы облегчить материальное положение преподавателей. Внедрялось дистанционное обучение.

В. И. Михайленко разработал и внедрил эффективную систему привлечения внебюджетных средств на исторический факультет. Конечно, главным источником пополнения средств стало внедрение на факультете внебюджетной формы обучения студентов. Однако декан использовал и свои связи с зарубежными университетами, прежде всего из Италии [20]. А.В. Черноухов пишет: «Деканские полномочия В. И. Михайленко начал с обустройства внешнего вида факультета... Средства выделило общество советско-итальянской дружбы» [38, с. 42].

В. И. Михайленко активно подавал заявки в зарубежные фонды и часто выигрывал гранты, как на научные цели, так и на переподготовку преподавателей факультета за рубежом.

В 1993 г. благодаря его связям с Флорентийским университетом факультет выиграл программу ТЕМПУС с участием Флорентийского университета, университетов Аугсбурга и Саутгемптона. В этих университетах проходили переподготовку многие преподаватели факультета.

В личном архиве автора статьи сохранилась заявка, поданная деканом факультета в московское представительство фонда Конрада Аденауэра с целью поддержки преподавателей факультета во главе с В.П. Мотревичем, которые начали реализовывать программу по выяснению судеб германских военнопленных, находившихся в лагерях на Урале.

А.В. Черноухов пишет о деятельности отделения архивоведения по внедрению дистанционного обучения: «Нашли учебные базы, активно учили молодежь в провинции, давая ей достойную профессию и спасая от иных, менее благополучных жизненных сценариев, зарабатывали деньги» [40, с. 25].

Р.Г. Пихоя способствовал тому, что УрГУ попал в топ-4 вузов (наряду с Москвой, Санкт-Петербургом и Новосибирском), в которых были открыты специализированные учебно-научные центры (СУНЦ). СУНЦ УрГУ был создан в составе Уральского государственного университета имени А. М. Горького в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 17 апреля 1990 г. № 382 как федеральный центр образования одаренных старшеклассников.

В СУНЦе была открыта кафедра гуманитарного образования. Первым ее заведующим был В. И. Михайленко, однако дела на факультете не позволили ему уделять много внимания подготовке подрастающего поколения, и он передал в мае 1991 г. заведование кафедрой В.Д. Камынину.

В первой половине 1990-х гг. между истфаком и кафедрой гуманитарного образования СУНЦ сложились очень тесные отношения. Был подписан договор о сотрудничестве, согласно которому в СУНЦе был открыт класс с углубленным изучением истории. Выпускники этого класса получили право поступать на истфак по итогам выпускных экзаменов. Историю в классе вели преподаватели факультета. Таким образом решались две важные задачи. Факультет получал сильных абитуриентов. Многие преподаватели факультета получили возможность устроиться на работу в СУНЦ по совместительству и зарабатывать деньги.

Сходные цели преследовало создание в 1994 г. В.И. Михайленко Итальянского высшего колледжа «Леонардо» как структурного подразделения Уральского государственного университета.

Пока не отразилась в воспоминаниях преподавателей истфака проблема повседневной жизни в условиях перманентной реорганизации кафедр и их адаптации к этим условиям.

Автор этих строк попал в мясорубку реорганизации кафедр. В моей трудовой книжке записано, что в первой половине 1990-х гг. я проделал следующий трудовой путь: с ка-

федры историографии и источниковедения истории СССР, на которой я работал с 1975 г., в 1988 г. я был переведен на кафедру истории и историографии советского общества, в 1991 г. — на кафедру истории СССР советского общества, в 1992 г. — на кафедру методологии истории, в 1994 г. — на кафедру теории и истории международных отношений. С точки зрения обывателя, изучившего мою трудовую книжку: я — доктор наук, профессор — «летун», неуживчивый человек, который не может удержаться на одном месте. Трудно представить, что согласия о переходе на ту или иную кафедру, у преподавателя никто не спрашивал.

За этот короткий период времени мне пришлось работать с пятью заведующими кафедрами. О.А. Васьковский, который заведовал кафедрой историографии и источниковедения истории СССР, готовил меня себе на смену. Он даже предложил руководству истфака внести меня в резерв на заведение кафедрой. Однако это предложение было отклонено секретарем партбюро факультета М.Г. Черновой по причине того, что я не был членом партии.

Следующие три заведующих кафедрами, с которыми мне пришлось работать, были временщиками, для которых работа на истфаке, по разным причинам, была случайным делом.

У меня сложились прекрасные отношения с директором Института истории и археологии В.В. Алексеевым. В своих воспоминаниях он пишет: «На кафедре работали люди разной квалификации. Выделялись профессор Олег Андреевич Васьковский и его ученик доцент Владимир Дмитриевич Камынин» [1, с. 153]. В.В. Алексеев был занят созданием института и всю текущую работу по кафедре возложил на меня. Ему удалось добиться от руководства истфака, чтобы меня официально утвердили с должности заместителя заведующего кафедрой с установлением соответствующей надбавки.

В то же время В.В. Алексеев никогда не манкировал своими обязанностями заведующего кафедрой. Он регулярно проводил заседания кафедры, посещал занятия преподавателей.

Стратегию руководства кафедрой В.В. Алексеев полностью оставил за собой. Ее суть заключалась в повышении «остепененности» членов кафедры. Он приглашал в аспирантуру в Институт истории и археологии молодых преподавателей и выпускников кафедры. Именно благодаря В.В. Алексееву автору этих строк в короткий срок удалось завершить написание диссертации, обсудить ее и выйти на защиту в совет Института истории и археологии.

В то же время В.В. Алексеев строго взыскал с доцента кафедры В.Г. Айрапетова, который, выйдя из докторантуры, не представил к обсуждению на кафедре текста диссертации и не был рекомендован к переизбранию на новый срок.

Стратегия руководства кафедрой заключалась также в том, что В.В. Алексеев привлекал преподавателей кафедры к участию в научной работе своего Института.

Т.И. Славко, возглавив кафедру истории СССР советского общества, спустя некоторое время переименованную в кафедру новейшей истории России, рассматривала ее в качестве трамплина для открытия на факультете новой специальности и кафедры источниковедения. Из членов кафедры новейшей истории России она пригласила на новую кафедру О.А. Васьковского и меня. Однако В. И. Михайленко планировал забрать меня на отделение международных отношений и перевел меня на кафедру методологии истории, которая должна была стать второй кафедрой на отделении.

Кафедра методологии истории была небольшой по составу: А.И. Борозняк и я работали на полную ставку, еще одна ставка была выделена под совместителей. Не ясен был набор курсов по кафедре. А.И. Борозняк был озабочен прежде всего решением личных и бытовых вопросов. Переехав

в Екатеринбург из Липецка, он так и не смог решить жилищную проблему, семья оставалась в Липецке. Я его пригласил на работу в СУНЦ, чтобы он мог немного подработать. От работы на этой кафедре у меня осталось лишь одно приятное воспоминание: в 1993 г. мне было присвоено ученое звание профессора по кафедре методологии истории.

В условиях постоянных перемещений с одной кафедры на другую автор этих строк спасался только тем, что основное внимание уделял работе на кафедре гуманитарного образования СУНЦ. На факультет приходил лишь для проведения занятий со студентами и на заседания постоянно меняющихся кафедр. Много времени отнимала работа в Институте истории и археологии, где мы вместе с профессором О.А. Васильковским принимали участие в написании коллективных трудов по истории Урала.

После отъезда А.И. Борозняка из Екатеринбурга в 1994 г. кафедра методологии истории была упразднена и перед руководством факультета вновь возникла головная боль распределения коллектива преподавателей по другим кафедрам. Меня вызвал декан исторического факультета Д.В. Бугров и предложил перейти на кафедру истории России, которую возглавлял доцент А.Т. Шашков. Одновременно у меня состоялась беседа с В. И. Михайленко, предложившим мне работу на кафедре теории и истории международных отношений.

Выбор был сложным. Если на предыдущих кафедрах, на которых мне пришлось работать, сохранялась возможность работать и заниматься научной деятельностью по моей научной специальности, то предложенные мне варианты были далеко от историографии. Кафедра истории России на 90% состояла из специалистов по дореволюционной истории. На кафедре теории и истории международных отношений пришлось бы осваивать совершенно незнакомые мне курсы.

У меня возникла мысль уйти с истфака на постоянную работу в СУНЦ, где ко мне хорошо относились и уважали, была своя кафедра. Директор-проректор СУНЦ физик А.И. Кроткий предложил мне должность заместителя директора-проректора по учебной работе. В финансовом отношении это было очень привлекательным.

Огромное влияние на мою дальнейшую судьбу оказал О.А. Васильковский. Придя на работу на истфак в 1978 г., он тут же совершил для меня доброе дело. Меня решили не избирать на новый срок по конкурсу, но О.А. Васильковский настоял на том, чтобы меня оставили на кафедре. С 1978 по 1992 гг. мы работали с ним бок о бок, он был консультантом моей докторской диссертации, я очень прислушивался к его советам.

О.А. Васильковский категорически не советовал мне уходить с истфака, чтобы не превратиться в «школьного профессора». При выборе новой кафедры он посоветовал не переходить на кафедру истории России, так как заведующий кафедрой, будучи доцентом, всегда будет с подозрением относиться к профессору, который может «подсидеть» его. Так я оказался на кафедре теории и истории международных отношений, на которой работаю по сей день, и не жалею о своем выборе.

Не хлебом единым жил исторический факультет в первой половине 1990-х гг. На это время приходится начало активной публикаторской работы преподавателей истфака.

В 1990 г. в 70-летию УрГУ была издана монография, в которой были подведены итоги научной деятельности преподавателей всех факультетов университета [34]. О.А. Васильковский написал для нее раздел «История», в которой были рассмотрены результаты научной деятельности кафедр и научных школ истфака и кафедр истории КПСС.

Заметим, что эпоха конца 1980-х–начала 1990-х гг. кардинальным образом отличается от советской эпохи по показателям научной деятельности.

В советское время издание научной монографии было очень сложным делом. Пробиться в издательства, которые имели право издавать научную продукцию, удавалось немногим. В годы «перестройки» Р.Г. Пихоя сумел опубликовать в Средне-Уральском книжном издательстве монографию под свою докторскую диссертацию [23] и коллективный труд научных работников археографической лаборатории [16].

Сильный толчок к публикации монографий был дан созданием уставного издательства УрГУ. Первые монографии преподавателей истфака были опубликованы в нем в 1987 г. Это была книга В. И. Михайленко под докторскую диссертацию [19] и коллективный труд по историографии истории Урала, подготовленный преподавателями кафедры историографии и источниковедения истории СССР под редакцией О.А. Васильковского [38], который стал монографией под мою докторскую диссертацию.

На рубеже 1980–1990-х гг. началось массовое издание монографий под докторские диссертации преподавателями истфака. На лидирующие позиции вышли представители уральской школы византиноведения (В.П. Степаненко [31], А.И. Романчук [26, 27], В.А. Сметанин [29]) и уральской школы международников (А.Г. Чевтаев [35], В.А. Буханов [5]). По отечественной истории опубликовали монографии А.В. Черноухов [37] и В.П. Мотревич [22].

Для статьи О.А. Васильковского по истории факультета было характерно не только подведение формальных итогов к юбилею. В ней впервые было заявлено о необходимости восстановления доброго имени преподавателя истфака В.В. Адамова — главы «уральской школы нового направления» [11]. Осуждение его взглядов в начале 1970-х гг. О.А. Васильковский отнес к «порокам командно-административной системы», которая «исключала возможность свободного научного творчества, третировала и наказывала тех, кто пытался выйти за рамки официальных догматов». Про В.В. Адамова О.А. Васильковский написал следующее: «За попытку высказать и обосновать собственное мнение о степени зрелости объективных предпосылок социалистической революции в крае ученых подвергся настоящему шельмованию. Его отстранили от заведования кафедрой, фактически лишили права заниматься научной работой» [34, с. 141–142].

Официальная реабилитация В.В. Адамова для истфака имела большое значение. Дело не только в том, что на факультете в 1994 г. был торжественно отмечен юбилей историка — 80-летие со дня его рождения проведением научной конференции и выпуском сборника статей [25]. В первой половине 1990-х на истфаке вновь обратились к изучению социально-экономической истории пореформенного Урала — проблеме, которая стала запретной после «дела Адамова».

О.А. Васильковский к важнейшим направлениям научных исследований отнес необходимость «осмыслить и творчески использовать новые подходы к оценке прошлого» [34, с. 141–142]. Новые подходы понимались по-разному. Бывшие историки партии основное внимание уделяли раскрытию «белых пятен» и «фигур умолчания» в истории Урала. Уральская историографическая школа во главе с О.А. Васильковским направила свои усилия на ликвидацию «зон, закрытых для мысли». Возглавляемая им Уральская секция Научного совета РАН по истории исторической науки провела в начале 1990-х гг. три научные конференции в содружестве с Институтом истории и археологии [18] и Тюменским университетом, посвященных внедрению новых подходов к изучению истории [8, 32].

В.И. Михайленко создал в Уральском государственном университете новое научное направление — итальянские исследования [20].

Камынин В.Д.

Появление на истфаке большого количества докторов наук привело к открытию аспирантуры по новым специальностям. Несмотря на трудные социально-экономические условия, набор в аспирантуру проходил на конкурсной основе при большом количестве желающих.

В. И. Михайленко осуществил переход учебного процесса на факультете на многоуровневое профессиональное образование. Новые реалии и пополнение преподавательского состава привели к обновлению учебных планов. Исчезло подавляющее большинство общественных дисциплин, некоторые из них трансформировались: появились политология, философия, история религии. Студентам стали преподавать этнологию, историческую географию, историческую демографию и др. Большое внимание стало уделяться изучению методологии истории, количественным методам исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайский мудрец Конфуций желал своему врагу «Чтобы жил в эпоху перемен!». На рубеже 1980–1990-х гг. преподаватели и студенты исторического факультета Уральского

государственного университета им. А.М. Горького пережили две эпохи перемен. Первая была вызвана «перестройкой», вторая совпала с крахом СССР и становлением новой российской государственности. Так совпало, что во главе факультета на каждом из этих этапов стояли разные люди. Можно говорить, что в истории исторического факультета была «эпоха Ю.С. Кирьякова» и «эпоха В.И. Михайленко». Для первой эпохи была характерна попытка сохранения того ценного, что было достигнуто в предыдущие годы. Преобразования происходили эволюционным образом, путем медленной адаптации к меняющимся условиям. «Эпоха В.И. Михайленко» привела к радикальному изменению облика исторического факультета: были открыты новые кафедры и направления подготовки студентов, найдены новые источники финансирования, значительно укрепился кадровый состав преподавателей. Это привело к повышению имиджа факультета, укреплению его международных связей. В то же время нельзя не отметить, что структурные реформы зачастую носили хаотический характер, быстро менялись вывески, люди, работавшие на кафедрах факультета. Неопределенный характер приобрело вузовско-академическое сотрудничество.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев В.В. На перепутье эпох: воспоминания современника и размышления историка. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. 280 с.
2. Архив УрГУ. Приказы по основной деятельности.
3. Брыляков К.Т. Свобода и братство истфака // Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 172–175.
4. Бугров Д.В. Много званных, но мало избранных... // Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 138–147.
5. Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма, 1933–1939. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 162 с.
6. Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 318 с.
7. Историки Урала. XVIII–XX вв. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 451 с.
8. История Советской России: новые идеи, суждения. В 3 ч. Тюмень: Изд-во Тюменск. ун-та, 1991. Ч. 1. 146 с. Ч. 2. 140 с. Ч. 3. 133 с.
9. Кирьяков Ю.С. Уральский университет в общественно-политических событиях конца восьмидесятых // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 240–248.
10. Камынин В.Д. Личностный фактор в исторической науке (историографические портреты). Екатеринбург, 2012. 286 с.
11. Камынин В.Д. Судьба научного наследия В.В. Адамова (1914–1985) — главы уральской группы «нового направления» // Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского. Ижевск, 20–21 ноября 2012 г. / Сост. и отв. ред. В.В. Пузанов. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 422 с. С. 391–403.
12. Камынин В.В. Из опыта взаимодействия университетской и академической исторической науки в Екатеринбурге-Свердловске // Классический университет: история и современность. Мат. Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф., посв. 85-летию УдГУ (Ижевск, 3–4 февр. 2016 г.). Ижевск, 2016. С. 150–159.
13. Камынин В.Д. Особенности исторического образования на рубеже 1960–1970 гг. (на материалах Уральского государственного университета им. А.М. Горького) // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 3. С. 85–95.
14. Килин А.П. Сердечный человек // Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 148–153.
15. Кирьяков Ю.С. Уральский университет в общественно-политических событиях конца восьмидесятых // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 240–248.
16. Книжки старого Урала. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1989. 244 с.
17. Кулагина Г.А. Свидетель века. Екатеринбург: УрГУ, 2005. 170 с.
18. Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития. Свердловск: Институт истории и археологии, 1990. Вып. 1 Методология и историография. 193 с.; Вып. 2 Источниковедение. 170 с.

REFERENCES:

1. Alekseev V.V. At the crossroads of epochs: memoirs of a contemporary and reflections of a historian. Yekaterinburg: Publishing House of AMB, 2013. 280 p.
2. USU archive. Orders for the main activity.
3. Brylyakov K.T. Freedom and brotherhood of the history faculty // Breathe freedom: A book about Yuri Kiryakov. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. pp. 172–175.
4. Bugrov D.V. Many invited, but few chosen ... // Breathe freedom: A book about Yuri Kiryakov. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. pp. 138–147.
5. Bukhanov V.A. European strategy of German fascism, 1933–1939. Sverdlovsk: Ural Publishing House. un-ta, 1991. 162 p.
6. Breathe freedom: A book about Yuri Kiryakov. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. 318 p.
7. Historians of the Urals. XVIII–XX centuries. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003. 451 p.
8. The History of Soviet Russia: new ideas, judgments. At 3 o'clock Tyumen: Tyumen Publishing House. un-ta, 1991. Part 1. 146 p. Part 2. 140 p. Part 3. 133 p.
9. Kiryakov Yu.S. Ural University in the socio-political events of the late eighties // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Humanities. 2010. No. 3 (79). pp. 240–248.
10. Kamynin V.D. Personality factor in historical science (historiographical portraits). Yekaterinburg, 2012. 286 p.
11. Kamynin V.D. The fate of the scientific heritage of V.V. Adamov (1914–1985) — the head of the Ural group «new direction» // Social mobility in traditional societies: history and modernity: materials of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor M.M. Martynova and the 100th anniversary of the birth of Professor B.G. Plushevsky. Izhevsk, November 20–21, 2012 / Comp. and ed. by V.V. Puzanov. Izhevsk: Publishing House «Udmurt University», 2012. 422 p. P. 391–403.
12. Kamynin V.V. From the experience of interaction of university and academic historical science in Yekaterinburg-Sverdlovsk // Classical University: history and modernity. Mat. All-Russian. with an intern. with the participation of scientific and practical conf., dedicated to the 85th anniversary of UdGU (Izhevsk, 3–4 February 2016). Izhevsk, 2016. pp. 150–159.
13. Kamynin V.D. Features of historical education at the turn of 1960–1970. (based on the materials of the Ural State University named after A.M. Gorky) // History and modern worldview. 2021. Vol. 3. No. 3. pp. 85–95.
14. Kilin A.P. A warm-hearted man // Breathe freedom: A book about Yuri Kiryakov. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. pp. 148–153.
15. Kiryakov Yu.S. Ural University in the socio-political events of the late eighties // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Humanities. 2010. No. 3 (79). pp. 240–248.
16. Books of the old Urals. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House, 1989. 244 p.
17. Kulagina G.A. Witness of the Century. Yekaterinburg: USU, 2005. 170 p.
18. Methodology, historiography and sources of studying the historical experience of regional development. Sverdlovsk: Institute of History and Archeology, 1990. Issue 1 Methodology and Historiography. 193 p.; Issue 2 Source studies. 170 p.

19. Михайленко В.И. Итальянский фашизм: Основные вопросы историографии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 233 с.
20. Михайленко В.И. 20 лет итальянистике на Урале // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 110–113.
21. Михайленко В.И. Загадки Кирьякова // Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 134–137.
22. Мотревич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск Изд-во Урал. ун-та, 1990. 196 с.
23. Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVI–XVIII вв.). Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1987. 272 с.
24. Пихоя Р.Г. Записки археографа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
25. Проблемы истории России. Вып. 1. От традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург: Волот, 1996. 184 с.
26. Романчук А.И. Возрождение античного города: (Научно-популярный очерк истории изучения Херсонеса). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 165 с.
27. Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон: Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. 80 с.
28. Русина Ю.А., Янцевиц Е.С. Студенческое бытие в «лихие 1990-е»: по материалам устных интервью преподавателей исторического факультета Уральского федерального университета // Наследие веков. 2019 № 2. С. 52–59.
29. Сметанин В.А. Византийское общество XIII–XV вв. (по данным эпистолографии). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 288 с.
30. Советская историография Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале 1917–1937 / Под ред. О.А. Васильковского. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 292 с.
31. Степаненко В.П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.
32. Тез. докл. второй Респ. науч. конф. «История Советской России: новые идеи, суждения». В 3 ч. Тюмень Изд-во Тюменск. ун-та, 1993. Ч. 1. 61 с.; Ч. 2. 89 с. Ч.3. 90 с.
33. Уральский университет. 1990. 20 июля.
34. Уральскому университету — 70 лет. Свердловск, Изд-во Урал. ун-та, 1990. 224 с.
35. Чевтаев А.Г. Политика Великобритании в Средиземноморье в годы второй мировой войны (1939–1943). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 249 с.
36. Чевтаев А.Г., Баранов Н.Н., Лабаури Д.О. Памяти коллеги, друга, учителя // Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 8–13.
37. Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России в XVII–XIX вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 183 с.
38. Черноухов А.В. Исторический факультет Уральского государственного университета. 1970–1991. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. 202 с.
39. Черноухов А.В. Исторический факультет Уральского государственного университета. 1992–2018. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. 174 с.
40. Черноухов А.В. Вспоминая о главном... // Документальное наследие и историческая наука. Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете. Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 23–26.
19. Mikhailenko V.I. Italian fascism: The main issues of historiography. Sverdlovsk: Ural Publishing House. un-ta, 1987. 233 p.
20. Mikhailenko V.I. 20 years of Italian studies in the Urals // Izvestiya Ural State University. Ser. 1. Problems of education, science and culture. 2010. No. 2 (75). pp. 110–113.
21. Mikhaylenko V.I. The Riddles of Kiryakov // Breathe freedom: A book about Yuri Kiryakov. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. pp. 134–137.
22. Motrevich V.P. Collective farms of the Urals during the Great Patriotic War. Sverdlovsk Ural Publishing House. un-ta, 1990. 196 p.
23. Pihoya R. G. Socio-political thought of the workers of the Urals (the end of the XVI–XVIII centuries). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House, 1987. 272 p.
24. Pihoya R.G. Notes of an archaeographer. M.: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. 496 p.
25. Problems of the history of Russia. Issue 1. From traditional to industrial society. Yekaterinburg: Volot, 1996. 184 p.
26. Romanchuk A.I. The Revival of the ancient city: (Popular science essay on the history of the study of Chersonesos). Sverdlovsk: Ural Publishing House. un-ta, 1991. 165 p.
27. Romanchuk A.I., Sazanov A.V. Medieval Kherson: Red-lacquer ceramics of early Byzantine Kherson. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural University, 1991. 80 p.
28. Rusina Yu. A., Yantsevich E. S. Student life in the «dashing 1990s»: based on the materials of oral interviews of teachers of the Faculty of History of the Ural Federal University // Heritage of Centuries. 2019. No. 2. pp. 52–59.
29. Smetanin V.A. Byzantine society of the XIII–XV centuries. (according to epistolography). Sverdlovsk: Ural Publishing House. un-ta, 1987. 288 p.
30. Soviet historiography of the October Revolution and socialist construction in the Urals 1917–1937 / Edited by O.A. Vaskovsky. Sverdlovsk: Ural Publishing House. un-ta, 1987. 292 p.
31. Stepanenko V. P. Byzantium in international relations in the Middle East (1071–1176). Sverdlovsk: Ural Publishing House, un-ta, 1988. 240 p.
32. Tez. dokl. second Rep. scientific conf. «History of Soviet Russia: new ideas, judgments». At 3 o'clock Tyumen Publishing House Tyumen. un-ta, 1993. Part 1. 61 p.; Part 2. 89 p. Part 3. 90 p.
33. Ural University. 1990. July 20.
34. Ural University is 70 years old. Sverdlovsk, Ural Publishing House. un-ta, 1990. 224 p.
35. Chevtayev A. G. The policy of Great Britain in the Mediterranean during the Second World War (1939–1943). Sverdlovsk: Ural Publishing House. un-ta, 1988. 249 p.
36. Chevtayev A.G., Baranov N.N., Labauri D.O. In memory of a colleague, friend, teacher // Breathe freedom: A book about Yuri Kiryakov. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. pp. 8–13.
37. Chernoukhov A.V. History of the copper-smelting industry of Russia in the XVII–XIX centuries. Sverdlovsk: Ural Publishing House. un-ta, 1988. 183 p.
38. Chernoukhov A.V. Faculty of History of the Ural State University. 1970–1991. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2016. 202 p.
39. Chernoukhov A.V. Faculty of History of the Ural State University. 1992–2018. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2018. 174 p.
40. Chernoukhov A.V. Remembering the main thing ... // Documentary heritage and historical science. Materials of the Ural Historical and Archival Forum dedicated to the 50th anniversary of the historical and archival specialty at the Ural University. Yekaterinburg, September 11–12, 2020 Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2020. pp. 23–26.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 79,34%.

Рецензент: Мотревич В. П., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022, принята к публикации 23.02.2022
The article was received on 03.02.2022, accepted for publication 23.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: kamyninv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir D. Kamynin, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the Ural Federal University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, e-mail: kamyninv@yandex.ru

Расширение посевных площадей и изменение структуры посевов в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам постановлений СНК СССР)

©Владимир Павлович Мотревич

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен анализ политики Советского государства по вопросам развития сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны в части изменения размеров посевных площадей и оптимизации их структуры. Источниковой базой исследования послужили посвященные данной проблеме рассекреченные постановления СНК СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) основная часть которых впервые вводится в научный оборот. Автор приходит к выводу, что увеличение площадей под картофель и овощи в условиях военного времени было вполне правомерно. Что касается зерновых культур, то в тыловых районах страны не было условий для расширения их посевов. В работе в целом положительно оцениваются произошедшие в те годы изменения в структуре посевных площадей: сокращение посевов однолетних трав и увеличение площадей под сахарной свеклой и кок-сагызом было следствием потери важных сельскохозяйственных районов страны, а также возросшей потребностью промышленности в сырье.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Совнарком СССР, посевные площади, зерновые, картофель, технические культуры.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мотревич В. П. Расширение посевных площадей и изменение структуры посевов в начальный период Великой отечественной войны (по материалам постановлений СНК СССР)// *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 67-72.

Expansion of Sowing Area and Change in the Structure of Crops in the Initial Period Great Patriotic War (By the Materials of the Decisions of the SNK of the USSR)

©Vladimir P. Motrevich

Ural State Law University, V.F. Yakovleva, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Abstract. The article analyzes the policy of the Soviet state on the development of agriculture during the Great Patriotic War in terms of changing the size of sown areas and optimizing their structure. The source base for the study was the declassified resolutions of the Council of People's Commissars of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks devoted to this problem, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time. The author concludes that the increase in areas for potatoes and vegetables under wartime conditions was quite legitimate. As for grain crops, there were no conditions in the rear areas of the country for expanding their crops. In general, the work positively assesses the changes that occurred in those years in the structure of sown areas: the reduction in the sowing of annual grasses and the increase in areas under sugar beet and kok-saghyz was a consequence of the loss of important agricultural regions of the country, as well as the increased need of industry for raw materials.

Key words: Great Patriotic War, Council of People is Commissars of the USSR, sown areas, cereals, potatoes, industrial crops.

FOR CITATION: Motrevich V. P. Expansion of Sowing Area and Change in the Structure of Crops in the Initial Period Great Patriotic War (By the Materials of the Decisions of the SNK of the USSR)// *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 67-72. (in Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

С началом Великой Отечественной войны в стране принимались энергичные меры по мобилизации всех материальных ресурсов деревни. Колхозники и работники МТС собирали и реставрировали запасные части для ремонта техники, улучшали условия хранения горючего и машин, переводили тракторный парк на новые виды топлива. Большую помощь селу, особенно в индустриальных областях, оказали промышленные предприятия, посылающие в подшефные МТС и колхозы запасные части, оборудование, а также квалифицированных рабочих для ремонта техники и сельскохозяйственного инвентаря. В практику была внедрена система мер, предусматривавшая вовлечение в общественное производство всего трудоспособного и большей части нетрудоспособного населения, использование на сельхозработах горожан и эвакуированных, подготовку механизаторов (в основном из женщин и подростков), массовое привлечение женщин на руководящую работу, широкое распространение ручного труда. Серьезные изменения происходили в организации труда: разукрупнялись полеводческие и укреплялись тракторные бригады, вводились круглосуточные работы, сокращался управленческий аппарат. Тяжелейшие условия военных лет требовали принятия всех возможных мер по увеличению запасов продовольствия. Одной из таких мер в начальный период войны стало расширение посевных площадей и изменение структуры посевов.

Проблема расширения посевов имеет принципиальное значение при анализе состояния сельского хозяйства на Урале в те годы. Как известно, для увеличения размеров сельскохозяйственного производства существовало два пути. Один — за счет интенсификации производства на уже имеющихся площадях — интенсивный путь, другой — экстенсивный — за счет расширения посевов. В историографии одним из первых исследовал данную проблему Н.А. Вознесенский, который оценивал курс на расширение посевных площадей как вполне целесообразный и рациональный [Вознесенский, 1948: 94–96]. В последующие годы в исторической литературе в оценке этого курса сформировались две противоположные точки зрения. Одни исследователи считали, что курс на расширение посевов был нецелесообразен, так как вел к ухудшению агротехники [Арутюнян, 1963: 162–169; Чадаев, 1965: 343]. Крупнейший отечественный историк-аграрник И. Е. Зеленин также пришел к выводу, что наиболее высокие урожаи собирали в совхозах нечерноземных районов, где не проводился курс на расширение посевных площадей [Зеленин, 1969: 79]. Другие доказывали, что в обстановке военного времени наиболее благоприятные условия имелись для второго пути (наличие свободных земель в восточных районах страны) [Анисков, 1966: 200–201; Шушкин, 1970: 20–21]. Это был, по их мнению, и наиболее быстрый путь роста производства, так как возможности государства для реализации интенсивного пути были весьма ограничены. Дискуссия по данной проблеме продолжается и в настоящее время [Мотревич, 2021: 297–305; Хисамутдинова, 2002: 65–100].

При этом изучая аграрную политику государства в первые годы войны, исследователи опирались только на несколько нормативных актов по проблеме расширения посевных площадей и изменения их структуры. Так Ю.В. Арутюнян в своей фундаментальной монографии по истории советского крестьянства в годы войны использует постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 16 августа 1941 г. В соответствии с ним в ходе перестройки экономики страны на военный лад предусматривалось значительное расширение посевных площадей под урожай 1942 г. И.Е. Зеленин ссылается только на постановле-

ние СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 22 сентября 1942 г., в соответствии с которым расширялись посевы в совхозах восточных районов страны [Арутюнян, 1963: 64; Зеленин, 1969: 74].

Однако в действительности, постановлений Правительства, а в ряде случаев и совместных решений с ЦК ВКП (б), по данной проблеме было значительно больше. Причина столь скудной источниковой базы по данной проблеме предыдущих крупных работ заключалась в недоступности для исследователей основного массива постановлений Советского правительства. И только в 2016 г. на сайте «Документы советской эпохи» портала «Архивы России» был размещен оцифрованный комплекс постановлений СНК СССР за июнь 1941 — май 1945 гг. Всего за период с 24 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. в хронологическом порядке было выставлено 4317 электронных копий несекретных Постановлений СНК СССР. Значительная часть обнародованных несекретных постановлений посвящены вопросам сельского хозяйства. Результаты сплошного обследования комплекса этих материалов показывает, что за годы войны аграрной проблематике было посвящено свыше 1160 постановлений Советского правительства. Это составляло примерно четверть из общего количества несекретных постановлений Совнаркома СССР за годы войны. По нашим подсчетам в 1941 г. начиная с 24 июня по вопросам функционирования сельского хозяйства Правительством было принято 59 постановлений, в 1942 г. — 212 постановлений. Многие из них были посвящены проблеме расширения посевных площадей в начальный период войны и изменению их структуры.

РАСШИРЕНИЕ ПОСЕВОВ В 1941 Г.

После начала войны уже летом 1941 г. курс на расширение посевов стал важнейшим элементом перестройки экономики сельского хозяйства на военный лад. Первое решение о расширении в восточных районах страны посевов озимых культур было принято уже в середине июля¹. В нем вносились изменения в постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 января 1941 г. № 127 «О государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1941 год». СНК СССР обязал совнаркомы республик, а также обл(край)исполкомы Советов депутатов трудящихся произвести увеличение посевов за счет расширения посевов озимой ржи. План озимого сева был установлен в размере 11210 тыс. га, наибольшие площади озимыми культурами планировалось засеять в Татарской АССР и Сталинградской области — по одному млн га, в Куйбышевской области — 960 тыс. и Башкирской АССР — 900 тыс. га. В случае недостатка собранных с семенных участков семян для озимого сева 1941 г. предлагалось использовать семена с общих посевов. Если и этих семян не хватало, то Наркомзагу совместно с Наркомземом СССР разрешалось отпустить колхозам и совхозам центральных и восточных областей 109,7 тыс. т семян зерновых культур. Отпуск семян для расширения посевов планировалось производился в порядке предоставления краткосрочной ссуды.

В августе 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) возложили на Наркомзем СССР, Наркомсовхозов СССР, совнаркомы союзных республик, краевые и областные исполкомы задачу обеспечить в 1942 г. полное освоение всех земель, способных к самотечному орошению, используя их под посевы сахарной свеклы, овощей, картофеля и пшеницы. Это долж-

¹ Постановление СНК СССР от 20 июля 1941 г. № 1889 «О плане сева озимых зерновых культур в областях Поволжья, Сибири, Урала и Казахской ССР» // Документы советской эпохи. Документальные комплексы. Великая Отечественная война. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/> (Дата обращения: 22.02.2022).

но было компенсировать потерю важных сельскохозяйственных районов страны, а также ослабить напряженность весеннего сева. При этом открывалась возможность полнее использовать силы осенью 1942 г. ввиду созревания яровых и озимых культур в разное время².

При расширении посевов одной из наиболее сложных вопросов стало решения проблемы семян. Нехватка семян у сельхозпредприятий наблюдалась и до войны, поскольку засыпка колхозами семенных фондов до выполнения планов хлебосдачи разрешалась только с семенных участков. С общих посевов хозяйства могли засыпать семена только после выполнения обязательств перед государством. Но и после этого засыпать семенные фонды получалось далеко не всегда, поскольку под давлением партийных и советских органов колхозы часто должны были сдавать семена для перевыполнения планов. Сдав, или не полностью засыпав семенные фонды, на следующий год колхозы были вынуждены обращаться к государству за семенной ссудой. Однако семенная ссуда выдавалась государством колхозам под 10% годовых.

Для обеспечения семенами озимого сева 09 августа 1941 г. Совнарком разрешил Наркомзагу выделить из ресурсов Заготзерно и Госстрахфонда 35 тыс. т зерна в порядке краткосрочной ссуды с условием возврата в 20-ти дневный срок с начала уборки урожая 1942 г.³ Спустя неделю было принято еще одно постановление о семенах для озимого сева. В нем колхозам Краснодарского края из ресурсов Заготзерно и Госстрахфонда дополнительно отпущено 32 тыс. т сортовой пшеницы и 4 тыс. т озимого ячменя. Кроме того, была предоставлена краткосрочная ссуда по пшенице пригородным совхозам северных и восточных районов СССР, а 418 т ржи, 75 т пшеницы и 15 т озимого ячменя были проданы подсобным хозяйствам Наркомтекстиля СССР по отпускным ценам⁴.

КУРС НА РАСШИРЕНИЕ ПОСЕВОВ В 1942 Г.

Курс на расширение посевных площадей был продолжен и весной 1942 г. 22 апреля в газете «Правда» было опубликовано обращение колхозников сельхозартели им. Крупской Выселковского района Краснодарского края ко всем колхозникам и колхозницам Советского Союза. Они призывали засеять в каждой артели сверх плана «гектары обороны» в помощь колхозам и колхозникам, пострадавшим от фашистской оккупации. Однако расширение посевных площадей в условиях снижения механизации полевых работ и сокращения трудовых ресурсов привели весной 1942 г. к затягиванию работ по подготовке площадей под посев, т. е. весновспашке. В этой обстановке по предложению академика Т.Д. Лысенко в середине марта 1942 г. СНК СССР принял решение перенесении апрельских сроков посева зерновых культур на более позднее время с тем, чтобы обеспечить максимальный подъем пахоты в восточных районах страны, в том числе

в Северном Казахстане, Сибири и на Урале⁵. В результате выполнения этих рекомендаций и постановления Совнаркома СССР в сельском хозяйстве был нарушен весь цикл агротехнических мероприятий и сдвинуты сроки уборочных работ. Потери на уборке заметно снизили сбор зерновых. Осенью же произошло и запаздывание с севом, что привело к росту гибели озимых.

Расширение посевных площадей в восточных районах страны продолжилось и осенью 1942 г. Так в июле были приняты решения о расширении посевов зерновых культур в Узбекистане⁶. В нем предлагалось в 1942 г. увеличить площади озимого посева пшеницы и ячменя до 1600 тыс. га против 900 тыс. га в 1941 г. Для этого на баланс расширяющих посевы зерновых МТС и совхозов предлагалось передать тракторы из хлопковых хозяйств, а также дополнительно выделить Узбекистану горючее, запасные части, инструменты и ремонтные материалы.

Вскоре было принято решение и о расширении посевов зерновых культур в совхозах Казахстана и восточных районов РСФСР⁷. В нем отмечалось, что в совхозах восточных районов страны не используются большое количество переложных и целинных земель, пригодных для получения устойчивых урожаев зерновых культур. В связи с этим предлагалось расширить площадь посева под зерновыми культурами в расположенных в восточных районах совхозах Наркомсовхозов СССР. На осень 1942 г. план распахки целинных земель был установлен в размере 239 тыс. га. В целях улучшения руководством совхозами и облегчения задачи расширения посевных площадей Наркомсовхозов СССР было разрешено произвести в 1942 г. разукрупнение 40 наиболее крупных советских хозяйств и создать 43 самостоятельных совхоза. В приложении к постановлению был определен список разукрупняемых советских хозяйств и определены новые совхозы, которые должны были созданы в результате этих преобразований. В эти новые совхозы планировалось направить 700 эвакуированных из южных совхозов тракторов. В обкомах партии планировалось организовать совхозные отделы, ответственность за расширение посевов и освоение новых земель возлагалась на первых секретарей обкомов и крайкомов партии. Расширять посевы в совхозах, причем за счет распахки целинных, залежных и переложных земель, предлагалось и в последующие годы. План распахки новых земель на 1943 г. составлял 400 тыс., а на 1944 г. еще 200 тыс. га.

СОКРАЩЕНИЕ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ

Необходимо отметить, что в отличие от 1941 г., в 1942 г. в постановлениях СНК СССР неоднократно предусматривалось и сокращение посевных площадей. Сокращение посевов на основании постановлений Правительства происходило, в основном, в трех случаях.

² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 16 августа 1941 г. «О военном-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» // Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. 9-е изд., доп. и испр. М.: КПСС; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1983–1990. Т. 7. С. 237.

³ Постановление СНК СССР от 09 августа 1941 г. № 1949 «О семенах колхозам для озимого сева 1941 г.». // Документы советской эпохи. Документальные комплексы. Великая Отечественная война. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/> (Дата обращения: 22.02.2022).

⁴ Постановление СНК СССР от 16 августа 1941 г. № 1977 «О семенах для озимого сева 1941 года» // Там же (Дата обращения: 22.02.2022).

⁵ Постановление СНК СССР от 18 марта 1942 г. № 367 «О подъеме весенней пахоты и сроках сева ранних зерновых культур в Красноярском, Алтайском краях, Новосибирской, Иркутской, Читинской, Челябинской, Омской, Кустанайской, Акмолинской, Северо-Казахстанской областях, Бурят-Монгольской АССР» // Там же. (Дата обращения: 22.02.2022).

⁶ Постановление СНК СССР от 29 июля 1942 г. № 1282 «О расширении посевов и повышении урожайности зерновых культур Узбекской ССР» // Там же. (Дата обращения: 22.02.2022).

⁷ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 22 сентября 1942 г. № 1570 «О расширении посевов зерновых культур в совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей и Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской и Семипалатинской областей Казахской ССР» // Там же. (Дата обращения: 22.02.2022).

Во-первых, уменьшались посевы в тех республиках, краях и областях, на территории которых шли военные действия. Так, в июне 1942 г. было принято решение Советского правительства об изменении плана сельскохозяйственных работ в колхозах Ростовской области. Во изменение постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 03 марта 1942 г. № 291 план ярового сева для нее был уменьшен на 323 тыс. га⁸.

Во-вторых, посевы сокращались за счет значительно уменьшения посевов однолетних трав при увеличении укосных площадей многолетних трав. Решения об этом неоднократно принимались в июне — июле 1942 г. Они были обусловлены, по-видимому, событиями под Сталинградом и необходимостью максимально экономить горюче-смазочные материалы для проведения предстоящих уборочных работ. Так, во изменение постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 03 марта 1942 г. № 291 «О государственном плане развития сельского хозяйства на 1942 год» вышли постановления СНК СССР от 18 июня № 974 и от 26 июня 1942 г. № 1029. В соответствии с ними в колхозах ряда республик, краев и областей РСФСР, а также областей УССР уменьшались площади посева однолетних трав и увеличивались укосные площади многолетних трав⁹. В Татарской АССР, например, посев однолетних трав был уменьшен на 19,5 тыс. га, в Горьковской области — на 18,9 тыс., в Пензенской области — на 25,4 тыс., в Сталинградской области — на 23,6 тыс. га и т. д. Однако этого оказалось недостаточно, и 10 июля вышло еще одно постановление Правительства, в котором предусматривалось дальнейшее сокращение планов посева однолетних трав в колхозах¹⁰. В колхозах Татарской АССР план посева однолетних трав в колхозах был сокращен еще на 4,4 тыс. га, в колхозах Горьковской области — на 2,9 тыс. и т. д.

Во-третьих, посевы сокращались по совхозам тех Наркоматов, которые передавали свои хозяйства другим организациям. Так в июле 1942 г. план ярового сева по совхозам Наркомсовхозов СССР был уменьшен на 338,43 га¹¹. Сокращение на 192,15 тыс. га произошло за счет уменьшения плана посева однолетних трав при соответствующем увеличении укосной площади многолетних трав, на 55,78 тыс. по совхозам в тех областях, которые были театром военных действий, и 90,5 тыс. сокращение произошло по совхозам, переданным другим организациям.

Разумеется, на случаи сокращения посевов сказывались и форс-мажорные обстоятельства. В частности, летом 1942 г. было принято решение СНК СССР об исключении из посевной площади колхозов УзССР погибших от наводнения посевов. Следует отметить, что данному далеко не самому значимому событию в стране летом 1942 г. было посвящено целых три постановления Совнаркома: от 12 июня № 915, от 07 июля № 1126 и от 20 августа № 1403. Интересно, что в каждом из них приводятся разные данные о масштабах произошедшего наводнения. В первом речь идет об уменьшении плана посе-

ва на 1200 га, во втором — о гибели посевов на площади в 7662 и недосеве на площади 3 тыс. га, в третьем — об исключении в связи с гибелью посевов от наводнения из посевной площади колхозов 3099 га погибшего хлопчатника и 1295 га других культур¹². В причинах такой путаницы еще предстоит разобраться исследователям, но одна из них, по нашему мнению, заключается в неверно представленной в Совнарком первичной информации о размерах нанесенного ущерба.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПОСЕВОВ

Осенью 1941 г. в условиях неблагоприятного для Советского Союза хода военных действий на фронтах и потери важных сельскохозяйственных районов были приняты и другие решения по улучшению продовольственного баланса страны. Помимо расширения посевных площадей в стране происходили изменения и в их структуре. В частности, в Азербайджанской ССР и республиках Средней Азии на предназначенных для посева многолетних трав заливных полях было решено в 1941–1942 гг. произвести посевы зерновых культур на площади в 327 тыс. га. В том числе в Азербайджанской ССР на площади в 27 тыс. га, в Казахской ССР — 45 тыс., в Киргизской ССР — 75 тыс., в Таджикской ССР — 25 тыс., в Туркменской ССР — 30 тыс. и в Узбекской ССР на площади в 125 тыс. га. Для обеспечения колхозов семенами им предоставлялась семенная ссуда зерновых культур¹³.

Уменьшали посевы хлопчатника и заменяли их зерновыми и в сельхозпредприятиях на территории РСФСР. В частности, в 1942 г. на 125 тыс. га были уменьшены планы посева хлопчатника в новых районах хлопководства, в том числе в Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, Краснодарском и Орджоникидзевском краях, Ростовской и Сталинградской областях. Так в Сталинградской области план посевы хлопчатника сократили на 10 тыс. га заменив их горчицей, а также подсолнечником, просом, кукурузой и другими зерновыми культурами¹⁴.

Серьезные сдвиги с началом войны произошли и в размещении других культур, прежде всего технических. Уже в 1941 г. в наибольшей степени сократились валовые сборы сахарной свеклы, основная часть посевов которой находилась на оккупированных западных областях РСФСР и на Украине. Первым нормативным актом по расширению посевов сахарной свеклы на Востоке страны стало постановление Совнаркома СССР от 14 октября 1941 г.¹⁵ В нем предусматривалось осуществление посевов сахарной свеклы на орошаемых землях Казахской, Киргизской и Узбекской ССР. Однако природно-климатические условия для возделывания свеклы во многих регионах были неблагоприятными, поэтому в планы ее посева в ходе войны неоднократно корректировались. Так в марте 1942 г. было принято решение об уменьшении посевов сахарной свеклы в Башкирской АССР с 15 до 11 тыс.

⁸ Постановление СНК СССР от 23 июня 1942 г. № 1002 «Об изменении плана сельскохозяйственных работ в колхозах Ростовской области на 1942 год» // Там же. (Дата обращения: 22.02.2022).

⁹ Постановление СНК СССР от 18 июня 1942 г. № 974 «Об увеличении укосной площади многолетних трав и соответствующем уменьшении плана посева однолетних трав в колхозах на 1942 год»; Постановление СНК СССР от 26 июня 1942 г. № 1029 «Об изменении плана посева однолетних трав и укосной площади многолетних трав в колхозах на 1942 год» // Там же. (Дата обращения: 22.02.2022).

¹⁰ Постановление СНК СССР от 10 июля 1942 г. № 1143 «Об увеличении укосной площади многолетних трав и уменьшению плана посева однолетних трав в колхозах на 1942 год» // Там же. (Дата обращения: 22.02.2022).

¹¹ Постановление СНК СССР от 20 июля 1942 г. № 1229 «О частичном изменении плана ярового сева на 1942 год по совхозам Наркомсовхозов» // Там же. (Дата обращения: 22.02.2022).

¹² Постановление СНК СССР от 12 июня 1942 г. № 915 «Об изменении плана посева хлопчатника и снижении плана контрактиции хлопка-сырца на 1942 год по колхозам Узбекской ССР»; Постановление СНК СССР от 07 июля 1942 г. № 1126 «Об изменении плана посева хлопчатника и кенафа в колхозах Узбекской ССР на 1942 год»; Постановление СНК СССР от 20 августа 1942 г. № 1403 «Об исключении в 1942 году из посевной площади колхозов Узбекской ССР посевов хлопчатника и других культур, погибших от наводнения» // Там же. (Дата обращения: 22.02.2022).

¹³ Постановление СНК СССР от 11 октября 1941 г. № 2140 «О расширении посевов зерновых культур в районах хлопководства» // Там же. (Дата обращения: 23.02.2022).

¹⁴ Постановление СНК СССР от 17 апреля 1942 г. № 533 «О частичном изменении утвержденного плана сельскохозяйственных работ и плана ремонта тракторов МТС на 1942 год» // Там же (Дата обращения: 23.02.2022).

¹⁵ Постановление СНК СССР от 06 ноября 1941 г. № 2181 «О семенах колхозам Узбекской ССР для посева в 1941 году» // Там же. (Дата обращения: 23.02.2022).

га и увеличении соответственно плана посева яровых зерновых культур на 2 тыс. га и картофеля также на 2 тыс. га¹⁶.

С началом войны на колхозных полях многих районов страны стали возделывать кок-сагыз. Кок-сагыз — это один из лучших естественных каучуконосов флоры СССР, необходимый для производства натурального каучука. В начале 1930-х гг. ученые ВАСХНИЛ нашли в юго-восточном Казахстане горный одуванчик кок-сагыз, который вскоре и был введен в культуру. Культивировался кок-сагыз преимущественно в европейской части СССР. Планом посева кок-сагыза на 1941 г. предусматривались его посевы на площади в 49776 га в Казахской ССР, а также 13 областях РСФСР и Краснодарском крае¹⁷.

Однако возделывание этой культуры проходило очень тяжело. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 ноября 1942 г. № 1913 отмечалось, что возделывание каучуконосных культур в колхозах находится в совершенно неудовлетворительном состоянии. Хотя некоторые хозяйства получали по 20–25 и даже 35 и более центнеров корней кок-сагыза с гектара, средняя урожайность его оставалась низкой и составляла в 1941 г. в среднем по колхозам всего 1,8 ц корней с гектара однолетних посевов и 2,8 ц с гектара двухлетних посевов¹⁸. Низкая урожайность каучуконосов была следствием того, что посеvy этих культур почва обрабатывалась плохо и весенний посев часто производили по весновспашке. При этом значительная часть посевов производилась в поздние, непригодные для посева сроки. Прополка, междурядная обработка и подкормка кок-сагыза производилась с большим опозданием, а кое-где и совсем не проводилась. Это приводило к зарастанию посевов сорняками, снижению урожая, а часто и к его гибели.

В годы войны в связи интенсивным развитием промышленности и прибытием в восточные районы страны миллионов эвакуированных, потребность в продовольствии еще больше возросла. Вследствие сокращения производства зерновых особое значение в продовольственном снабжении населения приобрел картофель, который считался вторым хлебом. Придавая исключительное значение расширению посевов картофеля в восточных, юго-восточных районах, республиках Средней Азии и Закавказья, СНК СССР обязал советские и партийные органы на местах обеспечить закладку и хранение семян картофеля, не допускать его разбазаривание на продовольственные и кормовые цели. Было одобрено предложение академика Т.Д. Лысенко о широком использовании весной 1942 г. в качестве семенного материала срезаемых верхушек клубней продовольственного картофеля¹⁹. СНК СССР обязал совнаркомы республик, крайисполкомы и облисполкомы организовать срезание верхушек клубней картофеля весом 5–15 грамм во время очистки его от кожуры в столовых общественного питания и обеспечить тщательное хранение срезанных верхушек до весны. Правлениям колхозам было рекомендовано весной перед посадкой принимать от колхозников верхушки клубней картофеля и выдавать

им один кг клубней картофеля за каждый кг правильно срезаемых, сохраненных и годных к посадке верхушек.

Расширять посеvy и изменять их структуру планировали и в дальнейшем. В сентябре 1942 г. СНК СССР совместно с ЦК ВКП (б) приняли решение о расширении посевов зерновых культур в республиках Средней Азии и Казахстане²⁰. В нем предлагалось в 1943 г. увеличить посеvy зерновых культур, в том числе риса, в республиках Средней Азии и Казахстане на 300 тыс. га, из них 250 тыс. га за счет уменьшения площади посевов хлопчатника и 50 тыс. га за счет вновь осваиваемых поливных земель и сокращения посева многолетних трав на поливных землях. Больше всего, на 200 тыс. га, и все за счет хлопчатника, планировалось увеличить посеvy зерновых в Узбекистане. На 40 тыс. га должны были возрасти посеvy зерновых в Туркмении (из них 20 тыс. за счет хлопчатника), на 25 тыс. га в Таджикистане (из них 10 тыс. за счет хлопчатника), на 20 тыс. га в Казахстане (из них 10 тыс. за счет хлопчатника) и на 15 тыс. га в Киргизии (из них 10 тыс. за счет хлопчатника). Вскоре принимается решение о и расширении посевов зерновых культур в Закавказье²¹. Осенью 1942 г. и весной 1943 г. посеvy зерновых в колхозах Азербайджана планировалось увеличить на 102 тыс. га против их фактической площади в 1942 г., в том числе риса на 1,5 тыс. га. В колхозах Армении посеvy зерновых предлагалось увеличить на 10 тыс. га, в том числе риса на 800 га. Расширение посевов зерновых должно было осуществляться за счет сокращения посевов хлопчатника, а также освоения новых площадей.

В октябре 1942 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б), направленное на решение зерновой проблемы уже в масштабах всей страны²². В нем предусматривалось увеличение посевов масличных и зернобобовых культур в колхозах и были утверждены планы их посева на 1943 г. с распределением по республикам, краям и областям. Определенные в Постановлении планы расширения посевов в условиях военного времени из-за ослабления материально-технической базы сельского хозяйства, убыли рабочей силы из деревни, нехватки семян и опыта возделывания новых культур часто не учитывали реальных возможностей их выполнения. Однако даже в этой ситуации местные партийные и советские органы часто предлагали еще более высокие планы. Так спустя месяц после принятия постановления партии и правительства от 11 октября 1942 г. № 1677 о расширении посевов в него были внесены изменения. Как оказалось, в ноябре 1942 г. СНК ТССР и ЦК КП (б) Туркмении вышли с предложением сверх размеров, предусмотренных постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 03 сентября 1942 г. № 1475, увеличить в 1943 г. посевную площадь по зерновым культурам на 45,0 тыс. га, в том числе на 3,0 тыс. га риса²³. Расширение предлагалось произвести за счет освоения 14 тыс. га новых земель, а остальное осуществить в результате уменьшения посевов хлопчатника.

В дальнейшем планировалось расширение и посевов сахарной свеклы. В октябре 1942 г. план посева в колхозах был

¹⁶ Постановление СНК СССР от 25 марта 1942 г. № 390 «Об уменьшении плана посева сахарной свеклы в совхозах БАССР на 1942 год» // Там же. (Дата обращения: 23.02.2022).

¹⁷ Постановление СНК СССР от 17 августа 1941 г. № 1979 «О плане подзимнего посева кок-сагыза в колхозах в 1941 году» // Там же. (Дата обращения: 23.02.2022).

¹⁸ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 ноября 1942 г. № 1913 «О мерах по расширению посевов, повышению урожайности каучуконосов в колхозах и совхозах и организации производства натурального каучука» // Там же. (Дата обращения: 23.02.2022).

¹⁹ Постановление СНК СССР от 30 ноября 1941 г. № 2231 «О подготовке посадочного материала для расширения посевов картофеля в 1942 г. в восточных и юго-восточных районах СССР, республиках Средней Азии и Закавказья» // Там же (Дата обращения: 23.02.2022).

²⁰ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 03 сентября 1942 г. № 1475 «О расширении посевов зерновых культур в Узбекской, Туркменской, Таджикской, Киргизской и Казахской ССР» // Там же (Дата обращения: 23.02.2022).

²¹ Постановление СНК СССР от 28 сентября 1942 г. № 1604 «О расширении посева зерновых культур в колхозах Азербайджанской и Армянской ССР» // Там же (Дата обращения: 23.02.2022).

²² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 11 октября 1942 г. № 1677 «О расширении посевов масличных и зернобобовых культур в колхозах» // Там же. (Дата обращения: 23.02.2022).

²³ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 12 ноября 1942 г. № 1810 «Об увеличении посевов зерновых культур по колхозам Туркменской ССР» // Там же. (Дата обращения: 23.02.2022).

установлен на площади 444,4 тыс. га, а в совхозах Главсахара Наркомпищепрома СССР на площади 23,14 тыс. га²⁴. Под посевы сахарной свеклы рекомендовалось отвести лучшие, не засоренные участки, под посев сахарной свеклы было необходимо проводить глубокую вспашку зяби, организовать сбор местных удобрений и использовать их в первую очередь под посев свеклы, во всех свеклосеющих колхозах и совхозах организовать звенья и закрепить за ними участки сахарной свеклы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, судя по рассекреченным постановлениям Совета Народных Комиссаров СССР перестройка сельского хозяйства на военный лад в 1941 г. только началась и проходила по незначительному числу направлений. В 1942 г. процесс перестройки значительно ускорился и проявился, в частности, в реализации курса на расширение посевных площадей и изменение их структуры. В связи с этим представляется аксиоматичным, что тяжелейшие условия военных лет требовали

²⁴ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7 октября 1942 г. № 1662 «О плане посева сахарной свеклы на 1943 год» // Там же. (Дата обращения: 23.02.2022).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисков В. Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока — фронту, 1941–1945 гг.: Деятельность партийных организаций по руководству сельским хозяйством в период Великой Отечественной войны. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1966. 371 с.
2. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 459 с.
3. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ, 1948. 192 с.
4. Зеленин И.Е. Совхозы СССР (1941–1950). М.: Наука, 1969. 344 с.
5. Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.
6. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Мысль, 1965. 389 с.
7. Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Малоизвестные страницы. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2002. 300 с.
8. Шушкин Н.Н. Во имя победы: Организаторская работа партии в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск: Издательство «Карелия», 1970. Ч. 1. 333 с.

принятия всех возможных мер по увеличению запасов продовольствия. Колхозы и совхозы расширяли посевные площади, пытались за счет этого добиться роста сельскохозяйственного производства. Поэтому совершенно очевидно, что увеличение площадей под картофель и овощи было вполне правомерно. Иное дело — зерновые культуры. В условиях военного времени в тыловых районах страны не было условий для расширения их посевов. При нехватке рабочей силы и сокращении механизации полевых работ надо было не расширять посевную площадь, а попытаться сохранить имеющуюся. В годы войны изменилась и структура посевов зерновых культур. Увеличились посевы озимой ржи фактически явилось формой мобилизации дополнительных продовольственных ресурсов. При этом время сева озимых не совпадало со сроками обработки и уборки яровых, что позволяло расширять площади озимых культур и снижало напряженность работ во время весеннего сева. Одновременно в сельхозпредприятиях уменьшались посевы однолетних трав и возрастали посевы сахарной свеклы и кок-сагыза, что было следствием потери важных сельскохозяйственных районов страны, а также возросшей потребностью промышленности в сырье.

REFERENCES:

1. Aniskov V. T. The collective farm peasantry of Siberia and the Far East — to the front, 1941-1945: The activity of party organizations in the management of agriculture during the Great Patriotic War. Barnaul: Alt. book. Publishing house, 1966. 371 p.
2. Arutyunyan Yu. V. Soviet peasantry during the Great Patriotic War. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 459 p.
3. Voznesensky N. The military economy of the USSR during the Patriotic War. M.: OGIZ, 1948. 192 p.
4. Zelenin I.E. State farms of the USSR (1941–1950). M.: Nauka, 1969. 344 p.
5. Motrevich V.P. Contribution to the Victory: Ural agriculture during the Great Patriotic War. Yekaterinburg: Alfa Print, 2021. 700 p.
6. Chadaev Ya. E. Economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945). M.: Thought, 1965. 389 p.
7. Hisamutdinova R. R. Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. Little known pages. Orenburg: OGPU Publishing House, 2002. 300 p.
8. Shushkin N.N. In the name of victory: Organizational work of the party during the Great Patriotic War. Petrozavodsk: Karelia Publishing House, 1970. Part 1. 333 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 66,51%.

Рецензент: Запарий В.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022, принята к публикации 23.02.2022

The article was received on 03.02.2022, accepted for publication 23.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-1184-3631>, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir P. Motrevich, Dr. Sci. (Hist.), Professor; Professor of the Department of History of State and Law, V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-1184-3631>, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

**«Хлеб любой ценой...»
(рецензия на книгу: Мотревич В. П. Вклад в Победу:
сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной
войны. — Екатеринбург: Альфа Принт,
2021. — 700 с. — ISBN 978-5-907502-20-8)**

©Владимир Васильевич Запарий

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vvzap@mail.ru

Аннотация. В своей рецензии профессор В.В. Запарий дает подробный анализ новой монографии известного уральского историка профессора В.П. Мотревича, посвященной анализу развития сельского хозяйства республик и областей Уральского региона в годы Великой Отечественной войны. По мнению рецензента, это комплексное исследование отрасли, опирающееся на введенный автором в научный оборот громадный статистический материал и показывающий вклад отрасли и ее тружеников в Победу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Уральский регион, сельское хозяйство.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Запарий В. В. «Хлеб любой ценой...» (рецензия на книгу: Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. — Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. — 700 с. — ISBN 978-5-907502-20-8) // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №1. С. 73-76.

**«Bread at Any Price ...» (Book Review: Motrevich V. P.
Contribution to Victory: Agriculture of the Urals during
the Great Patriotic War. — Yekaterinburg: Alfa Print,
2021. — 700 p. — ISBN 978-5-907502-20-8)**

©Vladimir V. Zapariy

Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: vvzap@mail.ru

Abstract. In his review, Professor V.V. Zapariy gives a detailed analysis of a new monograph by the famous Ural historian Professor V.P. Motrevich, devoted to the analysis of the development of agriculture in the republics and regions of the Ural region during the Great

Patriotic War. According to the reviewer, this is a comprehensive study of the industry, based on the huge statistical material introduced by the author into scientific circulation and showing the contribution of the industry and its workers to Victory.

Key words: The Great Patriotic War, the Ural region, agriculture.

FOR CITATION: Zaparyi V. V. «Bread at Any Price ...» (Book Review: Motrevich V.P. Contribution to Victory: Agriculture of the Urals during the Great Patriotic War. — Yekaterinburg: Alfa Print, 2021. — 700 p. — ISBN 978-5-907502-20-8) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №1. P. 73-76. (in Russ.)

В 1960–1980-е гг. советские историки много сделали для изучения истории деревни в годы Великой Отечественной войны. Среди наиболее крупных работ в первую очередь отметим труды В. Т. Анискова, М. А. Вылцана, И. Е. Зеленина и особенно Ю. В. Арутюняна. Однако в условиях доминирования идеологических догм и недоступности некоторых ключевых материалов многие проблемы аграрной истории тех лет остались вне поля зрения авторов. Исследования в этом направлении продолжались и в постсоветские годы, хотя и не так активно. Анализ историографии уральского крестьянства и сельского хозяйства военных лет свидетельствует, что на региональном уровне данная проблематика разрабатывалась достаточно интенсивно. Среди опубликованных работ — сочинения Н. В. Ахмадиевой, Р. С. Бахтиярова, Г. Е. Корнилова, А. Н. Трифонова, С. Н. Уварова, Р. Р. Хисамутдиновой.

На протяжении многих лет весьма интенсивно работал в этом спектре истории и профессор В.П. Мотревич, результатом чего стал выход свыше 100 научных работ, посвященных различным сюжетам аграрной истории Урала в годы Великой Отечественной войны¹. Рецензируемая книга представляет собой результат многолетнего целенаправленного и скрупулезного труда, начатого им более 40 лет назад².

Книга основана на богатом фактическом материале, почерпнутом из архивных источников, официальных документов, прессы тех лет. В основе источниковой базы лежат документальные материалы 4 центральных и 10 региональных государственных архивов, а также сведения из многих ведомственных архивохранилищ, большинство из которых автором впервые вводятся в научный оборот. Отметим также широкое использование материалов постановлений СНК СССР и СНК РСФСР, обладающих огромным информационным потенциалом и позволяющим по-новому осветить многие аспекты изучаемых проблем. При этом некоторые группы документов (материалы ЦСУ СССР и Наркомзага СССР) были проработаны автором фронтальным способом.

Заслуживает внимание тщательность, с которой В.П. Мотревич проанализировал введенный им в научный оборот огромный статистический материал. Значительное место в исследовании уделено анализу историографии, что не всегда делается в работах по советской истории. При этом автор постоянно дискутирует со своими предшественниками, достаточно аргументировано отстаивая выдвигаемые им положения.

Структура монографии состоит из 8 глав, что соответствует логике авторской постановке вопроса, четка и логична, и раскрывает основные параметры исследовательской проблематики. Среди основных исследуемых вопросов — землепользование, численность и состав сельхозпредприятий, материально-техническая база, кадры, управление отраслью и организация труда в ней, оплата труда и материальное положение сельских тружеников, состояние земледелия и животноводства, валовая продукция отрасли и сдача ее государству в условиях военного времени. Текст монографии снабжен обширным научно-справочным аппаратом, что позволяет читателям легко в нем ориентироваться.

Высокая концентрация идей и плотность аргументации работы делает невозможным их подробного изложения в рамках краткой рецензии. Более целесообразным видится обозначение тех идей, которые выступают опорными конструкциями исследования профессора В.П. Мотревича. Тем более, что многие из них отличаются новизной и большой научной значимостью.

Прежде всего, в работе показано, что в годы войны на Урале, как и в других тыловых районах страны, в структуре сельскохозяйственных предприятий происходили многочисленные реорганизации. Многие совхозы передавали предприятиям в качестве подсобных хозяйств, сократилось и число колхозов.

Во-вторых, начавшаяся война оказала огромное негативное воздействие на состояние материально-технической базы сельского хозяйства. Перестройка ремонтной и топливной базы в отрасли была не всегда удачной, но она позволяла сохранить часть техники в работоспособном состоянии. Начавшаяся война поставила сельхозпредприятия, особенно на Южном Урале, в крайне сложное положение поскольку нагрузка посевных площадей на трудоспособных сельчан там существенно превышала общесоюзную.

Следует отметить, что снижение уровня механизации на Урале демпфировать было нечем, так как в энергоресурсах сельскохозяйственного производства региона преобладали такие механизмы как тракторы, комбайны и грузовые автомашины. За годы Великой Отечественной войны серьезные трансформации произошли в структуре трудовых ресурсов села. Мобилизация жителей села в армию и на работу в промышленность усилила существовавшую еще до войны неравномерность в распределении трудовых ресурсов. В первую очередь это относится к исследуемому региону, где в связи с быстрым строительством предприятий военного производства имела место быть убыль трудоспособных селян, и она было ощутимее, чем в других регионах страны. Это сужало возможности компенсировать уменьшение производительных сил деревни за счет собственных, внутренних ресурсов.

В-третьих, с началом войны ужесточились, сформировавшиеся еще в предшествующее десятилетие административные методы управления сельским хозяйством. В книге профессора

¹ Мотревич В.П. Материальное положение колхозного крестьянства Среднего Урала в период Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в период социализма. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 45–66; Он же. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург: Наука: Уральское отделение, 1993. 307 с.; и др.

² Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.

Запарий В. В.

В.П. Мотревича убедительно показано, что эксплуатация работников колхозов со стороны государства в эти годы существенно возросла. Колхозы были, по существу, лишены остатков хозяйственной самостоятельности и поставлены в полную зависимость от районной администрации. Вместе с тем еще больше усилился государственный контроль за деятельностью машинно-тракторных станций и совхозов.

Все это отчуждало сельских тружеников от общественного хозяйства, сковывало их инициативу, способствовало оттоку населения и в конечном счете разрушало экономику сельхозпредприятий. Тем не менее миллионы сельчан продолжали трудиться в колхозах, совхозах и МТС. Это было результатом как милитаризации труда в сельском хозяйстве, так и патриотизма многих миллионов советских людей.

Большой интерес вызывает вывод автора о том, что с началом войны меняется и мотивация сельских жителей к труду. В большинстве коллективных хозяйств материальные стимулы к труду были незначительными, в некоторых отсутствовали полностью.

Обесцениванию трудодня способствовали как существовавший в те годы «остаточный» принцип распределения доходов колхоза среди его членов, так и сохранение устаревших норм выработки, плохо налаженный учет трудодней, их разбазаривание и т. д. Фактически члены колхоза получали не долю в коллективно произведенном продукте, а плату за труд, причем очень низкую. Крестьяне были отчуждены не только от средств производства, но и от распределения созданного ими продукта, что служило экономической основой для изъятия его из колхозов. Низкой была оплата труда и у работников совхозов, что же касается механизаторов МТС, то их зарплата отличалась сезонности и существенно урезалась всевозможными штрафами. В результате для советского крестьянства был характерен катастрофически низкий уровень жизни, который еще больше снизился в годы войны. Колхозники являлись самой бедной и материально неблагополучной группой советского населения.

Методологически важен вывод профессора В.П. Мотревича о том, что, несмотря на тяжелейшие условия жизни в советской деревне и мизерную оплату труда сельчан, было бы ошибочным отрицать многочисленные факты их самоотверженной работы. Другое дело, что под влиянием средств массовой пропаганды примеры такой успешной трудовой деятельности распространяли на все крестьянство, что не соответствовало реалиям того времени.

Ценным является и мнение автора о том, что деревенская действительность военных лет разительно отличалась от устоявшихся в отечественной литературе штампов. Несомненно, что большая часть колхозников оставалась лояльной к существующей системе, это отношение усиливалось отечественным характером войны. Однако многие крестьяне в обстановке существовавшей в деревне нищеты и беспорядка проявляли недовольство существующими порядками. Это выражалось в скрытых формах социального протеста — саботаже общественных работ, отказе от уплаты налогов и выполнения различных трудгужовинностей, бегстве из деревни и др.³

Одной из наиболее дискуссионных проблем аграрной истории военных лет является вопрос было ли обоснованным расширение посевных площадей в начальный период войны. По мнению автора, увеличение площадей под картофелем и овощи в индустриальных областях Урала было вполне правомерно. Иное дело — зерновые культуры, поскольку на Южном Урале не было условий для расширения их посевов. При нехватке рабочей силы и сокращении механизации

полевых работ, расширение посевов зерновых в колхозах и совхозах на Урале привело к отрицательным последствиям и еще более усилило негативное влияние войны. Можно согласиться и с выводом профессора В.П. Мотревича о том, что, завершение в 1941–1942 гг. перестройки сельского хозяйства на военный лад вовсе не означало немедленного улучшения положения в отрасли. Более того в 1943 г. положение в отрасли стало катастрофическим, в регионе возникла большая диспропорция в развитии промышленности и сельского хозяйства которая стала несколько сокращаться только к концу войны. В работе приводятся обобщающие данные о валовой продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении и натуральных показателях по всем категориям хозяйств в республиках и областях Урала за годы войны в сравнении с данными по СССР и РСФСР, анализируется состояние отдельных отраслей земледелия и животноводства.

В.П. Мотревич подробно исследует механизм уплаты натуральных и денежных налогов различными категориями хозяйств, характеризует проблему недоимок показывает огромные трудности и перегибы при их сборе, приводит обобщающие данные о вкладе сельского региона в продовольственный баланс страны⁴.

Завершая свое исследование, автор приходит к выводу, что в результате реализации сталинского варианта модернизации в стране была создана мобилизационная модель функционирования сельского хозяйства, которая по своим масштабам, содержанию и интенсивности носила беспрецедентный характер и оказалась хорошо приспособленной для нужд обороны. По его мнению, «во время войны «сверхцентрализм» и государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации ресурсов, концентрации усилий и в конечном счете стали одними из главных факторов Победы. Однако достигнуто это было за счет колоссальных усилий крестьянства и огромных жертв среди них»⁵.

Разумеется, как и любая работа, в том числе рецензируемая книга не лишена недостатков, слабых мест. В частности, было бы интересно сравнить развитие сельского хозяйства в период Великой Отечественной войны и в годы Первой мировой войны по таким показателям как валовая продукция, урожайность, продуктивность скота и др. В равной степени это замечание относится и к почти не реализованной возможности сравнить развитие сельского хозяйства в СССР, и у наших противников по Второй мировой войне. Прежде всего это относится к вопросу о масштабах государственного вмешательства в процесс сельскохозяйственного производства и трудовую деятельность сельчан.

Автор неоднократно приводит данные по Курганской области за 1940–1942 гг., хотя она была образована только в 1943 г. Характеризуя питание крестьянских семей, профессор В.П. Мотревич приводит очень низкие данные о потреблении сельчанами рыбы. Учитывая огромное количество рек и озер на Урале, а также наличие рыболовецких колхозов, приводимые данные нуждаются в специальном анализе. Автор поместил используемые в монографии работы И.В. Сталина в историографию. Представляется, что их следовало бы отнести к источникам. К числу недостатков следует отнести и некоторую перегруженность монографии статистическими материалами, можно посоветовать автору более подробно интерпретировать многочисленные ценные факты, выявленные им в архивах и приводимые в книге.

В вышедшей в 1991 г. рецензии на новые книги по аграрной истории Урала, крупнейший отечественный историк-а-

³ Там же. С. 535.

⁴ Там же. С. 430–530.

⁵ Там же. С. 540.

грарник И.Е. Зеленин отмечал, что их авторы предприняли попытки критически переосмыслить некоторые концептуальные постулаты советской историографии и с выходом этих работ начинается новый этап изучения истории крестьянства и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны⁶.

Спустя 30 лет в этом направлении, по нашему мнению, сделан большой шаг вперед. Анализ содержания монографии В.П. Мотревича позволяет утверждать, что в распоряжении занимающихся аграрной историей СССР ученых появилось новое, базирующееся на прочной источниковой базе исследо-

вание, которое займет достойное место в ряду трудов по истории советского тыла в годы Великой Отечественной войны.

В целом же рецензируемая монография является свидетельством тех позитивных перемен, которые произошли в постсоветской исторической науке. Без сомнения, книга В.П. Мотревича не закрывает полностью всех научных дискуссий по многим проблемам, оказавшимся в центре внимания ее автора, но она выводит их на новый уровень и намечает важные перспективы для дальнейшего изучения аграрной истории России в годы Великой Отечественной войны. Наконец книга написана понятным литературным языком и ее будет интересно прочитать не только историкам-аграрникам, но и всем тем, кто хочет разобраться в событиях Великой Отечественной войны на Урале.

⁶ Зеленин И. Е. Рецензия на кн.: Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. 203 с.; Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. 195 с. // История СССР. 1991. № 6. С. 168, 172.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Зеленин И. Е. Рецензия на кн.: Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. 203 с.
2. Мотревич В.П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.
3. Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. 195 с. // История СССР. 1991. № 6. С. 168–172.
4. Мотревич В.П. Материальное положение колхозного крестьянства Среднего Урала в период Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в период социализма. Свердловск: УрГУ, 1981. С. 45–66.
5. Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург: Наука: Уральское отделение, 1993. 307 с.

REFERENCES:

1. Zelenin I. E. Review of the book: Kornilov G. E. Ural village during the Great Patriotic War (1941–1945). Sverdlovsk, 1990. 203 p.;
2. Motrevich V.P. Collective farms of the Urals during the Great Patriotic War. Sverdlovsk, 1990. 195 p. // History of the USSR. 1991. No. 6. P. 168–172.
3. Motrevich V.P. Financial situation of the collective farm peasantry of the Middle Urals during the Great Patriotic War // Material and living situation of the working people of the Urals during the period of socialism. Sverdlovsk: UrGU, 1981. P. 45–66.
4. Motrevich V.P. Agriculture of the Urals in terms of statistics (1941–1950). Yekaterinburg: Nauka: Ural branch, 1993. 307 p.
5. Motrevich V.P. Contribution to the Victory: Ural agriculture during the Great Patriotic War. Yekaterinburg: Alfa Print, 2021. 700 p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность — 73%.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022, принята к публикации 02.02.2022

The article was received on 12.01.2022, accepted for publication 02.02.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Екатеринбург, Российская Федерация, Autor ID 5942-3942, e-mail: vvzap@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vasilii V. Zapariy, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, Autor ID 5942-3942, e-mail: vvzap@mail.ru

Научный рецензируемый журнал «История и современное мировоззрение» публикует авторские материалы по следующим базовым специальностям:

5.6.0 Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки),
- 5.6.6. История науки и техники (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)

Журнал размещается в РИНЦ <https://elibrary.ru/>

Журнал адресован историкам и любителям истории. Цель журнала состоит в формировании теории истории и по цели теории истории следовать логике в интерпретации исторических фактов в историческом времени и в историческом пространстве. Прошлое одно, а истории – истины, объясняющие прошлое, разные. История многоконцептуальна.

Индекс по каталогу агентства «Почта России»:
ПО572 «История и современное мировоззрение»

ПРАВИЛА ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ

Публикация статей в журнале осуществляется при условии заключения Автором лицензионного договора, условия и порядок заключения которого изложены в публичной оферте. Статьи и подписанный договор оферты следует направлять в электронном виде в Редакцию по E-mail: urvak@urvak.ru Телефон редакции: +7 (495) 932-47-09, +7 (916) 577-94-06

Редакционная политика Издательского дома «Юр-ВАК» основывается на принципах, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics), и соблюдает Кодекс этики научных публикаций Не коммерческого партнерства «Комитет по этике научных публикаций». Рукописи принимаются лишь при условии, что в настоящее время они не рассматриваются для публикации в другом издании, не размещались в Интернете и не были опубликованы ранее, ответственность за достоверность этой информации несет автор.

Авторы гарантируют, что их рукописи являются оригинальной работой, не содержащей элементов плагиата и недобросовестного заимствования.

Авторы должны уведомить Редакцию о наличии любых конфликтов интересов.

Авторы должны четко указать все источники, используемые в их тексте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность сведений, изложенных в статьях, цитат, юридических документов, а также не должны наносить урон чести, достоинству и деловой репутации третьих лиц.

Авторы должны сообщать о любых ошибках, которые они обнаружат в своей рукописи после публикации.

Статьи по техническим и физико-математическим наукам направляются авторам для сверки до выхода номера. После сверки, авторы должны прислать подтверждение в редакцию о результатах.

КОМПЛЕКТНОСТЬ РУКОПИСИ

1. В начале статьи указываются: фамилия, имя, отчество (полностью) автора, должность, ученое звание, учёная степень, место работы (все данные об авторах приводятся на русском и английском языках), электронный адрес, телефон.

2. Номер специальности (обязательно).

3. Название статьи на русском и английском языках.

4. Аннотация на русском языке и английском языках.

Аннотация должна быть четко структурированной и отражать следующие аспекты содержания статьи (не более 100 слов в каждом разделе):

Задача – Причины/цели написания исследовательской работы. Обязательны ссылки на иностранных авторов, работающих над исследуемой задачей.

Модель – Методология /как это было выполнено/область исследования.

Выводы – Обсуждение/результаты.

Рамки исследования/возможность последующего использования результатов научной работы (если применимо) – Исключения/следующие шаги.

Практическое значение (если применимо) – Применение на практике/Что дальше?

[NEW] Социальные последствия (если применимо) – Влияние на общество/политику.

Оригинальность/ценность – Кто сможет извлечь пользу из этой работы и что в ней нового? Для кого предназначена работа.

5. 4–6 ключевых слов на русском и английском языках (до 100 знаков с пробелами). Используйте релевантные и известные ключевые слова. Ключевые слова должны отражать суть работы, научную новизну.

6. Текст статьи в редакторе Word.

7. Список используемых литературных источников в едином формате, установленном ГОСТ Р 7.0.5–2008 и ГОСТ 7.82–2001; фамилии авторов в алфавитном порядке. Количество цитируемых публикаций не должно превышать 15 источников.

8. Заполненная публичная оферта Издательства, размещенная на сайте: <http://www.urvak.ru/upload/oferta-rus.pdf>

9. Отчет системы **Антиплагиат** www.antiplagiat.ru в расширенной версии в формате pdf и текстом проверяемой статьи.

–Рекомендуемая версия программы – система Антиплагиат. Вуз (модули поиска: Интернет (Антиплагиат), Коллекция eLIBRARY.ru, Диссертации и авторефераты РГБ, Университетская библиотека онлайн, Модуль поиска переводных заимствований, Модуль поиска ЭБС «Лань», Модуль поиска ЭБС «Айбукс», Кольцо вузов, Модуль поиска ЭБС Библио Россия, Цитирования).

–Если воспользоваться бесплатной версией программы Антиплагиат, установленной в ВУЗе, невозможно, то принимается отчет программы www.antiplagiat.ru в платной версии с модулями проверки: Интернет (Антиплагиат), Коллекция eLIBRARY.ru, Диссертации и авторефераты РГБ.

–Статьи рассматриваются с показателем оригинальности от 80%.

10. Объем публикуемых материалов неограничен, шрифт 14, интервал 1,5.

11. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

12. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном варианте по электронной почте на адрес редакции urvak@urvak.ru или непосредственно на электронном носителе, так и в печатном виде.

Библиографические ссылки к статьям авторы оформляют по ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». В библиографических ссылках используют сокращения отдельных слов и словосочетаний по ГОСТ 7.11–2004 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на иностранных европейских языках» и ГОСТ 7.12–93 «Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила».

Рекомендуем авторам использовать Гарвардский стиль (*Harvard Style* – именная – временная система (*name-date system*)): *после цитируемой фразы или ссылки на мнение автора в скобках указывается фамилия автора цитируемой работы и год ее публикации, а в списке литературы источники даются в алфавитном порядке* с тем, чтобы информация корректнее отображалась в международных базах данных.

Журналы Издательского дома «Юр-БАК» предоставляются в полнотекстовом виде в базе ведущего мирового агрегатора научной периодики EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках – указываются **фамилия автора** (без инициалов), **год**. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, указывают номер страницы: [Иванов, 2010: 60]

В списке литературы:

- *ссылка на статью в журнале*

1. Иванов И.И. Название статьи // Название журнала. Год. Т. (номер тома). № (номер). С. (страницы). [Транслитерация (не перевод) фамилии и инициалов (не курсивом): Ivanov I.I. Перевод названия статьи на англ. язык. Название журнала (курсивом) (если журнал имеет официальный перевод своего названия на англ. язык, то необходимо указывать его (обычно у современных изданий он есть), если издание относится к советскому или досоветскому периоду, то нужно давать его транслитерацию). Год. Vol. (номер тома). № (номер). Р. (страницы).]

- *ссылка на книгу*

1. Иванов И.И. Название книги: указание вида издания (монография, учеб. пособие и т.п.) / ред. (инициалы фамилия) В.В. Петров. Город: название издательства, год. С. (страницы). [Транслитерация (не перевод) фамилии и инициалов (не курсивом): Ivanov I.I. Перевод названия книги на англ. язык: указание вида издания (монография, учеб. пособие и т.п.) на англ. языке / ред. (на англ. языке) V.V. Petrov (транслитерация). Город (на англ. языке): название издательства (если издательство имеет официальный перевод своего названия на англ. язык, то необходимо указывать его (обычно у современных издательств он есть), если издание относится к советскому или досоветскому периоду, то нужно давать транслитерацию назв. издательства), год. Р. (страницы).]

Если ссылка содержит сведения о нескольких работах, они разделяются знаком точка с запятой:

[Иванов, Сидоров, Латышев, Год; Петров, Год]

Названия книг, публикаций, журналов или издательств указываются без кавычек (если они не являются частью названий).

Тире при оформлении служебной информации (год, №, город и т.п.) *не ставятся*.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Издательский дом «Юр-БАК» осуществляет обязательное двойное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журналов, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых статей.

Срок рецензирования – **20 рабочих дней**.

Все статьи проходят первичный отбор на соответствие:

- общим содержательным требованиям и требованиям к оформлению библиографических ссылок;
- заявленным научным направлениям журналов;
- проверяются системой Antiplagiat в полной платной версии на сайте www.antiplagiat.ru, данные об оригинальности статей печатаются в журналах после текста работы;
- к публикации принимаются тексты, оригинальность которых составляет не менее 80%.

Если в ходе обязательной независимой редакционной проверки будут обнаружены факты некорректного обхода системы проверки Антиплагиат, в публикации будет отказано.

После успешного прохождения первичного отбора статьи направляются на **обязательное внешнее рецензирование**. Рецензенту направляется для рассмотрения статья автора и отчет программы Антиплагиат www.antiplagiat.ru.

Решение о публикации или отклонении поступающих в журнал материалов принимается редакционной коллегией в соответствии с положением о рецензировании. Подробные правила рецензирования изложены на сайте Издательского дома «Юр-БАК» <http://www.urvak.ru/review/>.

В своем отзыве на статью рецензент:

1. Оценивает соответствие статьи тематике журнала;
2. Проводит оценку уровня научной работы представленной рукописи;
3. Оригинальные результаты/ выводы, полученные в работе;
4. Наличие ошибочных утверждений;
5. Отсутствие заимствований;
6. Актуальность и значимость представленной статьи;
7. Наличие ссылок на работы других авторов, в том числе и зарубежных исследователей, работающих по данной тематике;
8. Определяет качество оформления работы;
9. Соответствие заглавия и аннотации основному содержанию работы;
10. Наличие сформулированной во введении цели работы;
11. Адекватность и обоснованность основных выводов работы;
12. Требуются ли орфографические правки в тексте;
13. Дает одно из следующих заключений по работе в целом:

-статью можно публиковать в соответствующем по тематике журнале «Издательского дома Юр-БАК»;

-статью можно публиковать в соответствующем по тематике журнале «Издательского дома Юр-БАК» после доработки текста автором;

-статью необходимо качественно переработать и рассмотреть вопрос о ее публикации после нового рецензирования.

Отрицательная рецензия оформляется на отдельной странице для отправки авторам с подписью рецензента и главного редактора.

Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция не выплачивает авторам денежные вознаграждения за предоставленные для публикации материалы.